Девятнадцатый вѣкъ начался для Россіи при тяжелой обстановкѣ. Послѣ тридцати-четырехъ лѣтняго правленія Екатерины надъ имперіею, по выраженію Карамзина, пронесся грозный метеоръ. Настало царствованіе императора Павла Перваго. Но 12-го марта 1801 года произошла не менѣе неожиданная перемѣна: воцарился ангелъ кротости и милосердія въ лицѣ императора Александра Перваго. Наступила заря, предвѣщавшая прекрасный весенній день; готовился распвѣтъ всего лучшаго, возвышеннаго и чистаго. Русская исторіографія не запомнитъ подобнаго явленія. На тронѣ, по давнему предсказанію Державина, появился наконецъ «*человѣкъ*». Неудивительно поэтому, что надежды на лучшее будущее разомъ охватили всю мыслящую Россію. Восторгъ, вызванный случившеюся внезапно перемѣною, былъ самый неподдѣльный, самый искренній, можно даже сказать, что онъ принялъ стихійный характеръ!

Пышный весенній расцвѣтъ, обрадовавшій тогда Россію, оказался, однако, недолговѣчнымъ явленіемъ. Вьюги и мятели стерли его съ лица русской земли, и отъ прожитыхъ тогда радостныхъ дней уцѣлѣло одно прекрасное воспоминаніе, сопровождавшееся загѣмъ нескончаемымъ рядомъ горькихъ и тяжелыхъ разочарованій. Но это совершилось не сразу; политическій горизонтъ только постепенно покрылся тучами, и солнце засіявшее 12-го марта, не вдругъ померкло.

Императоръ Павелъ I.

I.

Когда ночью на 12-е марта 1801 года императоръ Александръ прибылъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ, былъ выработанъ манифестъ, возвѣщавшій, что новый Государь будетъ управлять Богомъ врученнымъ ему народомъ по законамъ и сердцу «Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна».

«Все будетъ при мнѣ, какъ при бабушкѣ», обѣщано было лично императоромъ Александромъ уже нѣсколькими часами ранѣе караулу семеновскаго полка, занимавшему Михайловскій замокъ въ день 11-го марта.

Въ данный, невыразимо грустный, моментъ нельзя было преподать лучшаго утѣшенія, придумать вѣрнѣйшее средство для успокоенія Россіи. Общество какъ бы возрождалось къ новой жизни.

Прежде всего нужно было залѣчить раны, нанесенныя послѣ кончины Екатерины государственному организму Россіи. За это благодарное дѣло и взялся императоръ Александръ со всѣмъ пыломъ юноши, стремившагося къ водворенію одной правды и справедливости. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ условіяхъ въ наступившемъ тогда новомъ періодѣ русской исторіи нельзя подмѣтить ни одной фальшивой ноты, которая своимъ непрошеннымъ явленіемъ разстроила бы радостное настроеніе всей русской земли. Одинъ всеобщій гармоническій аккордъ услаждалъ слухъ современниковъ тѣхъ счастливыхъ мгновеній, во время которыхъ надъ Россіею сіяло чистое безоблачное небо! Дѣйствительно, никогда еще въ Россіи не испытывали того чувства благосостоянія, которымъ объята была имперія въ первые шесть мѣсяцевъ царствованія Александра. По замѣчанію современника: «любовью управляла, и свобода вмѣстѣ съ порядкомъ водворялись въ ней. Всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе».

Работы предстояло немало; всѣ отрасли государственнаго управленія приведены были за четырехъ-лѣтнее правленіе Павла въ разстройство. Поэтому первыя заботы новаго правительства заключались въ отмѣнѣ перемѣнъ, внесенныхъ императоромъ Павломъ въ учрежденія своей матери, въ возвращеніи сословіямъ и обществамъ присвоенныхъ имъ прежде правъ. Царствованіе Павла I нарушило стремленіе, обнаруженное законодательствомъ Екатерины, ввести въ Россіи правильную общественную организацію и начать твердое опредѣленіе правъ отдѣльныхъ сословій для ихъ гражданской самодѣятельности. Александръ, подготовленный воспитаніемъ къ принятію новыхъ общественныхъ идей, обнаружилъ явное стремленіе на мѣсто слѣпой прихоти и насилія водворить законъ и справедливость. Онъ не побоялся даже открыто высказать, что не признаетъ на землѣ справедливою власти, которая не исходитъ отъ закона; въ его глазахъ законъ являлся залогомъ блаженства всѣхъ и каждаго.

Для исполненія своихъ благихъ намѣреній государю безотлагательно нужно было обновить личный составъ главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, окружавшихъ въ послѣднее время императора Павла. Прежде всѣхъ палъ генералъ-прокуроръ *Обольянинова*; онъ былъ немедленно принесенъ въ жертву общему неголованію.

Императоръ Александръ I. Картина Крюгера.

16-го марта 1801 года послѣдовалъ указъ сенату: «генералъ-отъ-инфантеріи *Беклешова*, уволеннаго отъ службы, принявъ паки въ оную, всемилостивѣйше повелѣваемъ ему быть нашимъ генералъ-прокуроромъ».

Внѣшняя политика была ввѣрена руководству графа Никиты Петровича *Панина*, занимавшаго при Павлѣ I должность вице-канцлера, а затѣмъ высланнаго изъ Петербурга.

Освобожденіе несчастныхъ жертвъ тайной экспедиціи, въ которой роль инквизитора игралъ Обольянинова, было первымъ подвигомъ монарха, принявшаго скипетръ 12-го марта; нѣсколько сотъ человѣкъ увидѣли свѣтъ Божій и были возвращены обществу. Петропавловская крѣпость въ первый разъ опустѣла вдругъ — и надолго. Въ числѣ помилованныхъ находились: бывшій коллежскій совѣтникъ Александръ Николаевичъ *Радищевъ*, проживавшій въ калужской губерніи безъ права въѣзда въ столицы, и артиллеріи подполковникъ Алексѣй Петровичъ *Ермоловъ*. Указомъ, даннымъ военной коллегіи 13-го марта, на другой день по воцареніи императора Александра повелѣно было: «всѣхъ выключенныхъ по сентенціи военнаго суда и безъ суда генераловъ штабъ и оберъ-офицеровъ, считать отставленными отъ службы». 15-го марта эта милость распространена была и на гражданскихъ чиновниковъ, изъ службы выключенныхъ или отрѣшенныхъ безъ суда и безъ законнаго разслѣдованія. По нѣкоторымъ современнымъ свидѣтельствамъ, число лицъ, возвратившихся на службу и получившихъ прежнія права, простиралось до 12,000 человѣкъ.

Одновременно съ этими милостями приступлено было къ обнародованію цѣлаго ряда правительственныхъ мѣръ, которыми Александръ спѣшилъ исправить вредъ, нанесенный Россіи до него. Почти каждый день царскій указъ уничтожалъ какую-нибудь несправедливость или стѣсненіе и открывалъ путь къ свободной и плодотворной дѣятельности. Одинъ лишь неизбѣжный ежедневный павловскій вахтъ-парадъ оставался незыблемымъ; но отнынѣ онъ не сопровождался болѣе тѣми ужасающими послѣдствіями, повергавшими участниковъ его въ невыразимый трепетъ въ продолженіе всего Павловскаго царствованія.

Указы императора Александра, появлявшіеся въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ вслѣдъ за 12-мъ марта, представляютъ собою цѣлый рядъ освободительныхъ мѣръ и служатъ лучшей характеристикой наступившей новой и небывалой эпохи русской исторіи. Подобно тому, какъ Екатерина въ 1762 году, Александръ имѣлъ полное право сказать въ 1801 году, что повелѣнія его единственно склонялись къ «*возстановленію всего того, что въ государствѣ по сіе время противу добраго порядка вкоренилося*». Повелѣнія эти слѣдующія:

14-го марта: снятіе запрещенія на вывозъ разныхъ продуктовъ и товаровъ изъ Россіи.

15-го марта: манифестъ, объявлявшій амнистію бѣглецамъ, укрывшимся въ заграничныхъ мѣстахъ; всѣ вины ихъ кромѣ смертоубійства предавались забвенію. Того же числа послѣдовалъ указъ о возстановленіи дворянскихъ выборовъ.

16-го марта: снятіе запрещенія на привозъ въ Россію разныхъ товаровъ изъ чужихъ краевъ.

17-го марта: отмѣна въ губернскихъ городахъ ратгаузовъ, а въ уѣздныхъ—ордонансъ-гаузовъ.

19-го марта: указъ, объявленный оберъ-полицеймейстеру графомъ Паленомъ, чтобы чиновники полицейскіе отнюдь изъ границъ должности своей не выходили, «*а тѣмъ менѣе не дерзали причинять никому никакихъ обидъ и притѣсненій*».

22-го марта: о свободномъ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію и отъѣзжающихъ изъ нея.

24-го марта: отмѣна запрещенія на вывозъ за границу хлѣба и вина.

26-го марта упраздненъ былъ существовавшій при Дворѣ *Совѣтъ*, а 30-го марта учрежденъ *Совѣтъ непремѣнный* для разсмотрѣнія и уваженія государственныхъ дѣлъ и постановленій; этому новому установленію данъ былъ *наказъ*, которымъ руководствовались до преобразованія Совѣта въ 1810 году.

31-го марта послѣдовала отмѣна запрещенія императора Павла (отъ 18-го апрѣля 1800 года) относительно ввоза изъ-за границы книгъ и музыкальныхъ нотъ; повелѣнія распечатать частныя типографіи, и дозволеніе имъ печатать книги и журналы. — Того же числа была объявлена роспись кирасирскимъ, драгунскимъ, гусарскимъ, гренадерскимъ, мушкатерскимъ и егерскимъ полкамъ, коимъ Высочайше повелѣно именоваться прежними историческими именами, вмѣсто введеннаго императоромъ Павломъ названія по именамъ шефовъ.

2-го апрѣля императоръ Александръ прибылъ въ Сенатъ и, занявъ предсѣдательское мѣсто въ общемъ собраніи Сената, велѣлъ прочесть подписанныя имъ въ тотъ день пять манифестовъ: 1) о возстановленіи жалованной дворянству грамоты; 2) о возстановленіи городового положенія и грамоты, данной городамъ; 3) о свободномъ отпускѣ россійскихъ произведеній за границу, объ оставленіи сбора пошлинъ съ оныхъ на прежнемъ основаніи и о предоставленіи казеннымъ поселянамъ пользоваться лѣсами, въ чемъ они были затруднены лѣснымъ вѣдомствомъ; 4) объ уничтоженіи тайной экспедиціи и о вѣдѣніи дѣлъ, производящихся въ оной въ Сенатѣ, и 5) объ облегченіи участи преступниковъ и о сложеніи казенныхъ взысканій до 1,000 рублей.

Духъ и направленіе воцарившагося императора въ особенности ярко выступаютъ въ манифестѣ объ уничтоженіи тайной экспедиціи, въ которомъ государь говоритъ, что въ благоустроенномъ государствѣ «*вси преступленія должны быть объявляемы, судимы и наказуемы общею силою закона*», и потому признаетъ за благо не только названіе, но и самое дѣйствіе тайной экспедиціи навсегда упразднить и уничтожить, повелѣвая всѣ дѣла, въ оной бывшія, отдать въ государственный архивъ къ вѣчному забвенію, а на будущее время вѣдать ихъ въ 1-мъ и 5-мъ департаментахъ Сената, и во всѣхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ вѣдаются дѣла уголовныя. Въ заключеніе этого манифеста сказано: «Сердцу нашему пріятно вѣрить, что, сливая пользы наши съ пользами нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая единому дѣйствію закона охраненіе имени нашего и государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества или злобы, мы даемъ имъ новое доказательство, колико удостовѣрены мы въ вѣрности ихъ къ намъ и престолу нашему, и что пользъ нашихъ никогда не раздѣляемъ мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо нашихъ и воли».

Все это было дѣйствительно ново, отъ него вѣяло чѣмъ-то инымъ, небывалымъ, предвѣщавшимъ, какъ казалось, коренное измѣненіе государственнаго управленія имперіи.

8-го апрѣля было повелѣно уничтожить висѣлицы, которыя были поставлены въ городахъ при публичныхъ мѣстахъ, и къ которымъ прибивались имена провинившихся лицъ.

9-го апрѣля послѣдовалъ указъ, избавлявшій солдатъ отъ ненавистныхъ куклей, которыя повелѣно было обрѣзать: косы пока еще сохранялись, и онѣ, имѣя длину въ четыре вершка, должны были завязываться въ половину воротника.

22-го мая, въ указѣ Святѣйшему Синоду, повелѣно было: «священниковъ и діаконовъ, въ уголовныя преступленія впадшихъ и судомъ обличенныхъ, отъ тѣлеснаго наказанія освободить». При чтеніи этого указа императоръ Александръ лично присутствовалъ въ Синодѣ.

28-го мая генералъ-маіоръ Беклешовъ сообщилъ президенту академіи наукъ *Николаи* указъ, дабы объявленіе о продажѣ людей безъ земли ни отъ кого для напечатанія въ вѣдомостяхъ принимаемо не было. Это распоряженіе обращаетъ на себя вниманіе, какъ первое осторожное мѣропріятіе императора Александра, направленное противъ крѣпостного права.

5-е іюня ознаменовано было изданіемъ двухъ важныхъ указовъ: Сенату повелѣвалось представить особый докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, для утвержденія оныхъ силою закона на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ, а затѣмъ управленіе комиссіею доставленія законовъ поручалось графу Завадовскому; вмѣстѣ съ тѣмъ въ особомъ рескриптѣ на его имя высказаны были мотивы

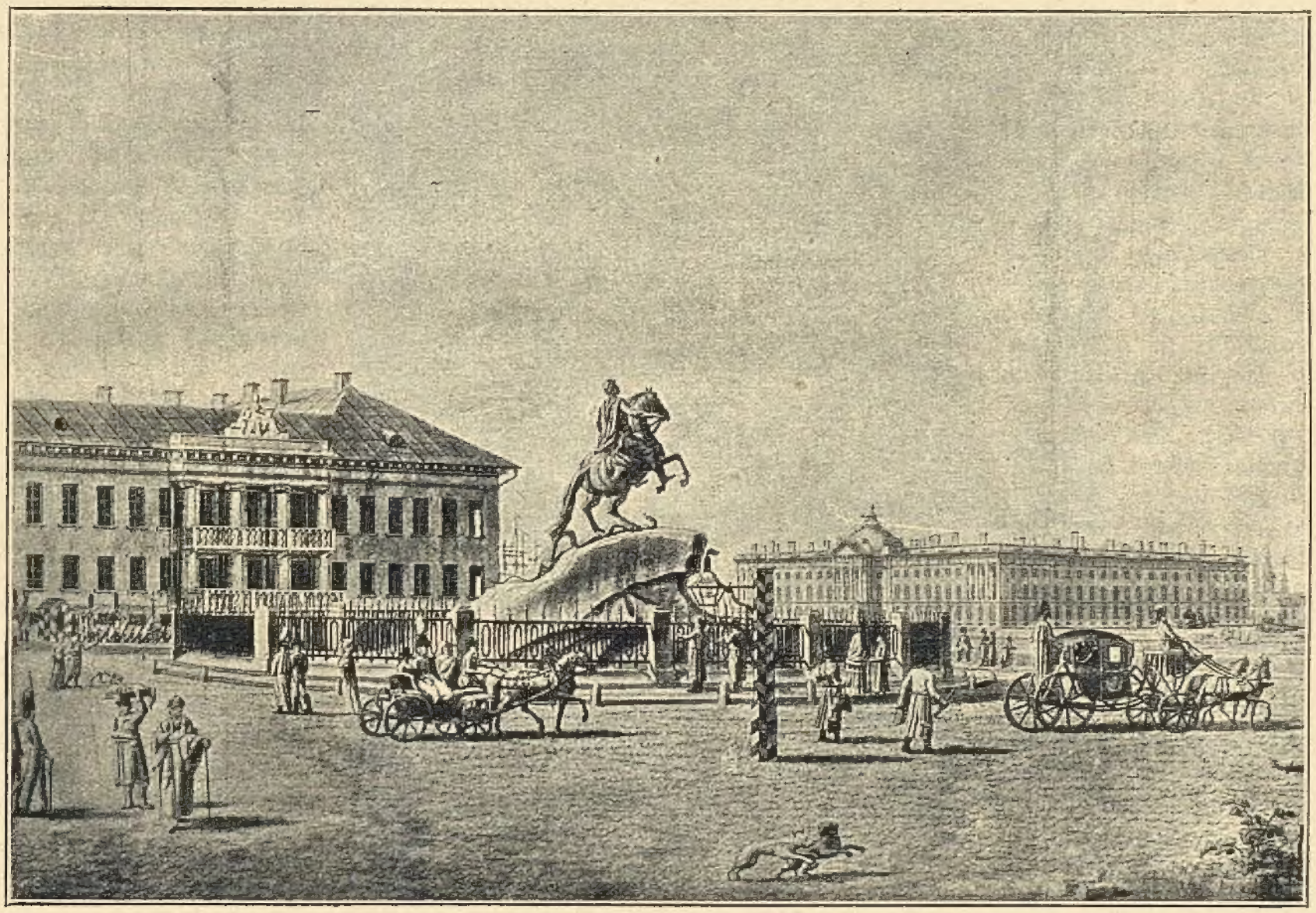
учрежденія комиссіи, принятой государемъ въ собственное вѣдѣніе.

Въ заключеніе этого краткаго перечня первыхъ мѣропріятій воцарившагося государя упомянемъ еще объ указѣ 26-го іюня, по которому отмѣнялись шлагбаумы по городамъ и селамъ, гдѣ отсутствовалъ военный гарнизонъ.

Въ перечисленныхъ здѣсь вкратцѣ главнѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, сопровождавшихъ воцареніе Александра I, вполнѣ отразились задушевныя мысли, воодушевлявшія юнаго государя и тѣ начала правды, законности и терпимости, которыя онъ желалъ привить къ русской жизни. Но Александръ этимъ не довольствовался; за официальными распоряженіями скрывалась еще негласная внутренняя работа нѣкоторыхъ довѣренныхъ и близкихъ къ нему лицъ. Хотя разсужденія ихъ, лично руководимыя государемъ и не нашли себѣ выраженія въ какихъ-либо новыхъ законоположеніяхъ, но, тѣмъ не менѣе они все-таки не остались безъ вліянія на многія стороны общественнаго движенія этой эпохи. Поэтому о нихъ нельзя умолчать въ общемъ очеркѣ политическихъ событій русской исторіи начала девятнадцатаго столѣтія.

Негласная дѣятельность государя нашла себѣ выраженіе въ такъ-называемомъ *комитетѣ общественной безопасности* (Comité du salut public), составленномъ изъ ближайшихъ друзей Александра. Это были графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, Николай Николаевичъ Новосильцовъ, графъ Викторъ Павловичъ Кочубей и князь Адамъ Чарторижскій. Разсужденія этого довѣреннаго собранія, руководимаго самимъ государемъ, клонились къ тому, чтобы подготовить радикальное преобразованіе *безобразнаго зданія управленія Имперіи* (réforme de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire). Въ сущности дѣятельность негласнаго комитета сводилась какъ бы къ заговору противъ официальной Россіи и лицъ, стоявшихъ во главѣ администраціи государства.

Политическія усложненія, среди которыхъ начался 1801 г., побудили императора Александра обратить немедленное особенное вниманіе на устраненіе внѣшнихъ затрудненій и прежде всего на возстановленіе дружескихъ сношеній съ Англіею, флотъ которой приближался къ Ревельскому порту. Съ этою цѣлью немедленно отмѣнена была экспедиція донскихъ казаковъ въ Индію, затѣянная по повелѣнію императора Павла; затѣмъ послѣдовало снятіе амбарго съ судовъ англійскихъ купцовъ и освобожденіе имѣній ихъ отъ секвестра, а 5-го (17-го) іюня подписана была конвенція о взаимной дружбѣ съ Великобританіею. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Александръ отказался отъ острова Мальты и не принялъ званія великаго магистра державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; государь довольствовался скромнымъ званіемъ протектора ордена и повелѣлъ снять мальтійскій крестъ съ русскаго государственнаго герба. Такимъ образомъ русская политика освободилась наконецъ отъ чуждыхъ Россіи мальтійскихъ увлеченій и вступила снова на реальный путь, болѣе согласованный съ интересами Имперіи. Первоначальныя воззрѣнія императора Александра на политическія



Сенатъ и Петровская площадь при Александрѣ I. По совр. рисунку.

задачи Россіи лучше всего выяснились въ инструкціи, данной 5-го іюля 1801 года представителямъ нашимъ при главнѣйшихъ европейскихъ дворахъ.

Въ этой, одушевленной миролюбивыми чувствами, инструкціи, государь, между прочимъ, заявлялъ: «Я не вмѣшаюсь во внутреннія несогласія, волнующія другія государства; мнѣ нѣтъ нужды, какую бы форму правленія ни установили у себя народы, пусть только руководствуются въ отношеніи къ моей Имперіи тѣмъ же духомъ терпимости, какимъ руководствуюсь и я, и мы останемся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ».

10-го мая послѣдовалъ указъ о возстановленіи миссіи при вѣнскомъ дворѣ, и графу А. К. Разумовскому повелѣно было снова занять прежнее посольское мѣсто въ Вѣнѣ. Во Францію посланъ былъ графъ Морковъ, который 26-го сентября (8-го октября) 1801 года подписалъ мирный договоръ съ Франціею.

Въ то время, когда происходили эти дипломатическіе переговоры, которыми надѣялись упрочить столь желанный всѣми миръ въ Европѣ, въ Москвѣ совершилась 15-го сентября коронація императора Александра.

Награды, розданныя въ этотъ день, не отличались особенною щедростью и вообще не выходили изъ разряда обыкно-

венныхъ; крестьянъ не было роздано вовсе, къ великому огорченію многихъ, которые помнили еще, какъ императоръ Павелъ ознаменовалъ свое вѣнчаніе на царство раздачею въ одинъ день болѣе 82.000 душъ. Вотъ что отвѣчалъ Александръ одному изъ сановниковъ, просившему пожалованія имѣніемъ: «Большая часть крестьянъ въ Россіи рабы: считаю лишнимъ распространяться объ уничиженіи человѣчества и о несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и поэтому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность».

Независимо отъ ряда милостей, дарованныхъ народу въ день коронованія, императоръ Александръ завершилъ свои благодѣянія *уничтоженіемъ пытки.*

Сенату повелѣвалось наистрожайшимъ образомъ подтвердить всѣмъ управленіямъ и судамъ въ имперіи, чтобы никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допускать, ни исполнять никакихъ истязаній и пристрастныхъ допросовъ, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія, и чтобы, наконецъ, «самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной».

Князь Адамъ Чарторижскій. Съ совр. гравюры.

Въ память коронованія была выбита медаль, рисунокъ которой не лишенъ значенія, какъ всенародное выраженіе основной мысли, руководившей въ то время всѣми начинаніями Александра. На этой медали находилось съ одной стороны изображеніе государя, а съ другой—обрѣзокъ колонны, съ надписью на ней *законъ*, увѣнчанный императорскою короною, а вокругъ красовалась многознаменательная надпись: *«залогъ блаженства всѣхъ и каждаго»*.

8-го сентября 1802 г. послѣдовало учрежденіе министерствъ, которыя замѣнили собою коллегіальное управленіе Петра Великаго. Всѣхъ министерствъ было учреждено восемь, а именно: 1) военныхъ и сухопутныхъ силъ, 2) морскихъ силъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія.

Министрамъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ и народнаго просвѣщенія, по обширности ввѣренныхъ имъ частей, положено было придать помощниковъ въ званіи товарищей министровъ. Военная коллегія, адмиралтействъ-коллегія и иностранная коллегія были оставлены на прежнемъ ихъ основаніи и подчинены министрамъ: военно-сухопутныхъ силъ, морскихъ силъ и иностранныхъ дѣлъ. Всѣ министры состояли вмѣстѣ съ тѣмъ членами въ совѣтѣ и присутствовали въ сенатѣ.

Прочія, существовавшія дотолѣ коллегіи, поступили въ составъ министерствъ и преобразовались въ департаменты. Министры подчинены были верховному надзору сената; они обязывались доставлять ежегодно отчеты, каждый по дѣятельности своего министерства, сенату, какъ важнѣйшему верховному мѣсту.

Сенатъ же долженъ былъ дѣлать свои заключенія и представлять докладомъ государю. Введено было постановленіе, въ силу коего подпись государя на указахъ и повелѣніяхъ имѣла быть контрасигнована подлежащимъ министромъ.

Учрежденъ былъ комитетъ министровъ для совмѣстнаго обсужденія общихъ государственныхъ дѣлъ. Съ 16-го сентября 1802 г. до сентября 1805 г. императоръ Александръ, за немногими исключеніями, лично предсѣдательствовалъ въ комитетѣ. Съ 1807 г. посѣщеніе государемъ комитета совсѣмъ прекратилось. Сверхъ того, сохранена была, существовавшая въ то время въ видѣ самостоятельной части, должность государственнаго казначея.

8-го сентября были назначены министрами: 1) военныхъ сухопутныхъ силъ — генералъ-отъ-инфантеріи и президентъ военной коллегіи *Вязмитиновъ;* 2) военныхъ морскихъ силъ — адмиралъ и вице-президентъ адмиралтействъ коллегіи *Мордвиновъ;* 3) иностранныхъ дѣлъ—(съ титуломъ государственнаго канцлера) графъ Александръ Романовичъ *Воронцовъ;* товарищемъ его—тайный совѣтникъ князь Адамъ *Чарторижскій;* 4) юстиціи — генералъ-прокуроръ *Державинъ;* 5) внутреннихъ дѣлъ — графъ *Кочубей;* товарищемъ его—тайный совѣтникъ графъ Павелъ Александровичъ *Строгоновъ;* 6) финансовъ — графъ *Васильевъ;* товарищемъ его—гофмейстеръ *Гурьевъ;* 7) коммерціи — графъ Николай Петровичъ *Румянцовъ;* 8) народнаго просвѣщенія — графъ *Завадовскій:* товарищемъ его — тайный совѣтникъ Михаилъ Никитичъ *Муравьевъ.* Государственнымъ казначеемъ назначенъ былъ тайный совѣтникъ *Голубцовъ,* а князь Александръ Борисовичъ *Куракинъ* (бывшій вице-канцлеръ) пожалованъ канцлеромъ россійскихъ орденовъ.

Нѣсколько позже назначенъ былъ товарищемъ министра юстиціи дѣйствительный камергеръ Н. Н. *Новосильцевъ,* когда въ 1803 г. Державинъ получилъ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ и замѣненъ былъ княземъ *Лопухинымъ.*

Недовольныхъ реформою оказалось не малое число. Старики, привязанные къ старымъ формамъ, громко возстали противъ новаго учрежденія. Сожалѣли объ исчезновеніи коллегіальнаго порядка, установленнаго Петромъ Великимъ, и сокрушались объ утратѣ сенатомъ какихъ-то правъ, примѣненіе которыхъ на дѣлѣ, однако, довольно трудно уловить въ его историческомъ прошломъ. Одинъ изъ современниковъ ставитъ въ своихъ воспоминаніяхъ вопросъ, очень характерный для лицъ, недовольныхъ реформами Александра I. Онъ именно спрашиваетъ, передъ кѣмъ собственно въ Россіи будутъ отвѣчать министры? «Передъ государемъ, который долженъ уважать въ нихъ свой выборъ, котораго дѣлаютъ они участникомъ своихъ ошибокъ, и который, не признавшись въ оныхъ, не можетъ ихъ удалить? Передъ народомъ, который ничто? Передъ потомствомъ, о которомъ они не думаютъ? Развѣ только передъ своею совѣстью»...

Императоръ Александръ, съ своей стороны остался довольнымъ совершившимся преобразованіемъ и 26-го октября 1802 г. писалъ Лагарпу, что министерства образованы и идутъ довольно хорошо уже болѣе мѣсяца. «Дѣла отъ этого пріобрѣли болѣе ясности и методичности, и я знаю тотчасъ, съ кого требовать, если что-нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ».

Одновременно съ учрежденіемъ министерствъ послѣдовалъ указъ о *расширеніи правъ сената,* которому было присвоено весьма высокое значеніе. Въ числѣ правъ и обязанностей сената, перечисленныхъ въ указѣ, заслуживаетъ вниманія статья *о дозволеніи* этому верховному мѣсту представлять государю о такихъ указахъ, которые въ исполненіи сопряжены съ великими неудобствами, или несогласны съ прочими узаконеніями, или же неясны; но когда *по таковому представленію не будетъ учинено перемѣны,* то указъ остается въ своей силѣ. Введеніе въ указъ 8-го сентября этой статьи, утвержденной не безъ нѣкотораго колебанія, имѣло въ виду ограничить произволъ министровъ,

имѣвшихъ возможность испрашивать Высочайшія повелѣнія помимо сената, нисколько не сообразуясь съ существовавшими законами. Однако, при всей скромности этой статьи, она, на первыхъ же порахъ, оказалась мертвою буквою. Александръ, къ удивленію ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, относился недружелюбно къ самому умѣренному и законному проявленію самостоятельности взглядовъ этого верховнаго мѣста въ имперіи.

Близкій къ императору Александру человѣкъ, князь Адамъ Чарторижскій, оставилъ слѣдующую характеристику внутренняго смысла всѣхъ дѣяній государя въ первые годы его царствованія. Онъ пишетъ: «Великіе помыслы объ общемъ благѣ, великодушныя чувства, желаніе принесть имъ въ жертву собственныя удобства и часть своей власти, отказаться, наконецъ, отъ неограниченнаго могущества, дабы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить въ будущемъ счастіе людей, подчиненныхъ его волѣ, все это нѣкогда искренно занимало императора; все это продолжало занимать его и теперь, но это былъ юношескій порывъ, а не твердое рѣшеніе зрѣлаго человѣка. Императоръ любилъ наружныя формы свободы, подобно тому, какъ увлекаются зрѣлищами. Ему нравился призракъ свободнаго правительства, и онъ хвастался имъ; но онъ домогался однѣхъ формъ и наружнаго вида, не допуская обращенія ихъ въ дѣйствительность».

Что же касается самыхъ указовъ 8-го сентября, то нельзя не замѣтить, что заключая въ себѣ постановленія, до нѣкоторой степени другъ другу противорѣчащія и недостаточно между собою согласованныя, они, при примѣненіи ихъ, должны были вызвать затрудненія и недоразумѣнія. Нѣкоторые изъ довѣренныхъ совѣтниковъ Александра сознавали несосуществимость многихъ изъ дарованныхъ сенату правъ и предвидѣли, что они останутся безъ примѣненія; въ дѣйствительности такъ и случилось. Хотя по первоначальному плану министры подчинены были верховному надзору сената, но, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и въ силу довѣрія императора къ избраннымъ имъ министрамъ, они заняли первенствующее положеніе, отодвинувъ фактически на второй планъ сенатъ и совѣтъ.

Императоръ Александръ I и Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій, надъ гробомъ Фридриха Великаго даютъ другъ другу клятву въ вѣрности.

Изъ образованныхъ въ 1802 г. министерствъ наибольшую дѣятельность выказали тогда министерство внутреннихъ дѣлъ, благодаря присутствію въ немъ Сперанскаго, и министерство народнаго просвѣщенія вслѣдствіе особеннаго вниманія, обращеннаго императоромъ Александромъ на эту отрасль государственнаго управленія.

Въ 1803 г. (24-го января) изданы были: «Предварительныя правила народнаго просвѣщенія», посредствомъ которыхъ рядомъ съ университетами, создалась цѣлая система среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній: гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Въ слѣдующемъ 1804 г., 5-го ноября, появились уставы учебныхъ заведеній среднихъ и низшихъ, подвѣдомыхъ университетамъ, и грамоты и уставы для университетовъ московскаго и вновь учрежденныхъ харьковскаго и казанскаго. Харьковскій университетъ былъ созданъ на средства, собранныя просвѣщенною заботливостью Василія Назаровича *Каразина*. Уставы поименованныхъ трехъ университетовъ почти буквально сходны были между собою; но въ каждомъ изъ этихъ уставовъ просвѣчиваетъ однако мысль законодателя о необходимости предоставить каждому университету возможность развиваться своеобразно, примѣняясь къ мѣстнымъ требованіямъ и особенностямъ.

12-го декабря 1802 г. былъ изданъ *актъ постановленія университета въ Дерптѣ*, а 18-го мая 1803 г. былъ утвержденъ уставъ или *общія постановленія виленскаго университета и училищъ его округа*. Мѣсто попечителя виленскаго округа занялъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ князь Адамъ Чарторижскій. 25-го іюня 1803 г. состоялось обнародованіе новаго регламента для академіи наукъ. Президентомъ ея былъ назначенъ попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцовъ. 16-го апрѣля слѣдующаго 1804 г. въ Петербургѣ былъ учрежденъ *педагогическій институтъ* для приготовленія юношества къ учительской должности; онъ составлялъ отдѣленіе предполагавшагося къ учрежденію въ Петербургѣ университета.

При учрежденіи министерствъ не забыта была также цензура; она была отнесена къ министерству народнаго просвѣщенія. Послѣдствіемъ этого распоряженія было снабженіе ея особымъ *уставомъ* (9-го іюля 1804 года), «но не для стѣсненія свободы мыслить и писать», какъ именно упоминается въ докладѣ министра, «а единственно для принятія пристойныхъ мѣръ противъ злоупотребленія оной». Весь уставъ состоялъ изъ 47 параграфовъ; обстоятельство это заслуживаетъ вниманія, если принять въ соображеніе, что цензурный уставъ, представленный въ 1826 году, къ царствованіе императора Николая А. С. Шишковымъ, возросъ до почтенной цифры 230 параграфовъ. Въ продолженіе всего царствованія императора Александра цензурный уставъ 1804 года оставался безъ измѣненія. Только съ 1817 года, съ учрежденіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, ввѣреннаго князю Александру Николаевичу Голицыну, цензура получила особый, вопреки либеральному духу устава, стѣснительный оттѣнокъ, отсутствовавшій въ началѣ царствованія Александра.

Руководствуясь столь просвѣщенными взглядами при учрежденіи цензуры, неудивительно, что императоръ Александръ оказывалъ поощреніе литературѣ, оказывая поддержку и поощреніе русскимъ писателямъ. Въ виду желанія, изъявленнаго Карамзинымъ, посвятить труды свои составленію полной исторіи Россійскаго государства, императоръ указомъ 31-го октября 1803 года пожаловалъ ему титулъ *исторіографа* и 2,000 рублей ежегодной пенсіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь, издавна убѣжденный въ необходимости перевода на русскій языкъ полезныхъ книгъ, чтобы *«положить начало распространенію знанія и просвѣщенія умовъ»*, содѣйствовалъ появленію въ печати множества переводныхъ сочиненій, имѣвшихъ очевидною цѣлью внушить интересъ къ общественнымъ, экономическимъ и политическимъ вопросамъ и сообщить по этимъ предметамъ русскому обществу послѣднее слово западной науки.

Среди предпринятыхъ императоромъ Александромъ административныхъ преобразованій не было также позабыто крестьянское дѣло. Къ числу попытокъ государя вступить на путь, который бы велъ къ разрѣшенію этого вопроса, слѣдуетъ отнести указъ отъ 20-го февраля 1803 года о *свободныхъ хлѣбопашцахъ*.

14-го мая 1803 года Петербургъ торжественно отпраздновалъ первое столѣтіе своего существованія. Празднованіе это совпало съ другимъ важнымъ событіемъ. Въ этотъ день императоръ Александръ снова принялъ на службу вызваннаго изъ Грузина, *графа Алексѣя Андреевича Аракчеева*, съ назначеніемъ, по прежнему, инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ лейбъ-гвардіи артиллерійскаго баталіона. Служба сдѣлалась во всѣхъ отношеніяхъ строгая. Разныя соображенія не позволили «вѣрному другу» графа Аракчеева призвать его снова на службу тотчасъ по вступленіи на престолъ. Только по прошествіи двухъ лѣтъ, этотъ первый, самый трудный шагъ могъ быть сдѣланъ государемъ; отнынѣ графъ Аракчеевъ могъ уже спокойно выжидать постепеннаго и неизбѣжнаго возрастанія своего могущества, чтобы подъ конецъ царствованія Александра стать *первымъ вельможею*, какъ выразился о немъ впослѣдствіи Карамзинъ.

Несмотря на чувства великодушнаго благожеланія, одушевлявшія несомнѣнно императора Александра, и вмѣстѣ съ тѣмъ на выражаемую имъ нерѣдко скорбь о безправномъ положеніи русскаго человѣка и на признаніе закона залогомъ блаженства всѣхъ и каждаго, у нѣкоторыхъ современниковъ все-таки зародилось сомнѣніе въ искренность преобразовательныхъ намѣреній государя. Жертвою подобнаго сомнѣнія палъ *Радищевъ*, служившій у графа Завадовскаго въ комиссіи о составленіи законовъ.

II.

Если преобразовательныя начинанія императора Александра подвергались многоразличнымъ колебаніямъ, то внѣшняя политика его принимала, напротивъ того, съ каждымъ годомъ все болѣе опредѣленное и устойчивое направленіе. Вскорѣ она вступила на такой путь, который не имѣлъ уже ничего общаго съ первоначальнымъ миролюбивымъ направленіемъ помысловъ Александра и привелъ съ 1805 г. къ десятилѣтнему непрерывному кровопролитію.

Нѣкоторое сочувствіе Александра къ первому консулу продолжалось не долго; когда же Бонапартъ принялъ пожизненное консульство, императоръ Александръ нашелъ, что завѣса упала, и прежній герой обратился отнынѣ въ его глазахъ въ знаменитѣйшаго изъ тирановъ, какихъ мы встрѣчаемъ въ исторіи. Одновременно съ нерасположеніемъ къ новымъ французскимъ порядкамъ установилось сближеніе съ Пруссіею, закрѣпленное Мемельскимъ свиданіемъ 1802 года.

Перемѣна лицъ, управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами въ началѣ столѣтія, нисколько не вліяла на международныя сношенія имперіи и на соотвѣтственныя рѣшенія императора Александра; графъ Панинъ смѣненъ былъ графомъ Кочубеемъ, а затѣмъ явился государственный канцлеръ графъ Воронцовъ съ товарищемъ княземъ Чарторижскимъ.

Разрывъ съ Франціею становился съ каждымъ годомъ болѣе вѣроятнымъ. Въ 1803 г. графъ Морковъ былъ отозванъ изъ Парижа, и представителемъ Россіи остался здѣсь повѣренный въ дѣлахъ Убри. Первый консулъ ускорилъ развязку. Отрядъ французскихъ войскъ увезъ изъ Баденскихъ владѣній герцога Энгіенскаго, и 9-го (21-го) марта 1804 г. послѣдній потомокъ Конде былъ разстрѣлянъ во рву Венсенскаго замка.

Эта кровавая расправа, придуманная Бонапартомъ ради политической самозащиты, вызвала протестъ русскаго правительства; Талейранъ, въ свою очередь, отвѣтилъ рѣзкою нотою, содержаніе которой наносило императору Александру личное оскорбленіе, соединенное съ клеветою на англійское правительство. Затѣмъ первый консулъ былъ провозглашенъ императоромъ французовъ: на міровую сцену выступилъ Наполеонъ.

Сокрушить Наполеона, избавить Европу отъ его деспотизма, сдѣлалось отнынѣ главною цѣлью всѣхъ начинаній Александра; этой задачѣ онъ посвятилъ свои лучшія силы, свои лучшіе годы. Прежнія преобразовательныя стремленія, несомнѣнные порывы къ лучшему устройству имперіи, исчезли въ сіяніи военной славы; когда же послѣ неимовѣрныхъ усилій конечная цѣль была достигнута, и длившаяся многіе годы войнственная эпоха закончилась сверженіемъ Наполеона, то Александръ является уже въ образѣ усталаго правителя, утратившаго вѣру въ прежніе идеалы и склоннаго сочувствовать реакціи, опустившейся сплошною завѣсою на всю Европу.

Стараніями Александра противъ Франціи выступила въ 1805 г. грозная коалиція; къ Россіи присоединились Австрія, Англія и Швеція; Пруссія колебалась. Русская армія перешла границу, и государь появился въ Пулавахъ, въ замкѣ князя Чарторижскаго.

Но нарушеніе Наполеономъ неприкосновенности прусскихъ владѣній въ Ансбахѣ все перемѣнило разомъ; Пруссія перешла на сторону коалиціи, и 13-го (25-го) октября императоръ Александръ торжественно въѣхалъ въ Берлинъ. Пребываніе здѣсь русскаго государя сопровождалось подписаніемъ 13-го (25-го) октября Потсдамской конвенціи, и въ заключеніе Александръ надъ гробомъ Фридриха Великаго почью поклялся королю и королевѣ въ вѣчной дружбѣ, залогомъ которой должно было служить освобожденіе Германіи. Что же касается конвенціи, то достоинства ея представляются весьма сомнительнаго свойства; присоединеніе Пруссіи къ коалиціи было только условнымъ и предстояло еще въ далекомъ будущемъ, въ томъ случаѣ, если Наполеонъ отвергнетъ посредничество короля для заключенія всеобщаго мира. Но даже такое условное содѣйствіе Пруссіи русской дипломатіи пришлось купить дорогою цѣною. Тайною статьею этого договора, Россія обязалась употребить всѣ старанія, чтобы утвердить за Пруссіей обладаніе Ганноверомъ. Такимъ образомъ, присоединеніе Пруссіи къ коалиціи окончательно лишало ее значенія *подвига безкорыстія*, который силился придать ей императоръ Александръ. Предпринятая, во имя началъ права и справедливости, война противъ наполеоновской Франціи, обращалась въ борьбу изъ-за своекорыстныхъ выгодъ участниковъ коалиціи.

Между тѣмъ, Наполеонъ успѣлъ уже разгромить подъ Ульмомъ австрійскую армію подъ предводительствомъ Мака и принудить его подписать капитуляцію. Послѣ этой побѣды Наполеонъ быстро устремился къ Вѣнѣ, занялъ австрійскую столицу и, захвативъ Дунайскій мостъ, выдвинулся къ Брюнну. Русскія войска совмѣстно съ австрійскими сосредоточились въ Ольмюцѣ, куда 6-го (18-го) ноября прибылъ императоръ Александръ, встрѣченный здѣсь императоромъ Францемъ.

Вмѣсто того, чтобы держаться здѣсь, согласно мнѣнію генерала Кутузова, выжидательнаго образа дѣйствій, поджидая подкрѣпленія, рѣшено было начать наступленіе. Это рѣшеніе принесло горькіе плоды. 20-го ноября (2-го декабря) разыгралось Аустерлицкое сраженіе, въ которомъ австро-русская армія потерпѣла рѣшительное пораженіе. Къ вечеру союзныя войска очутились на дорогѣ въ Венгрію, потерявъ до 27.000 человѣкъ (въ томъ числѣ на русскихъ приходится 21.000) и 158 орудій (изъ нихъ 133 русскихъ). Военныя дѣйствія не замедлили прекратиться. 22-го ноября (4-го декабря) состоялось свиданіе императора Франца съ Наполеономъ, послѣ котораго было заключено перемиріе съ тѣмъ, чтобы русскія войска немедленно очистили австрійскія владѣнія. Императоръ Александръ предоставилъ австрійскому монарху полную свободу дѣйствій, требуя только одного, чтобы Россію не впутывали въ переговоры. Тщетно князь Чарторижскій убѣждалъ Александра начать переговоры о мирѣ совмѣстно съ Австріею и искать сближенія съ Наполеономъ; поступлено было какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ. 27-го ноября государь разстался съ своимъ союзникомъ въ Галичѣ, и въ тотъ же день Кутузовъ выступилъ съ своими войсками обратно въ Россію. Коалиція распалась.

3-го (15-го) декабря графъ Гаугвицъ подписалъ въ Шенбрунѣ отъ имени Пруссіи оборонительный и союзный договоръ съ Франціею, принявъ отъ нея въ даръ Ганноверъ, принадлежавшій Англіи, а 14-го (26-го) декабря Австрія заключила тягостный и унизительный для нея Пресбургскій мирный договоръ, по которому она окончательно утратила свое первенство въ Германіи. Такимъ образомъ, 1805 г. закончился полнымъ торжествомъ Наполеона, между тѣмъ, какъ Але-

ксандру онъ принесъ только рядъ чувствительныхъ огорченій. Онъ, который мечталъ о политическихъ и военныхъ подвигахъ, при первомъ же появленіи на аренѣ великихъ европейскихъ событій отступился отъ явно покровительствуемаго имъ польскаго дѣла, которое вскорѣ перешло въ руки Наполеона, и позволилъ Пруссіи обойти себя, не добившись отъ нея существенной помощи. Жертвуя собою на полѣ сраженія, онъ, во главѣ русской арміи, испыталъ небывалое въ лѣтописяхъ ея ужасающее пораженіе, покинулъ союзника, не сблизился съ противникомъ и добровольно устранилъ себя отъ участія въ новомъ переустройствѣ Европы.

Аустерлицкое пораженіе сопровождалось еще однимъ послѣдствіемъ. По замѣчанію современника эта баталія сильно повліяла на характеръ Александра. «До того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду; къ одному графу Аракчееву имѣлъ полную довѣренность, который по жестокому своему свойству приводилъ государя на гнѣвъ и тѣмъ отвлекъ отъ него людей, истинно любящихъ его и Россію».

Послѣ заграничнаго похода 1805 г. всѣ заботы императора Александра естественно обратились къ усиленію средствъ государствъ. Пришлось готовиться къ новой войнѣ съ Наполеономъ, неизбѣжность которой вызывалась политическимъ положеніемъ Европы. Такъ и случилось. Несмотря на изворотливость прусскихъ дипломатовъ, заключившихъ союзъ съ Франціей противъ Россіи и съ Россіей противъ Франціи, въ 1806 г. все-таки послѣдовалъ разрывъ между Пруссіей и Наполеономъ. Судьба монархіи Фридриха Великаго рѣшилась неудачнымъ исходомъ одного сраженія, и, послѣ Іенскаго погрома, Наполеонъ 15-го (27-го) октября вступилъ въ Берлинъ. Императоръ Александръ, тѣмъ не менѣе, рѣшился выручить Фридриха-Вильгельма III и «положить предѣлъ успѣхамъ узурпаціи и тиранніи, даруя торжество самому справедливому и прекрасному дѣлу».

Графъ Румянцовъ.

Русскія войска перешли границу и присоединились къ единственно уцѣлѣвшему остатку прусской арміи, состоявшему изъ корпуса Лестока въ составѣ 14.000 человѣкъ при 92 орудіяхъ. Главнокомандующимъ назначенъ былъ фельдмаршалъ графъ Михаилъ Ѳедотовичъ *Каменскій*.

Предвидя возможность вторженія непріятеля въ русскіе предѣлы, императоръ Александръ издалъ манифестъ о *составленіи и образованіи повсемѣстныхъ временныхъ ополченій или милицій* въ 612 ратниковъ. Въ церквахъ начали читать объявленіе святѣйшаго синода, въ которомъ, называя Наполеона антихристомъ, обвиняли его въ томъ, что онъ намѣренъ провозгласить себя Мессіей и дерзаетъ угрожать Россіи вторженіемъ въ ея предѣлы и потрясеніемъ православной церкви. Въ это время князь Адамъ Чарторижскій уже пересталъ быть министромъ; 17-го (29-го) іюня 1806 г. его мѣсто занялъ баронъ Андрей Яковлевичъ *Будбергъ*.

Но одного несчастія, жестокой войны съ Наполеономъ, было мало. Въ октябрѣ 1806 года сближеніе Франціи съ Оттоманской портой привела къ семилѣтней войнѣ съ Турціей, продолжавшейся до 1812 года. Такимъ образомъ на рукахъ императора Александра оказались одновременно двѣ войны, помимо войны съ Персіей, возгорѣвшейся въ 1804 году, вслѣдствіе утвержденія русскаго владычества въ Закавказьѣ.

Бездарность фельдмаршала Каменскаго, призваннаго голосомъ общественнаго мнѣнія руководить борьбою съ Наполеономъ, не замедлила вскорѣ обнаружиться. Въ нѣсколько дней полководецъ запуталъ всѣ дѣла до неимовѣрности, едва не погубивъ при этомъ арміи, и затѣмъ, предписавъ войскамъ имѣть ретираду на россійскія границы, поспѣшно ускакалъ въ Гродно. Здѣсь онъ получилъ рескриптъ объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго. Его мѣсто занялъ *Бенигсенъ*, благодаря успѣшному бою подъ Пултускомъ.

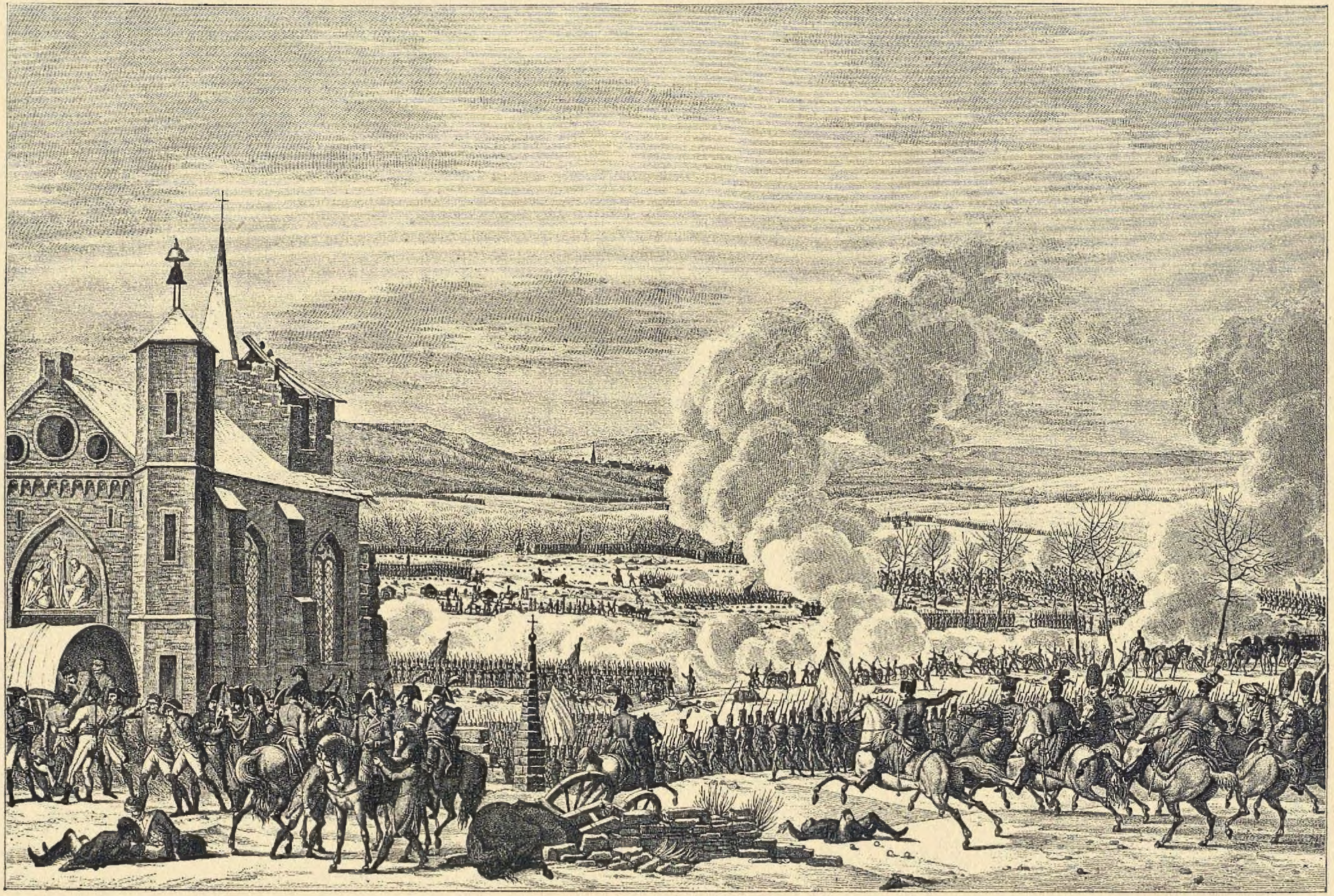
Одновременно съ воинственнымъ характеромъ, принятымъ русскою политикою съ 1805 года, управленіе внутренними дѣлами имперіи получило новый оттѣнокъ. Нечувствительно и, можетъ быть, незамѣтно для себя самого Александръ отдалялся отъ порядковъ, съ такимъ увлеченіемъ созданнымъ имъ въ началѣ царствованія, и возвращался на старую дорогу. Уже передъ отъѣздомъ государя въ армію въ 1805 году учрежденъ былъ *комитетъ* для совѣщанія по дѣламъ, относящимся къ той части высшей полиціи, которая имѣетъ цѣлью своею *«сохраненіе всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ и облегченіе народнаго продовольствія»*. Въ 1807 году въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ новый и рѣшительный шагъ. 13-го января учрежденъ былъ комитетъ охраненія общей безопасности, продолжавшій свое существованіе до 1829 года подъ названіемъ: *«Комитетъ 13-го января 1807 года»*.

Между тѣмъ генералъ Бенигсенъ приступилъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, которыя привели 27-го января (8-го февраля) 1807 года къ кровопролитному бою при *Прейсиш-Эйлау*, стоившему намъ 26,000 человѣкъ убитыми и ранеными. Обѣ стороны приписали себѣ побѣду, но Бенигсенъ все-таки отступилъ къ Кенигсбергу, а Наполеонъ, простоявъ девять дней на полѣ сраженія, имѣлъ право назвать себя побѣдителемъ. Императоръ Александръ лично отправился на театръ военныхъ дѣйствій, и 20-го марта (1-го апрѣля) былъ встрѣченъ въ Полангенѣ прусскимъ королемъ. Вспоминая печальный опытъ Аустерлицкаго боя, Александръ на этотъ разъ не вмѣшивался въ распоряженія главнокомандующаго, предоставивъ Бенигсену дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Союзъ съ Пруссіею сплотился еще тѣснѣе и увѣнчался заключеніемъ 14-го (16-го) апрѣля Бартенштейновской конвенціи, а затѣмъ государь выѣхалъ въ Юрбургъ, навстрѣчу шедшимъ подкрѣпленіямъ.

Хотя въ это время въ арміи начали раздаваться голоса въ пользу мира, Австрія бездѣйствовала, а Англія не оказывала поддержки коалиціи, императоръ Александръ тѣмъ не менѣе оставался непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи продолжать войну съ Наполеономъ и выручить Пруссію изъ ея бѣдственнаго положенія.

2-го (14-го) іюня 1807 года произошло *Фридландское сраженіе*. На этотъ разъ пришлось уже признать Наполеона несомнѣннымъ побѣдителемъ. Русскія войска отступили за Нѣманъ, а французы вступили въ Кенигсбергъ. Фридрихъ-Вильгельмъ сдѣлался окончательно безземельнымъ королемъ: вся Пруссія, отъ Везера до Нѣмана, кромѣ Кольберга, Пиллау, Грауденца и Мемеля находилась во власти Наполеона. Война кончилась, и заключено было перемиріе. 13-го (25-го) іюня состоялось первое достопамятное свиданіе двухъ императоровъ на Нѣманскомъ плоту; къ удивленію вселенной потребовалось немного времени, чтобы обратить ихъ въ союзниковъ, и 25-го іюня (7-го іюля) подписанъ былъ Тильзитскій миръ, измѣнившій въ концѣ взаимныя отношенія европейскихъ державъ.

До сихъ поръ историческому изслѣдователю могло казаться, что въ 1807 году наступила минута, когда императоръ Александръ увлекся въ Тильзитѣ геніемъ Наполеона и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ совершенно новыхъ, исключительныхъ впечатлѣній, а затѣмъ уже въ немъ проявилось нѣчто въ родѣ поздняго раскаянія и разочарованія. Такъ разсуждали современники и историки этой эпохи. Теперь приходится, однако, отказаться отъ подобной постановки вопроса. Въ дѣй-



Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау. Картина Зебаха.

ствительности въ Тильзитѣ произошло явленіе совершенно обратное, не оцѣненное должнымъ образомъ ни современниками, ни потомствомъ; здѣсь, напротивъ того, императоръ Александръ сознательно разыгралъ задуманную имъ политическую комедію съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ, съ такою повидимою искренностью, что онъ ввелъ даже въ заблужденіе такого знатока человѣческихъ слабостей, какимъ былъ несомнѣнно Наполеонъ. Однимъ словомъ выработанное въ Тильзитѣ соглашеніе съ Франціею слѣдуетъ признать вѣнцомъ дипломатической ловкости Александра, полнымъ торжествомъ его изворотливаго ума и замѣчательной гибкости его характера. Это обстоятельство выяснилось вполнѣ только почти сто лѣтъ спустя.

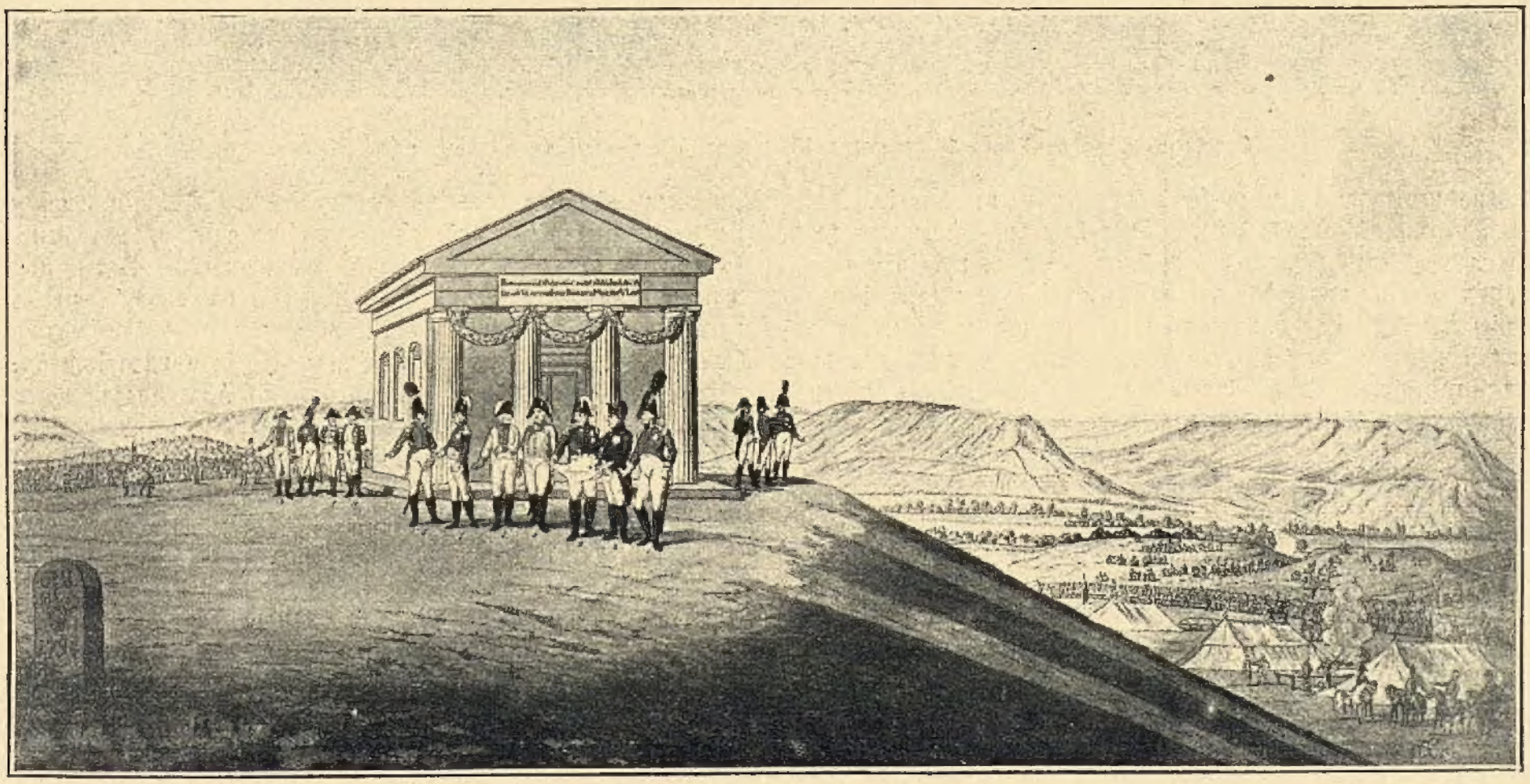
Въ самый разгаръ тильзитскихъ переговоровъ, дипломатъ-побѣдитель Александръ писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, приходившей въ ужасъ при одной мысли о видимой дружбѣ, установившейся тогда между ея сыномъ и человѣкомъ, еще недавно провозглашеннымъ синодомъ антихристомъ — слѣдующія успокоительныя строки: «Къ счастію Бонапартъ при всемъ геніи имѣетъ слабую сторону: тщеславіе (vanité); и я рѣшился принести въ жертву личное самолюбіе, чтобы спасти имперію». Подобный образъ дѣйствій, по словамъ государя, спасъ отечество отъ вторженія враговъ и даровалъ Россіи славный миръ, по которому она ничего не теряла, но пріобрѣтала еще территорію съ 200,000 жителей (Бѣлостокскую область). Но этотъ сокровенный смыслъ тильзитскаго соглашенія, какъ его понималъ и примѣнялъ затѣмъ къ дѣлу Александръ, выяснился, однако, Наполеону уже въ ту пору, когда приходилось ему почувствовать всю непрочность, воздвигнутаго имъ на Нѣманскомъ плоту, политическаго зданія.

Бенигсенъ.

Итакъ руководящее начало Александровской политики, заключавшееся въ сокрушеніи Наполеона, не было нисколько поколеблено тильзитскимъ миромъ; напротивъ того, этотъ миръ долженъ былъ служить Александру ступенью для достиженія намѣченной имъ конечной цѣли. Если каждый новый историческій документъ, дѣлающійся достояніемъ науки, служитъ подтвержденіемъ высказаннаго здѣсь взгляда, то другой вопросъ остается, однако, еще вполнѣ открытымъ, а именно: соотвѣтствовали ли подобныя отношенія Александра къ Наполеону истиннымъ выгодамъ Россіи или нѣтъ?

Александръ возвратился въ Петербургъ и дѣятельно принялся работать въ духѣ принятыхъ имъ на себя новыхъ обязательствъ. Въ столицѣ вскорѣ появился представитель новаго союзника государя, генералъ *Савари*, а затѣмъ *Коленкуръ*; они были очарованы Александромъ не менѣе, чѣмъ Наполеонъ въ Тильзитѣ, и выслушивали признанія, поражающія иной разъ своею разсчитанною откровенностью. Въ то же время посломъ въ Парижъ назначенъ былъ генералъ *графъ Петръ Александровичъ Толстой*, избранный для этой трудной должности самимъ государемъ, какъ самое подходящее лицо для дѣйствій въ духѣ сокровенныхъ цѣлей новой тильзитской политики. Если при выборѣ посла остановились на противникѣ франко-русскаго союза, то, напротивъ того, министръ иностранныхъ дѣлъ, замѣнившій собою барона Будберга, принадлежалъ къ числу сторонниковъ союза съ Наполеономъ: это былъ *графъ Николай Петровичъ Румянцовъ*.

Ближайшими послѣдствіями тильзитскаго мира были разрывъ Россіи съ Англіею и война съ Швеціею. Что же касается до начатой ранѣе войны съ Турціею, то она продолжалась по прежнему, несмотря на французское мирное посредничество, которое не привело къ умиротворенію. Весьма естественно, что новая тильзитская политика не встрѣтила въ Россіи сочувствія и поколебала прежнія чувства симпатіи



Гора Наполеона и Храмъ Славы, воздвигнутый въ окрестностяхъ Іены, 7-го октября 1808 г., въ честь Наполеона и Александра.

къ Александру. Сожалѣли о бѣдной Пруссіи, о бѣдной Швеціи и не безъ ропота страдали отъ прекращенія торговли съ Англіею. Что же касается народа, то союзъ съ Наполеономъ прямо возбуждалъ среди него недоумѣніе; церковныя увѣщанія и проповѣди, раздававшіяся въ 1806 году по всей Россіи, посѣяли въ русскомъ населеніи непреоборимую ничѣмъ ненависть къ главѣ французскаго народа, укрѣпивъ молву, что Наполеонъ антихристъ, что тутъ дѣйствуетъ нечистая сила.

Пока все это происходило въ Россіи, Наполеонъ вторгнулся въ Португалію, занялъ Испанію и принудилъ въ Байоннѣ испанскихъ бурбоновъ уступить ему свои державныя права. Затѣмъ простымъ декретомъ неаполитанскій король Іосифъ назначенъ былъ испанскимъ королемъ, а Мюратъ — королемъ неаполитанскимъ. Россія признала эти королевскія перемѣщенія. Но Испанія повъ Эрфуртѣ съ Наполеономъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ изъ Веймара: «Bonaparté préteud que je ne suis qu'un sot.—*Rira le mieux qui rira le dernier,* et moi je mets tout mon espoir en Dieu». Эти достопамятныя слова открываютъ весь послѣдующій внутренній смыслъ дальнѣйшей политики императора Александра.

Опасенія Наполеона относительно враждебныхъ намѣреній Австріи не оказались напрасными. Дѣйствительно, въ то время когда императоръ углубился въ Испанію и пожиналъ непроизводительные лавры, близость разрыва съ Австріею побудила его поспѣшить возвратиться въ Парижъ. Присланный въ Петербургъ въ началѣ 1809 года князь Шварценбергъ съ цѣлью склонить Россію въ пользу Австріи, вскорѣ убѣдился, что хотя императоръ Александръ и готовъ исполнить

Открытіе сейма въ Борго 16-го марта 1809 года. По грав. Ланнемакера авт. «Пивы».

головно возстала и нашла себѣ поддержку въ Англіи. Пользуясь этими обстоятельствами, Австрія начала открыто готовиться къ новой борьбѣ съ Франціею. Чтобы пріобрѣсти свободу дѣйствій въ Испаніи и обезпечить свой тылъ по отношенію къ Австріи, Наполеонъ призналъ необходимымъ установить новое соглашеніе съ Россіею и предложилъ для этой цѣли императору Александру новое свиданіе. Мѣстомъ свиданія былъ избранъ *Эрфуртъ*. Здѣсь оба императора съѣхались 15-го (27-го) сентября 1808 года. Выработана была секретная конвенція, заключавшаяся, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ постановленіяхъ: Наполеонъ отказывался отъ всякаго посредничества въ турецкихъ дѣлахъ, признавалъ присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи, предоставляя ей склонить Оттоманскую Порту къ этой уступкѣ; Россія же обязывалась дѣйствовать сообща съ Франціею противъ Австріи, въ случаѣ объявленія послѣдней войны Наполеону.

Эрфуртскія совѣщанія сопровождались назначеніемъ новаго русскаго посла въ Парижъ: графъ П. А. Толстой былъ замѣненъ *княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ*.

Съ какими чувствами императоръ Александръ встрѣтился союзныя обязательства по отношенію къ Франціи, но, что въ сущности государь благословилъ бы случай, который избавилъ бы его отъ французской зависимости. Князь Шварценбергъ вѣрно оцѣнилъ политическую обстановку, представившуюся ему въ Петербургѣ, потому что, когда получено было здѣсь 14-го (26-го) апрѣля извѣстіе о начатіи австрійцами военныхъ дѣйствій, императоръ Александръ сказалъ Коленкуру, что немедленно послано будетъ русскимъ войскамъ повелѣніе вступить въ Галицію, между тѣмъ какъ нѣсколькими днями ранѣе онъ признавался Шварценбергу, что хотя Россія и Австрія находятся въ противоположныхъ лагеряхъ, однакоже онъ, государь, не можетъ удержаться отъ пожеланій въ пользу австрійцевъ. Эти слова служили конечно выраженіемъ истинныхъ мыслей и чувствъ императора Александра.

Съ нашей стороны 22-го мая (3-го іюня) началась *безкровная война*; другого названія нельзя присвоить этому странному и небывалому походу русскихъ войскъ. Во время этого похода настоящимъ непріятелемъ русскихъ являлись не австрійцы, а союзныя войска созданнаго послѣ Тильзитскаго

мира Варшавскаго герцогства. Наполеонъ хотя и съ трудомъ, но восторжествовалъ надъ врагами и безъ русской помощи; онъ занялъ Вѣну 30-го апрѣля (12-го мая), а русскія войска переправились черезъ Бугъ только 22-го мая (3-го іюня). Наполеонъ наглядным образомъ убѣдился, что нельзя въ трудную минуту полагаться на императора Александра, и что нельзя разсчитывать на содѣйствіе Россіи, основанное не на буквѣ связывавшаго его договора, а на сознаніи обоюдныхъ политическихъ интересовъ. Ваграмскій бой рѣшилъ участь кампаніи и вынудилъ Австрію начать мирные переговоры.

Пока длились переговоры Наполеона съ Австріею, Александру удалось наконецъ сломить сопротивленіе Швеціи; 5-го (17-го) сентября 1809 года, графъ Румянцовъ подписалъ *Фридрихсгамскій миръ*, по которому Финляндія съ Аландскими островами была присоединена къ Россіи. Уже въ началѣ этого года императоръ Александръ лично открылъ сеймъ въ *Борго* 16-го (28-го) марта, и особой грамотой подтвердилъ сохраненіе религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, коими пользовались дотолѣ каждое сословіе въ особенности и всѣ жители Финляндіи вообще по ихъ конституціямъ. Надпись на шведскомъ языкѣ на тріумфальной аркѣ, воздвигнутой въ то время въ Або, при посѣщеніи государемъ этого города, выражала чувства, воодушевлявшія тогда финское населеніе въ отвѣтъ на милостивое отношеніе къ великому княжеству императора; въ точномъ переводѣ она гласила слѣдующее: «Александру I, войска котораго покорили край и благость котораго покорила народъ».

Австрійскія дѣла, къ величайшему огорченію императора Александра, кончились менѣе удовлетворительно. 2-го (14-го) ноября Наполеонъ заключилъ Шёнбрунскій миръ, по которому Россія получила Тарнопольскую область, въ то время какъ большая часть Галиціи отошла къ Варшавскому герцогству; послѣднее условіе какъ разъ противорѣчило положительно выраженному желанію государя. Отнынѣ союзъ между обѣими имперіями былъ окончательно поколебленъ въ своемъ основаніи. Оба императора имѣли справедливыя причины быть недовольными исходомъ войны и недовѣрять другъ другу; каждая сторона обвиняла съ нѣкоторымъ основаніемъ другую въ несоблюденіи союза.

Сперанскій. По соврем. литографіи.

III.

Послѣ заключенія Тильзитскаго мира негласный комитетъ окончательно распался и прекратилъ свое существованіе. Князь Чарторижскій добровольно удалился ранѣе всѣхъ, оставшись только попечителемъ виленскаго учебнаго округа; графъ Кочубей уступилъ свое мѣсто князю Алексѣю Борисовичу Куракину, Новосильцовъ былъ уволенъ за границу, а графъ П. А. Строгоновъ перешелъ на военную службу генералъ-адъютантомъ. Одновременно съ этими перемѣщеніями, началось возвышеніе графа Аракчеева; уже въ 1807 году высочайшія повелѣнія, объявляемыя имъ, было предписано считать именными указами, а въ слѣдующемъ 1808 году онъ былъ назначенъ военнымъ министромъ, причемъ власть его была такъ расширена, что главнокомандующіе арміями должны были повиноваться его приказаніямъ.

Болѣе утѣшительное явленіе представляло возвышеніе *Сперанскаго*. Мысль расширить въ Россіи свободу не покидала еще въ ту пору Александра при всѣхъ его колебаніяхъ и несмотря на преобладающее значеніе, пріобрѣтенное внѣшней политикой. Найдя въ Сперанскомъ сотрудника для осуществленія своихъ возвышенныхъ идеаловъ, императоръ Александръ поручилъ ему составить *планъ всеобщаго государственнаго образованія*. Весь разумъ сего плана, по словамъ Сперанскаго, состоялъ въ томъ, чтобы, посредствомъ законовъ и установленій, «утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію ея власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы». Обширная работа, порученная Сперанскому, созрѣвала въ мысляхъ и подъ перомъ его съ изумительною быстротою. Въ октябрѣ 1809 года планъ государственнаго образованія лежалъ уже на столѣ императора Александра. Въ особой запискѣ Сперанскій опредѣлилъ порядокъ, которымъ всѣ предназначенныя установленія должны быть приводимы въ дѣйствіе, и высказалъ мнѣніе, что, «если Богъ благословитъ всѣ сіи начинанія, то въ 1811 году, къ концу десятилѣтія настоящаго царствованія, Россія воспріиметъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится». Въ первой очереди стояло открытіе преобразованнаго *государственнаго совѣта*, какъ болѣе независимаго отъ общаго круга задуманныхъ реформъ. На этомъ дѣло и остановилось. Рѣшено было открыть этотъ совѣтъ 1-го января 1810 года; прочія же важнѣйшія части плана Сперанскаго никогда не были приведены въ исполненіе; они остались только на бумагѣ и позабыты потомствомъ.

Въ то самое время когда Сперанскій трудился надъ разработкою обширныхъ внутреннихъ реформъ, онъ принималъ не менѣе дѣятельное участіе въ текущемъ законодательствѣ. При его участіи состоялись два указа, вызвавшіе сильнѣйшее неудовольствіе и ропотъ лицъ, затронутыхъ новыми постановленіями. Это были указъ о *придворныхъ званіяхъ* (3-го апрѣля 1809 года) и указъ о *чинахъ гражданскихъ* (6-го августа 1809 года).

Императоръ Александръ 1-го января 1810 года лично открылъ государственный совѣтъ и произнесъ по этому случаю замѣчательную рѣчь, въ которой встрѣчаются намеки на дальнѣйшее расширеніе свободы въ Россіи. Въ то время Александръ еще не отказался отъ мысли быть зодчимъ задуманнаго огромнаго зданія, внутреннія распорядки котораго извѣстны были ему одному, да и архитектору его, Сперанскому. Прочіе современники этого событія искали конца тамъ, гдѣ было еще только начало, и судили объ огромномъ зданіи по одному краеугольному его камню.

По новой организаціи совѣтъ состоялъ изъ 35 членовъ. *Государственнымъ секретаремъ* назначенъ былъ Сперанскій; въ этомъ званіи, по степени личнаго своего вліянія, онъ сталъ истинно первымъ министромъ. Совѣтъ раздѣлялся на четыре *департамента*: законовъ, дѣлъ военныхъ, дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и государственной экономіи. Образована была *государственная канцелярія. Комиссія составленія законовъ* обращена была въ установленіе, при совѣтѣ состоящее. Кромѣ того, образована была еще *комиссія прошеній*. Начиная съ 1-го января 1810 года императоръ Александръ присутствовалъ разъ въ недѣлю въ общихъ собраніяхъ совѣта. Первымъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта назначенъ былъ канцлеръ *графъ Н. П. Румянцовъ*.

Открытіе Государственнаго Совѣта сопровождалось важными перемѣнами въ личномъ составѣ высшихъ правительственныхъ сановниковъ. Графъ Аракчеевъ, не пожелавшій остаться военнымъ министромъ, въ виду образованія департамента дѣлъ военныхъ въ совѣтѣ, былъ назначенъ предсѣдателемъ этого департамента, а генералъ Барклай де Толли—военнымъ мини-

стромъ. Министръ юстиціи, князь Лопухинъ замѣненъ П. И. Дмитріевымъ, занявъ мѣсто предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ Совѣтѣ. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, назначенный предсѣдателемъ департамента законовъ, замѣненъ графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ. Министерство финансовъ перешло къ Д. А. Гурьеву.

Немедленно послѣ открытія Совѣта Сперанскій внесъ въ департаментъ экономіи *финансовый планъ*; онъ былъ одобренъ департаментомъ и общимъ собраніемъ Совѣта и постепенно приведенъ въ исполненіе. 2-го февраля 1810 года былъ обнародованъ манифестъ, имѣвшій цѣлью прекратить дальнѣйшій выпускъ ассигнацій, признанныхъ государственнымъ долгомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено о сокращеніи расходовъ и возвышеніи податей и налоговъ. Вслѣдъ затѣмъ была открыта *комиссія погашенія долговъ*, обнародованы манифесты о преобразованіи монетной системы, а 19-го декабря 1810 года изданo «положеніе о натуральной торговлѣ на 1811 годъ въ портахъ Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей и по всей западной сухопутной границѣ», которое было утверждено на одинъ только годъ; новый тарифъ, встрѣченный сочувственно въ Россіи, оживилъ нашу торговлю и промышленность, но разгнѣвалъ Наполеона, какъ явное уклоненіе отъ континентальной системы и выраженіе полной самостоятельности нашей въ рѣшеніи вопросовъ столь важнаго государственнаго значенія. Наполеонъ увидѣлъ, что Россія не Европа, и живетъ самостоятельною жизнью.

Одновременно съ обширными работами по финансовой части Сперанскій занялся также *преобразованіемъ министерствъ*. Манифестомъ 25-го іюля (6-го августа) 1810 года было обнародовано «*новое раздѣленіе государственныхъ дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ*», съ подробнымъ исчисленіемъ предметовъ вѣдѣнія каждаго министерства и главнаго управленія. Въ слѣдующемъ году, при манифестѣ 25-го іюня (7-го іюля) 1811 года, было издано «*общее учрежденіе министерствъ*». Министерство коммерціи было упразднено, и дѣла его распредѣлены между министерствомъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Учреждены были *главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ*, главноуправляющимъ котораго былъ назначенъ *баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ Каменгаузенъ*, и *министерство полиціи*, въ составъ котораго отдѣлили отъ министерства внутреннихъ дѣлъ предметы вѣдѣнія внутренней безопасности. Первымъ министромъ полиціи былъ избранъ петербургскій военный губернаторъ генералъ-адъютантъ *Балашовъ*. Вслѣдствіе уменьшенія круга дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ оно перешло отъ князя Алексѣя Борисовича Куракина къ *Осипу Петровичу Козодавлеву*. Кромѣ того, было образовано *главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій*, ввѣренное 25-го августа 1810 года оберъ-прокурору Св. Синода *князю Александру Николаевичу Голицыну*.

Царскосельскій лицей при Александрѣ I.

Къ числу законодательныхъ работъ, порученныхъ за это время Сперанскому, относится также новое образованіе *сената: правительствующаго и судебнаго*; послѣдній предположено было размѣстить въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ. Въ началѣ 1811 года обширный проектъ обоихъ сенатовъ былъ оконченъ и затѣмъ разсмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ; въ іюнѣ 1811 года проектъ, по напечатаніи его, былъ внесенъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Онъ вызвалъ рѣзкія и горячія пренія, продлившіяся почти до половины сентября, но тѣмъ не менѣе былъ принятъ большинствомъ голосовъ; государь утвердилъ рѣшеніе Совѣта. Однако, новое образованіе сената все-таки не было приведено въ исполненіе въ виду близости разрыва съ Франціею.

Императору Александру угодно было также привлечь Сперанскаго къ дѣламъ финляндскимъ. «*Финляндія есть государство, а не губернія*», писалось тогда, и подъ вліяніемъ подобнаго взгляда новоприобрѣтенный край былъ окончательно образованъ въ видѣ отдѣльнаго государства, къ которому 11-го (23-го) декабря 1811 года были присоединены не только земли, отошедшія къ Россіи по Абовскому миру 1743 года, но и завоеванная Петромъ Великимъ Выборгская губернія, уже сто лѣтъ принадлежавшая имперіи.

Несмотря на блескъ совершенно исключительнаго положенія, занятаго тогда Сперанскимъ, и на безспорное вліяніе его на всѣ государственныя дѣла того времени, любимецъ государя ясно сознавалъ всю непрочность своего положенія и чувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется. Поэтому онъ откровенно изложилъ волновавшія его опасенія въ отчетѣ за 1810 годъ, представленномъ государю 11-го февраля 1811 года. Но императоръ Александръ не согласился съ предложеніемъ Сперанскаго: отдѣлить званіе государственнаго секретаря и, освободивъ его отъ финляндскихъ дѣлъ, оставить его при одной должности директора комиссіи законовъ. Положеніе Сперанскаго по имѣнію осталось прежнее; а между тѣмъ, по существу, совершилась другая, болѣе важная перемѣна: прежнее единство мыслей между императоромъ и имъ было поколеблено, и это печальное явленіе съ каждымъ днемъ пріобрѣтало все большее значеніе. Сперанскій, конечно, хотѣлъ идти далѣе и, въ особенности, скорѣе Александра; между тѣмъ, только-что вступивъ на путь рѣшительныхъ преобразованій, государь началъ уже одумываться и, по свойственному ему обыкновенію въ дѣлахъ внутренняго управленія, перешелъ къ неизбѣжнымъ колебаніямъ и задержалъ дальнѣйшее осуществленіе имъ же намѣченной реформы. Александру нашептывали, что Сперанскій хитро подкапывался подъ самодержавіе, и государь, въ свою очередь, началъ говорить, что онъ обязанъ самодержавіе всецѣло передать своимъ наслѣдникамъ, что учрежденіе министерствъ есть ошибка; онъ высказывалъ даже сожалѣніе, что согласился на преобразованіе Государственнаго Совѣта, и вообще сталъ забывать, что Сперанскій въ своихъ преобразовательныхъ проектахъ повиновался ясно выраженной ему волѣ. Подобное положеніе дѣлъ предвѣщало неизбѣжное крушеніе зданія, которое началъ возводить Сперанскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ преобразованій, намѣченныхъ императоромъ Александромъ, даже не безъ нѣкотораго увлеченія, среди всѣхъ заботъ, вызываемыхъ событіями внѣшней политики и неизбѣжной борьбы съ Наполеономъ.

Сперанскій принималъ также участіе въ окончательной разработкѣ устава *Царскосельскаго лицея*, обнародованнаго 11-го января 1811 года. Цѣль учрежденія лицея заключалась въ образованіи юношества, преимущественно предназначавшагося къ важнымъ частямъ государственной службы. Понудительной причиной къ учрежденію этого высшаго учебнаго заведенія послужило слѣдующее обстоятельство. Хотя императоръ не вмѣшивался въ дѣло воспитанія своихъ млад-

шихъ братьевъ, великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, всецѣло предоставленное императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, но вскорѣ представился случай, когда государь призналъ нужнымъ отступить отъ принятаго имъ сдержаннаго положенія. Вдовствующая императрица пожелала отправить своихъ сыновей для довершенія образованія въ Лейпцигскій университетъ, чему однако рѣшительно воспротивился государь; взамѣнъ этого ему пришло на мысль учредить въ Царскомъ Селѣ лицей, гдѣ бы младшіе братья его могли слушать публичныя лекціи. Для этой цѣли былъ отведенъ дворцовый флигель, соединенный галлереею съ главнымъ корпусомъ дворца. Торжественное открытіе Царскосельскаго лицея, въ присутствіи императора Александра, послѣдовало 19-го октября 1811 года.

Въ томъ же 1811 году, 15-го сентября (въ день вѣнчанія на царство Александра) происходило освященіе Казанскаго собора, постройка котораго продолжалась десять лѣтъ. Строителемъ собора былъ русскій зодчій Андрей Никифоровичъ *Воронихинъ*. Комиссія для построенія этого храма находилась подъ предсѣдательствомъ президента академіи художествъ, графа Александра Сергѣевича *Строгонова*.

Въ 1811 году также окончена была постройка и устройство Императорской публичной библіотеки. 2-го января 1812 года императоръ Александръ удостоилъ вновь устроенное книгохранилище своимъ посѣщеніемъ и подробно осмотрѣлъ всѣ ея достопримѣчательности.

IV.

Безкровная война съ Австріею обострила отношенія Россіи къ Франціи. Императоръ Александръ, въ своихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, продолжалъ неуклонно слѣдовать по намѣченному имъ пути. Шенбруннскій миръ побудилъ государя выдвинуть *конвенцію о Польшѣ* и настаивать на ея принятіи со стороны Франціи. Во время самаго разгара переговоровъ по поводу этой злополучной конвенціи, которая могла быть уподоблена истинному ящику Пандоры, Наполеонъ обнаружилъ вдругъ примирительное настроеніе и явное желаніе вновь скрѣпить союзъ съ Россіею, расшатанный тяжелыми воспоминаніями и разочарованіями 1809 года. Коленкуръ получилъ неожиданное повелѣніе просить для Наполеона руки великой княжны Анны Павловны. Нельзя сомнѣваться въ полнѣйшемъ нежеланіи Александра вступить въ родственныя связи съ ненавистнымъ ему человѣкомъ и тѣмъ скрѣпить еще болѣе союзъ, освобожденіе отъ котораго составляло конечную цѣль его сокровенныхъ мыслей. Но Александръ, оставаясь вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, оказался и въ этомъ случаѣ неподражаемымъ дипломатомъ; онъ повелъ переговоры съ такимъ искусствомъ, что предположенный бракъ не состоялся, а на Наполеона палъ какъ бы упрекъ въ двуличіи. Дѣйствительно, еще переговоры съ русскимъ дворомъ по этому щекотливому дѣлу не закончились, будучи преднамѣренно затягиваемы Александромъ, когда Наполеонъ, потерявъ терпѣніе и опасаясь неблагопріятнаго для его самолюбія окончательнаго отвѣта, поспѣшно предложилъ руку дочери императора Франца эрцъ-герцогинѣ *Маріи-Луизѣ*; австрійскій князь Шварценбергъ вынужденъ былъ на другой же день подписать брачный договоръ. Послѣдствіемъ австрійскаго брака было рѣшеніе Наполеона покончить свои счеты съ Россіей войною; временно эти намѣренія прикрывались пышными фразами о нежеланіи имъ разрыва и продолженіи союза.

Остановившись на подобномъ рѣшеніи, Наполеонъ отказался ратификовать конвенцію о Польшѣ, подписанную уже Коленкуромъ, а затѣмъ онъ принялся расширять свою имперію путемъ декретовъ, олицетворявшихъ собою нѣчто въ родѣ внутреннихъ завоеваній. Послѣдовательно была уничтожена самостоятельность голландскаго королевства и присоединены къ Франціи ганзеатическіе города и все побережье нѣмецкаго моря, начиная отъ нижней Эльбы. Въ числѣ пострадавшихъ владѣтелей оказался герцогъ Ольденбургскій. Это обстоятельство дало Александру прекрасный предлогъ, чтобы выступить съ формальнымъ протестомъ противъ существующихъ трактатовъ, который привелъ къ нескончаемымъ переговорамъ о вознагражденіи герцога Ольденбургскаго. Великодушное убѣжденіе Александра въ необходимости спасти Европу отъ ненасытнаго честолюбія Наполеона получило гласное выраженіе: антагонизмъ двухъ императоровъ былъ засвидѣтельствованъ передъ Европою. Александру болѣе, чѣмъ когда-либо, казалось необходимымъ *оградить несчастное человѣчество отъ угрожающаго ему варварства;* въ его воображеніи приближавшаяся война рисовалась, какъ послѣдняя борьба независимости противъ угнетенія либеральныхъ идей, противъ тиранніи.

Кутузовъ. Портретъ работы Волкова.

Прусско-нѣмецкіе патріоты и іезуитско-эмигрантская колонія въ Петербургѣ дружно сплотились вокругъ Александра, стремясь, подобно ему, къ одной общей цѣли: къ низверженію ненавистнаго имъ Наполеона и къ возбужденію русскаго національнаго чувства противъ преобладающаго вліянія Франціи. Въ этомъ же духѣ неусыпно дѣйствовала и императрица Марія Ѳеодоровна.

Императоръ Александръ началъ готовиться къ войнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ старанія царственнаго дипломата клонились къ тому, чтобы выиграть время, не ускорять хода событій и передъ всѣмъ свѣтомъ поставить Наполеона въ положеніе явнаго зачинщика. Старанія Александра въ этомъ смыслѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Пока Александръ ограничился таможенною войною. 19-го (31-го) декабря 1810 года, какъ выше упомянуто, было изданно «положеніе о нейтральной торговлѣ на 1811 годъ», коимъ дозволялся привозъ колоніальныхъ товаровъ подъ американскимъ флагомъ, а издѣлія французскихъ фабрикъ частью запрещались, частью же были обложены высокою пошлиною, чтобы оградить вывозъ звонкой монеты въ уплату за пред-

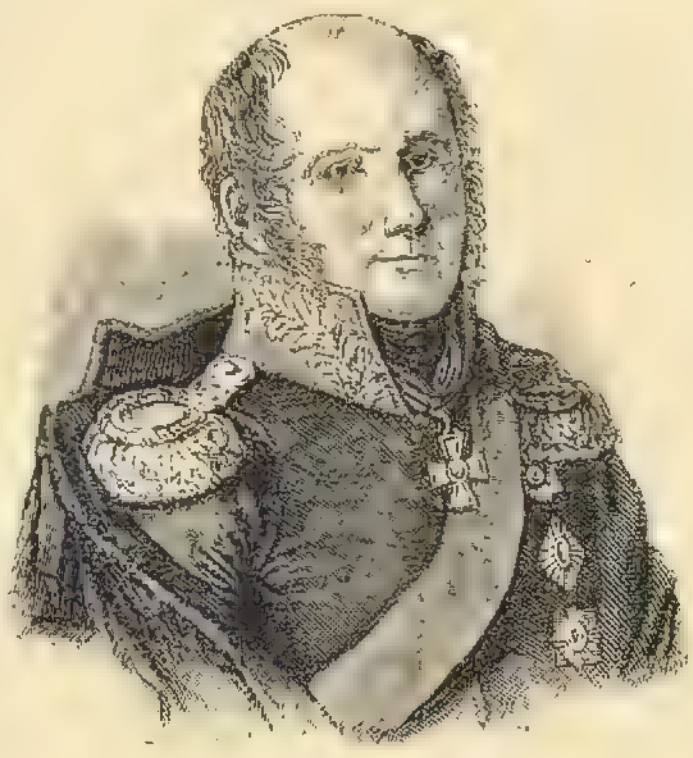
мсты роскоши. Этимъ распоряженіемъ былъ нанесенъ чувствительный ударъ континентальной системѣ, незыблемость которой болѣе всего озабочивала Наполеона; одно изъ самыхъ существенныхъ условій тильзитскаго соглашенія перестало существовать въ дѣйствительности.

Всего важнѣе, въ виду приближавшагося разрыва съ Франціею, было покончить наши счеты съ Турціею. Между тѣмъ всѣ пожертвованія многолѣтней уже войны, безпрерывная смѣна одного полководца другимъ не привели къ цѣли; упорство Оттоманской Порты не было еще сломано, и княжества оставались присоединенными къ Россіи только по бумагѣ Эрфуртской конвенціи. Наконецъ въ апрѣлѣ 1811 года къ Дунаю прибылъ опять новый главнокомандующій *Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ*. Задача, рѣшеніе которой предстояло старому полководцу, была еще труднѣе, чѣмъ его предшественникамъ; онъ долженъ былъ принудить Турцію къ заключенію мира, располагая только четырьмя дивизіями, между тѣмъ какъ пять дивизій были направлены къ Днѣстру, въ виду опасности, начинавшей угрожать нашей западной границѣ. Тѣмъ не менѣе Кутузовъ вышелъ съ торжествомъ изъ этой невыгодной обстановки и блистательно окончилъ кампанію 1811 года. 23-го ноября (5-го декабря) турецкая армія, обложенная въ лагерѣ при Слободзеѣ, сдалась и положила оружіе. Узнавъ о побѣдѣ Кутузова, Наполеонъ разразился бранью насчетъ турокъ, прибавивъ: «кто могъ предвидѣть это»?

Багратіонъ.

Недовольный Коленкуромъ, онъ замѣнилъ его графомъ Лористономъ. Прощаясь съ Коленкуромъ, Александръ сказалъ ему, что не сдѣлаетъ перваго выстрѣла и не перейдетъ Нѣмана, но что русскій народъ, въ случаѣ нападенія, сумѣетъ постоять за себя.

Въ августѣ 1811 года вооруженія Наполеона настолько подвинулись впередъ, что во время торжественнаго пріема въ Тюльерійскомъ дворцѣ 3-го (15-го) августа, императоръ разыгралъ съ княземъ Куракинымъ сцену, которая обыкновенно предшествовала объявленію войны. Наполеонъ между прочимъ сказалъ, что судя по тому, что въ Россіи дѣлается, тамъ или потеряли голову, или таятъ злыя мысли. «Въ первомъ случаѣ», — прибавилъ онъ, — «вы походите на зайца, у котораго дробь въ головѣ и который кружится то въ ту, то въ другую сторону, не зная, ни по какому направленію онъ слѣдуетъ, ни куда добѣжить». Наполеонъ горько ошибался; тотъ, кого онъ уподобилъ растерявшемуся раненому зайцу, отлично зналъ, чего онъ хотѣлъ и куда стремился, нисколько не отрицая опасности, ожидавшей его при слѣдованіи по избранному имъ пути. «Je joue gros jeu»,— сказалъ императоръ Александръ, вполнѣ сознавая, что для успѣха замышляемой борьбы необходимо было заставить Наполеона вступить на русскую территорію, довести его до этого пагубнаго для него рѣшенія. Только этимъ путемъ можно было, по мнѣнію Александра, увлечь за собою народъ, долѣе ста лѣтъ не видавшаго непріятеля въ своихъ предѣлахъ, и сплотить все общество вокругъ правительства, для единодушной защиты отечества отъ посягательства явнаго уже для всѣхъ врага; а въ такомъ случаѣ представлялось возможнымъ свергнуть наконецъ надменнаго корсиканца и освободить Европу отъ его тяжелой опеки. Конечно, придерживаясь иной политики много лѣтъ тому назадъ, можно было избѣгнуть подобной жестокой борьбы съ Наполеономъ, котораго, въ сущности, все-таки слѣдуетъ признать лучшимъ союзникомъ Россіи, когда либо существовавшимъ; но Александръ именно этого не желалъ, а напротивъ того, онъ поставилъ себѣ задачею погубить соперника, хотя бы для достиженія этой завѣтной мечты и пришлось ему сознаться, что онъ играетъ въ большую игру.



Барклай де-Толли.

Дѣло созрѣло настолько, что обѣимъ враждовавшимъ сторонамъ оставалось только пріискать себѣ союзниковъ. Наполеонъ привлекъ на свою сторону безпомощную Пруссію и коварную Австрію; Рейнскій союзъ, Италія и безъ того обязаны были внимать его велѣніямъ. Но зато Турція ускользнула изъ его рукъ. Александръ нашелъ себѣ одного только союзника въ лицѣ недавняго врага: это была Швеція, гдѣ, по сверженіи Густава IV, царствовалъ бездѣтный Карлъ XIII, а наслѣднымъ принцемъ избранъ былъ французскій маршалъ Бернадотъ, давнишній недоброжелатель Наполеона. Союзникъ былъ, правда, слабый, но, по обстоятельствамъ того времени, косвенная поддержка его, даже и не съ оружіемъ въ рукахъ, стоила цѣлой арміи. Что же касается Англіи, то Александръ ожидалъ только полнаго разрыва съ Наполеономъ, чтобы протянуть ей руку.

Растопчинъ.

Такимъ образомъ, числительная сила войскъ въ предстоявшемъ поединкѣ безспорно находилась на сторонѣ Наполеона. Но зато Александръ прекрасно сознавалъ, что за нимъ обезпечено сочувствіе, а въ будущемъ и содѣйствіе народныхъ массъ, дѣйствительно страдавшихъ подъ гнетомъ деспотизма Наполеона; они страстно ждали часа освобожденія, не подозрѣвая того, что подготовляютъ собственными руками будущую реакцію, которая заставитъ ихъ впослѣдствіи не разъ вспоминать о своемъ прежнемъ мнимомъ притѣснителѣ.

Насталъ вѣчно памятный 1812-й годъ.

V.

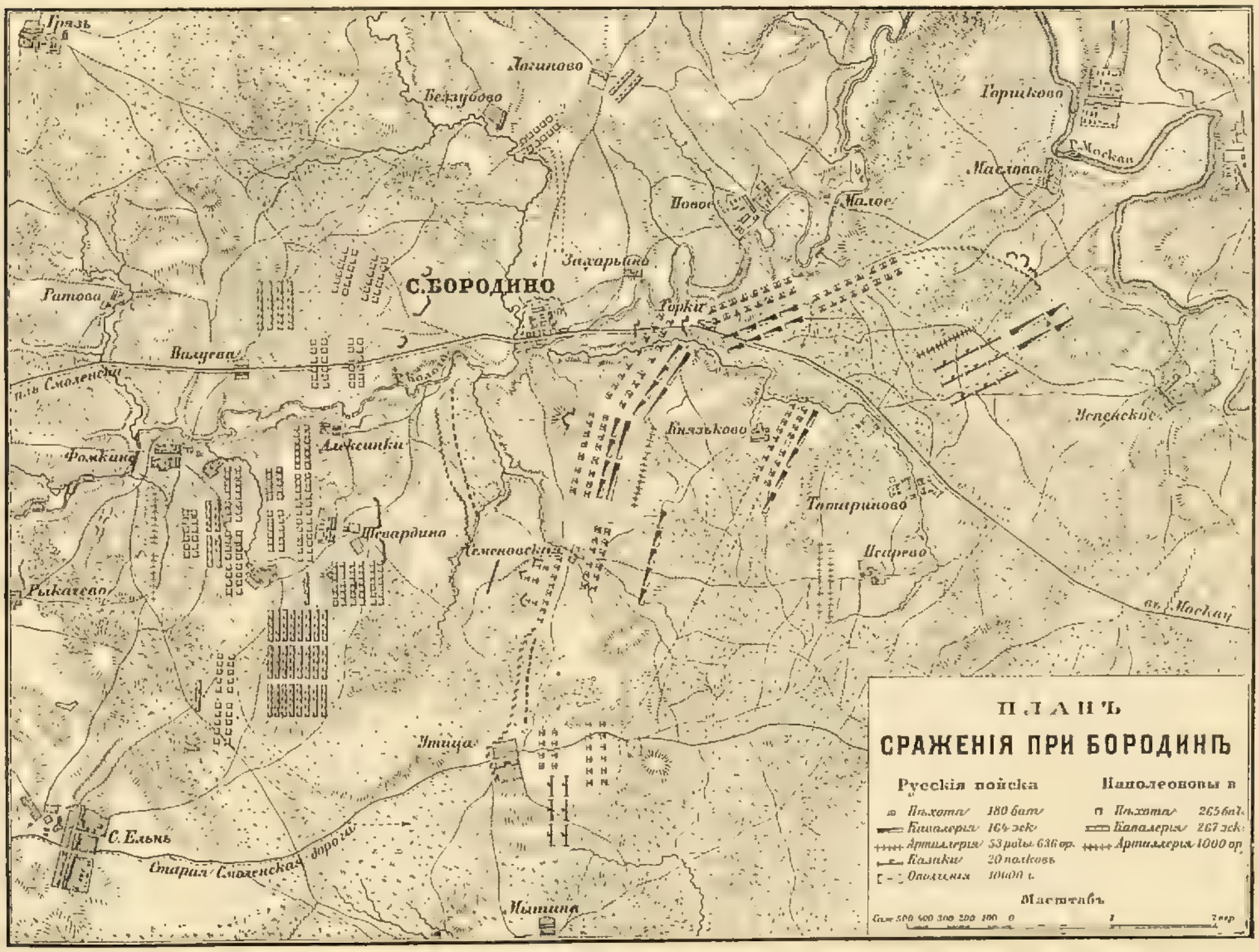
Войнѣ 1812 года предшествовало важное событіе во внутрѣнней жизни Россіи, находившееся въ тѣсной связи съ политической обстановкой того времени. Императоръ Александръ рѣшился прервать преобразовательную дѣятельность Сперанскаго и пожертвовать имъ для успокоенія встревоженныхъ умовъ русскаго общества, относившагося со все болѣе возраставшею враждебностью къ смѣлому реформатору и видѣвшаго въ немъ источникъ всѣхъ золъ. Ропотъ былъ всеобщій; дошло до того, что даже Карамзинъ сталъ обвинять правительство въ излишней любви къ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основу имперіи и благотворность которыхъ остается сомнительною.

Для довершенія несчастія, Александръ имѣлъ причины признать Сперанскаго виновнымъ въ отношеніи къ нему лично тѣмъ, что онъ «*отплатилъ за довѣріе и дружбу самой черной, самой гнусной неблагодарностью*». Въ ожиданіи приближавшихся грозныхъ событій 1812 года создано было такое положеніе дѣлъ, которое, возбудивъ патріотизмъ, соединяло всѣ сословія. Общественное мнѣніе въ своемъ ослѣпленіи и безъ того провозгласило уже по всей Россіи Сперанскаго измѣнникомъ. Лишенный поддержки государя, Сперанскій стоялъ одиноко, окруженный водоворотомъ враждебныхъ ему теченій.

Шишковъ.

Наконецъ, 17-го марта императоръ Александръ призналъ своевременнымъ произнести рѣшительное и окончательное слово. Въ этотъ день Сперанскій былъ призванъ вечеромъ въ Зимній дворецъ и послѣ продолжительной двухъ-часовой аудіенціи разстался съ государемъ надолго. Ночью Сперанскій въ кибиткѣ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ въ сопровожденіи частнаго пристава Шипулинскаго.

Одновременно со Сперанскимъ подвергся также ссылкѣ въ Вологду другъ его и ближайшій сотрудникъ, статсъ-секретарь по департаменту законовъ, *М. Л. Магницкій*, который впослѣдствіи пріобрѣлъ столь печальную извѣстность въ исторіи русскаго просвѣщенія.



Вѣсть о паденіи Сперанскаго разнеслась по всей Россіи и вызвала всеобщее одобреніе и восторгъ не только въ столицѣ, но и въ провинціи. Удаленіе ненавистнаго государственнаго секретаря вполнѣ удовлетворяло желаніямъ огромнаго большинства русскаго населенія, и свидѣтельства современниковъ не позволяютъ сомнѣваться, что ссылку Сперанскаго торжествовали, какъ первую побѣду надъ французами. Духъ патріотизма и приверженности къ правительству былъ пробужденъ и укрѣпленъ во всѣхъ сословіяхъ, подготовляя веденіе національной войны, въ которой видѣли спасеніе Россіи.

Это нѣкогда таинственное дѣло, къ которому предпамѣренно примѣшали нелѣпость какой-то измѣны, сводится въ настоящее время къ болѣе простому объясненію.

Не даромъ императоръ Александръ однажды замѣтилъ: «Нельзя примѣнять одну и ту же мѣрку къ государямъ и къ частнымъ лицамъ. Политика налагаетъ на нихъ обязанности, осуждаемыя сердцемъ».

Удаленіе Сперанскаго сопровождалось двумя назначеніями: адмиралъ *А. С. Шишковъ* занялъ мѣсто государственнаго секретаря и долженъ былъ сопровождать государя въ армію; нѣсколько позже послѣдовало назначеніе *графа Ѳ. В. Ростопчина* московскимъ главнокомандующимъ.

9-го (21-го) апрѣля императоръ Александръ покинулъ Петербургъ и направился въ Вильну.

15-го (27-го) мая графъ Кутузовъ заключилъ Бухарестскій миръ, положившій конецъ семилѣтней войнѣ съ Турціею, по которому Бессарабія съ Измаиломъ присоединена была къ имперіи. Прутъ и Дунай стали границею между Россіею и владѣніями Оттоманской Порты. Относительно разграниченія въ Азіи Кутузову удалось мастерски провести, какъ онъ выражался, *статью темную и запутанную*, которая дозволила Россіи сохранить миръ съ Портою до 1828 года, не нарушая пріобрѣтенныхъ цѣною семилѣтней войны территоріальныхъ выгодъ въ Закавказьѣ.

Императоръ Александръ, недовольный медленнымъ ходомъ переговоровъ, въ ожиданіи мира съ Портою, избралъ преемникомъ Кутузову адмирала *Павла Васильевича Чичагова*; но когда новый главнокомандующій пріѣхалъ въ Бухарестъ, миръ сталъ уже совершившимся фактомъ

VI.

Если въ политическомъ отношеніи задуманное предпріятіе было ведено мастерски, то нельзя сказать того же о военной сторонѣ дѣла. Войска наши, раздѣленныя на три арміи, растянуты были по западной границѣ; опредѣленнаго плана для предстоявшихъ военныхъ дѣйствій не существовало и вообще сдѣлано было какъ разъ то, чего по обстоятельствамъ не слѣдовало вовсе дѣлать. Въ многолюдной же главной квартирѣ шумѣли, интриговали, сре-

Военный совѣтъ въ Филяхъ.
Картина А. Д. Кившенко.

ди обстановки, затруднявшей всякую разумную дѣятельность. При этихъ условіяхъ намъ могла угрожать гибель, имѣя къ тому же противникомъ Наполеона съ полумилліонной арміею, но Богъ спасъ русскую землю. Снова оправдались слова, нѣкогда сказанныя Минихомъ: «Русское государство имѣетъ передъ другими то преимущество, что оно управляется непосредственно самимъ Богомъ — иначе невозможно объяснить себѣ, какимъ образомъ оно можетъ существовать».

Между тѣмъ Наполеонъ, узнавъ о выѣздѣ императора Александра въ армію, покинулъ Парижъ и поселился въ Дрезденѣ, гдѣ собрались почти всѣ государи Рейнскаго союза, императоръ Францъ и король прусскій. По возвращеніи посланнаго въ Вильну графа Нарбонна, Наполеонъ, выслушавъ его донесеніе, сказалъ: «Хотятъ войны, я ее начну» и немедленно ускорилъ движеніе своихъ войскъ къ русской границѣ. 16-го (28-го) мая императоръ выѣхалъ изъ Дрездена въ Познань и затѣмъ постепенно приближался съ своей главной квартирой къ Нѣману.

Москва до сожженія. По гравюрѣ на мѣди К. Гаммера, относящейся къ 1807 году.

Возвращеніе изъ Петровскаго дворца. Картина В. В. Верещагина.

12-го (24-го) іюня Наполеонъ перешелъ черезъ Нѣманъ у Ковны и двинулся къ Вильнѣ, надѣясь прорвать центръ нашего растянутаго расположенія. Немедленно началось отступленіе русской арміи. Первая армія Барклая де-Толли двинулась къ Дрисскому укрѣпленному лагерю, а вторая армія князя Багратіона, во время своего отступательнаго движенія, долгое время тщетно пыталась соединиться съ первою армією.

Въ рескриптѣ на имя фельдмаршала графа П. П. Салтыкова, посланнаго въ Петербургъ, императоръ Александръ, извѣщая его о вступленіи непріятеля въ русскіе предѣлы, высказалъ достопамятныя слова: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ». Торжественный обѣтъ Александра,—не вступать въ переговоры съ Наполеономъ—нашелъ благодарный отголосокъ въ каждомъ русскомъ, возвративъ государю прежнія безусловную любовь и безграничную вѣру въ него народа. Въ Европѣ никто не ожидалъ подобной рѣшимости отъ императора Александра и сомнѣвались, руководствуясь ложной оцѣнкой дильзитской уступчивости, что онъ удержится на высказанной имъ точкѣ зрѣнія Наполеонъ также льстилъ себя надеждою, что одно побѣдоносное сраженіе заставитъ Россію подчиниться требованіямъ Франціи. Оказалось, что всѣ наши враги ошиблись въ своихъ разсчетахъ, и непоколебимая рѣшимость государя готовила ему побѣду надъ геніальнымъ соперникомъ.

Дрисскій укрѣпленный лагерь оказался никуда негоднымъ; первая армія повернула къ Витебску и благополучно достигла Смоленска, гдѣ она соединилась со второю арміею, 22-го іюля (3-го августа). Слова Наполеона, что Багратіонъ съ Барклаемъ никогда не встрѣтятся, не оправдались.

Между тѣмъ императоръ Александръ убѣдился, что его присутствіе въ Россіи важнѣе нахожденія его при арміи, отправился черезъ Смоленскъ въ Москву. Шишкову поручено было написать воззваніе къ первопрестольной столицѣ и манифестъ о всеобщемъ ополченіи. Отнынѣ борьба съ Наполеономъ получала значеніе народной и священной войны; желаніе и цѣль, преслѣдуемыя императоромъ Александромъ, исполнились.

Борьба съ Наполеоновскими полчищами сосредоточилась на нѣкоторое время вокругъ Смоленска; благоразуміе побудило, однако, Барклая своевременно отступить по направленію къ Москвѣ; Смоленскъ перешелъ, въ видѣ горящихъ развалинъ, въ руки французовъ.

«Въ Кремлѣ пожаръ». Картина В. В. Верещагина.

Еще ранѣе этого печальнаго событія стала очевидною необходимость назначенія общаго надъ всѣми арміями главнокомандующаго. Рѣшеніе этого вопроса было предоставлено чрезвычайному комитету, который 5-го (17-го) августа единогласно постановилъ ввѣрить начальство надъ всѣми арміями и ополченіями Кутузову. Императоръ Александръ хотя не довѣрялъ ни высокимъ воинскимъ достоинствамъ, ни личнымъ свойствамъ Кутузова, но, тѣмъ не менѣе, превозмогъ предубѣжденіе противъ него и сдѣлалъ уступку общественному мнѣнію, утвердивъ мнѣніе комитета. Старый полководецъ, незадолго до того пожалованный княземъ съ титуломъ свѣтлости, немедленно отправился въ армію. Дорогою онъ узналъ о занятіи французами Смоленска; это горестное извѣстіе опредѣлило собою тотъ образъ дѣйствій, котораго ему

пришлось держаться въ дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи. «Ключъ къ Москвѣ взять!»—воскликнулъ Кутузовъ.

По прибытіи въ Царево-Займище, главнокомандующій приказалъ войскамъ продолжать отступленіе и остановился только на бородинской позиціи передъ Можайскомъ.

Назначивъ князя Кутузова главнокомандующимъ, императоръ Александръ отправился 10-го (22-го) августа въ Або для свиданія съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, желая личнымъ знакомствомъ скрѣпить союзъ, заключенный съ Швеціею. Переговоры государя съ своимъ союзникомъ составляютъ истинное дипломатическое торжество Александра, исключительно ему одному принадлежащее: они обезпечили неприкосновенность Финляндіи и успѣхъ дальнѣйшей борьбы съ Наполеономъ. Предупредительность наслѣднаго принца доведена была императоромъ-дипломатомъ до того, что онъ предложилъ государю усилить корпусъ графа Витгенштейна, прикрывавшаго дорогу въ Петербургъ, войсками, находившимися въ Финляндіи и предназначавшимися для содѣйствія шведамъ при завоеваніи обѣщанной имъ Норвегіи. Вслѣдствіе этого войска, собранныя въ Финляндіи, въ составѣ 10,000 человѣкъ, высажены были въ концѣ августа въ Ревелѣ и направлены къ Ригѣ.

Въ день своего тезоименитства, 30-го августа, императоръ Александръ получилъ донесеніе князя Кутузова о сраженіи 26-го августа (7-го сентября) при *Бородинѣ*, которое, какъ писалъ главнокомандующій, «кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни пяди земли съ превосходными своими силами». Затѣмъ Кутузовъ присовокупилъ уже менѣе радостное извѣстіе, что, почевавъ на полѣ сраженія, онъ въ виду громадныхъ потерь, понесенныхъ арміею, отступилъ за Можайскъ. Потеря съ каждой стороны простиралась до 40.000 человѣкъ. Хотя государь не былъ введенъ въ заблужденіе относительно истиннаго значенія Бородинскаго побоища, но, желая поддержать въ народѣ надежду на успѣшное окончаніе борьбы съ Наполеономъ и довѣріе къ Кутузову, принялъ донесеніе о боѣ 26-го августа, какъ сообщеніе о побѣдѣ. Князь Кутузовъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы, и ему было пожаловано 100.000 рублей. Барклай де-Толли былъ награжденъ орденомъ св. Георгія второй степени, а смертельно раненый князь Багратіонъ 50,000 рублей. 14 генераловъ получили орденъ св. Георгія третьей степени. Всѣмъ бывшимъ въ сраженіи нижнимъ чинамъ было пожаловано по пяти рублей на каждаго.

Императрица Елисавета Алексѣевна.

Въ Петербургѣ наступила минута томительнаго ожиданія. Послѣ Бородинскаго сраженія Кутузовъ, отступая шагъ за шагомъ, привелъ армію къ Москвѣ и 1-го (13-го сентября) собралъ въ деревнѣ Филяхъ военный совѣтъ. Здѣсь рѣшилась участь Москвы; послѣ продолжительныхъ преній Кутузовъ заключилъ совѣщаніе, сказавъ: «Я чувствую, что мнѣ придется поплатиться за все, но я жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать».

Тогда же графъ Растопчинъ получилъ извѣщеніе отъ фельдмаршала, что онъ покидаетъ Москву, а армія идетъ на Рязанскую дорогу. При такихъ обстоятельствахъ московскій главнокомандующій сдѣлалъ все, что могъ, для очищенія столицы, и принялъ всѣ мѣры для зажженія города по выступленіи арміи. Когда, 2-го (14-го) сентября, Наполеонъ прибылъ къ Дорогомиловской заставѣ, онъ былъ пораженъ извѣстіемъ объ оставленіи Москвы ея жителями. На другой день Наполеонъ перенесъ главную квартиру свою въ Кремль. Начавшійся затѣмъ пожаръ, охватившій собою Москву, вынудилъ его искать убѣжище въ Петровскомъ дворцѣ. Девять десятыхъ города сдѣлались добычею пламени; грабежъ довершилъ бѣдствія оставшихся тамъ жителей.

Только 7-го (19-го) сентября императоръ Александръ получилъ черезъ Ярославль краткое донесеніе графа Растопчина о томъ, что Кутузовъ рѣшился оставить Москву. На другой день 8-го (20-го) сентября, роковая вѣсть о занятіи Наполеономъ первопрестольной столицы подтвердилась донесеніемъ фельдмаршала, привезеннымъ полковникомъ Мишо. Тогда императоръ Александръ въ разговорѣ съ Мишо произнесъ достопамятныя слова, выражавшія собою всѣ тѣ тяжелыя думы, которыя уже много лѣтъ господствовали въ его умѣ и руководили всѣми его дѣйствіями: «Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать». Вмѣстѣ съ тѣмъ государь высказалъ непоколебимую свою рѣшимость продолжать войну и не вступать съ непріятелемъ въ переговоры.

Вскорѣ Наполеонъ имѣлъ случай убѣдиться, насколько ошибочны были его политическіе и военные разсчеты, основанные на мнимой слабохарактерности Александра. Письмо Наполеона къ государю изъ Москвы, въ которомъ онъ отклонялъ отъ себя отвѣтственность за сожженіе столицы, оставлено было безъ отвѣта. Рѣшимость государя не мириться съ Наполеономъ не раздѣлялась всѣми государственными сановниками, и въ малодушныхъ совѣтахъ недостатка не было. Но Александръ остался непреклоннымъ въ принятомъ рѣшеніи; онъ слышать не хотѣлъ о мирѣ и напомнилъ Кутузову, что онъ еще обязанъ отвѣтомъ оскорбленному отечеству за потерю Москвы.

Императрица Елисавета Алексѣевна вполнѣ раздѣляла взглядъ государя. Въ самый день Бородинской битвы, она писала своей матери: «Съ той минуты, какъ Наполеонъ перешелъ границу, точно электрическая искра распространилась по всей Россіи, и если бы при ея громадномъ протяженіи было возможно, чтобы это сдѣлалось извѣстнымъ одновременно во всѣхъ концахъ имперіи, то раздался бы такой грозный крикъ негодованія, который долетѣлъ бы, какъ мнѣ кажется, до края вселенной. По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ будетъ подвигаться впередъ, это чувство будетъ усиливаться все болѣе. Старики, потерявшіе все или почти все свое состояніе, говорятъ: мы найдемъ средства къ жизни, все предпочтительнѣе постыднаго мира. Женщины, у которыхъ всѣ близкіе находятся въ арміи, считаютъ опасности, которымъ тѣ подвергаются, лишь второстепенными и опасаются только мира. Этотъ миръ, который былъ бы смертнымъ приговоромъ Россіи, къ счастію не можетъ быть заключенъ; императоръ не допускаетъ и мысли о немъ, а если бы даже онъ и желалъ его, то не могъ бы осуществить своего желанія. Вотъ прекрасная героическая сторона нашего положенія».

Всѣ эти необыкновенныя событія совершили вмѣстѣ съ тѣмъ переломъ въ мысляхъ и въ характерѣ императора Александра; онъ нашелъ утѣшеніе и успокоеніе въ чтеніи Библіи. «Пожаръ Москвы освѣтилъ мою душу», признавался впослѣдствіи императоръ прусскому епископу Эйлерту, «и наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я не ощущалъ до тѣхъ поръ. Тогда я позналъ Бога». Событія этой страшной войны измѣнили міросозерцаніе Александра и окончательно убѣдили его, что для народовъ, какъ и для царей, спасеніе и слава только въ Богѣ.

Между тѣмъ Кутузовъ, отступая съ арміею по Рязанской

дорогѣ, предпринялъ оттуда свое знаменитое фланговое движеніе на старую Калужскую дорогу. Въ виду зарева пылающей Москвы русская армія потянулась безпрепятственно къ Подольску и Красной Пахрѣ и оттуда отошла къ Тарутину, гдѣ заняла 20-го сентября (2-го октября) позицію за р. Нарою. Войска отдохнули здѣсь, оправились и усилились прибывшими подкрѣпленіями. Что же касается французовъ, то, по занятіи Москвы, Наполеонъ потерялъ изъ виду нашу армію и въ продолженіи двѣнадцати дней находился въ невѣдѣніи относительно пути отступленія, избраннаго Кутузовымъ.

Возгорѣлась народная война, и начались успѣшныя партизанскія дѣйствія на сообщеніяхъ непріятеля. Кутузовъ, оставаясь видимо въ бездѣйствіи, разставлялъ сѣти Наполеону. Сознавая, что занятіе Москвы послужитъ къ гибели французской арміи, онъ всѣми мѣрами старался продлить пребываніе враговъ среди разгалиненъ столицы; для достиженія этой цѣли онъ прибѣгалъ къ искусно распускаемымъ слухамъ относительно слабости и бѣдственнаго положенія русской арміи и общаго желанія мира, представляющаго будто бы единственное средство для спасенія имперіи. Всѣ эти мѣры содѣйствовали къ удержанію Наполеона въ Москвѣ, поддерживая въ немъ надежду на полученіе мирныхъ предложеній со стороны императора Александра.

Подобный образъ дѣйствій Кутузова не былъ встрѣченъ сочувственно ни при дворѣ, ни въ обществѣ, ни даже среди войска. Изъ современниковъ тяжелой годины немногіе поняли Кутузова и оцѣнили по достоинству: такихъ прозорливыхъ людей, которые говорили, что каждый день его бездѣйствія стоитъ побѣды, оказалось немного. Даже такой простой патріотъ, какимъ является въ 1812 году графъ Растопчинъ, осуждалъ бездѣйствіе и преступное равнодушіе фельдмаршала, изощряя свое безпощадное и нерѣдко возмутительное злословіе надъ бѣднымъ старикомъ. Виновникъ сожженія Москвы никогда не понялъ Кутузова, называя его старой бабой, сплетницей, которая потеряла голову и думаетъ что-нибудь сдѣлать, ничего не дѣлая. Поэтому Растопчинъ совѣтовалъ даже императору Александру отозвать этого стараго болвана и пошлаго царедворца (ce vieux imbécile et plat courtisan). Только потомству суждено было признать наконецъ въ лицѣ Кутузова тотъ образъ, несравненный образъ проницательнаго полководца, который спасъ отечество и какъ бы созданъ былъ для той критической минуты, которую переживала тогда Россія; но въ то время всѣ бродили въ потемкахъ, одинъ Кутузовъ имѣлъ въ рукахъ ключъ къ спасенію имперіи и понималъ, какое онъ стережетъ сокровище.

Вмѣсто требуемыхъ отъ него рѣшительныхъ дѣйствій, Кутузовъ принялъ даже въ своей главной квартирѣ, 23-го сентября (4-го октября), графа Лористона, прибывшаго къ нему съ письмомъ Наполеона и съ предложеніемъ перемиріи. Въ перемиріи Кутузовъ отказалъ, а объ остальномъ обѣщалъ донести императору Александру. Подобный уклончивый и политическій образъ дѣйствій Кутузова послужилъ только поводомъ къ усугубленію противъ него неудовольствія. Сторонники рѣшительныхъ дѣйствій, наконецъ, добились своего, и 6-го (18-го) октября произошло *Тарутинское* сраженіе, по разнымъ обстоятельствамъ увѣнчавшееся только половиннымъ успѣхомъ, но зато ускорившее выступленіе Наполеона изъ Москвы.

Отступленіе великой арміи. По современной литографіи.

Намѣреніе Наполеона заключалось въ томъ, чтобы двинуться сперва по старой Калужской дорогѣ, соединиться съ авангардомъ Мюрата, а потомъ перейти на новую Калужскую дорогу; императоръ надѣялся такимъ образомъ обойти русскую армію и открыть себѣ свободный доступъ къ Калугѣ. Но партизанъ Сеславинъ, смѣло пробравшись на Боровскую дорогу, открылъ движеніе Наполеона. Стоя на деревѣ въ лѣсу, онъ увидѣлъ карету, въ которой находился самъ императоръ, окруженный своими маршалами и гвардіей. Не удовольствовавшись однако этимъ подвигомъ, безстрашный Сеславинъ захватилъ еще отдѣлившагося отъ опушки лѣса и дороги унтеръ-офицера старой гвардіи, связалъ его и, перекинувъ черезъ сѣдло, умчался съ нимъ.

Отступленіе великой арміи черезъ Вильну. Рис. съ натуры Ф. Даліеля.

Свѣдѣнія, доставленныя Сеславинымъ, имѣли послѣдствіемъ немедленное движеніе корпуса Дохтурова къ Малу-Ярославцу; вмѣстѣ съ тѣмъ Кутузовъ рѣшился двинуться за нимъ изъ Тарутина со всею арміею. Эти распоряженія привели 12-го (24-го) октября къ сраженію при *Мало-Ярославцѣ*. Городъ восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и хотя, послѣ восемнадцати-часового боя, былъ окончательно уступленъ французамъ, но зато Кутузовъ успѣлъ своевременно сосредоточить къ югу отъ него, въ 2½ верстахъ, всю армію.

Теперь фельдмаршалу предстояло рѣшить вопросъ: дать ли генеральное сраженіе для уничтоженія французской арміи и тѣмъ покончить кампанію сразу, или же стремиться къ той же цѣли болѣе осторожнымъ путемъ. Свѣтлѣйшій остановился на послѣднемъ рѣшеніи. «Все это развалится и безъ меня», говорилъ Кутузовъ истерическимъ сторонникамъ рѣшительныхъ дѣйствій. Англійскому генералу Вильсону, находившемуся въ русской главной квартирѣ, онъ высказалъ свою мысль еще болѣе опредѣлительно: «Я предпочитаю построить «*pont d'or*», какъ вы называете, моему противнику, нежели поставить себя въ такое положеніе, чтобы получить отъ него «*coup de collier*». Сверхъ того, я опять повторяю то, что уже нѣсколько разъ говорилъ вамъ, что я вовсе не убѣжденъ, будетъ ли великимъ благодѣяніемъ для вселенной совершенное уничтоженіе императора Наполеона и его арміи. Наслѣдство его достанется не Россіи или какой либо другой изъ державъ материка, а той державѣ, которая уже теперь господствуетъ на моряхъ, и тогда преобладаніе ея будетъ невыносимо». Русскому же генералу Кутузовъ еще подъ Тарутинымъ сказалъ: «Мы никогда, голубчикъ мой, съ тобой не согласимся; ты думаешь только о пользѣ Англіи, а по мнѣ, если этотъ островъ сегодня пойдетъ на дно моря, я не охну.» Въ этихъ немногихъ словахъ отразилась всецѣло Кутузовская точка зрѣнія на событія, завершившія собою 1812 годъ; онъ остался ей вѣренъ, по мѣрѣ силъ, до конца своей уже не долгой жизни.

Милорадовичъ.

Ночью съ 13-го на 14-е октября русская армія начала отходить къ Дѣтчину. *Милорадовичъ* остался противъ Малоярославца. Въ то время какъ Кутузовъ остановился на столь осторожномъ рѣшеніи, Наполеонъ обсуждалъ вопросъ: атаковать ли русскую армію, или отступать по Смоленской дорогѣ. Онъ повернулъ назадъ къ Боровску и затѣмъ въ Можайскъ вышелъ на Смоленскую дорогу, представлявшую въ полномъ смыслѣ пустыню. Окончательная гибель великой арміи дѣйствительно становилась отнынѣ только вопросомъ времени, и русскій главнокомандующій оказался правымъ, утверждая, что все это развалится и безъ него. Недовольные замолчали; отечество было спасено.

Съ отступленіемъ Наполеона по Смоленской дорогѣ началось параллельное преслѣдованіе великой арміи. Армія Чичагова, вызванная императоромъ Александромъ обратно въ Россію, еще во время пребыванія государя въ Москвѣ, направлялась на Минскъ; Сакенъ-же былъ оставленъ противъ Шварценберга и Ренье, оттѣсненныхъ за рѣку Бугъ. Уже давно составленъ былъ прекрасный на бумагѣ планъ, чтобы совокупными усиліями всѣхъ нашихъ армій запереть Наполеону выходъ изъ Россіи; но благодаря частнымъ ошибкамъ исполнителей, намѣреніе загородить дорогу французамъ на берегахъ Березины не было достигнуто.

Нерѣшительность Кутузова подъ Вязьмою и Краснымъ, продолжавшаго утверждать, что обстоятельства сами собою больше сдѣлаютъ, чѣмъ наше оружіе, ошибки Чичагова и осторожность графа Виттенштейна дали Наполеону возможность восторжествовать надъ постигшими его невзгодами. 14-го (26-го) ноября началась переправа черезъ Березину у Студянки, а затѣмъ жалкіе остатки великой арміи, до 9.000 человѣкъ, поспѣшно двинулись или, лучше сказать, бѣжали къ Вильнѣ, преслѣдуемые по пятамъ русскими войсками. Морозы до 30° довершили разстройство непріятеля; вся дорога была усѣяна трупами людей, погибшихъ отъ холода и голода. Видя гибель своихъ войскъ и необходимость создать новую армію для продолженія борьбы, Наполеонъ написалъ въ Молодечнѣ 21-го ноября (3-го декабря) 29-й бюллетень, которымъ оповѣстилъ Европу о плачевномъ исходѣ начатой шесть мѣсяцевъ тому назадъ войны и, передавъ начальство надъ арміею неаполитанскому королю Мюрату, 23-го ноября (5-го декабря) выѣхалъ изъ Сморгони, черезъ Варшаву и Дрезденъ въ Парижъ.

По мѣрѣ приближенія остатковъ наполеоновской арміи къ границамъ Россіи, императору Александру предстояло рѣшить сложный вопросъ: слѣдуетъ ли русскимъ войскамъ остановиться на Вислѣ и довершить торжество Россіи славнымъ миромъ, или же продолжать борьбу съ Наполеономъ для возстановленія самобытности Германіи и возвеличенія Австріи.

Александръ склонялся къ послѣднему рѣшенію, то-есть къ продолженію войны и настойчиво утверждалъ, что если желать мира прочнаго и надежнаго, то надо подписать его въ Парижѣ. Подобное намѣреніе вполнѣ согласовалось съ высказаннымъ имъ ранѣе убѣжденіемъ, изъ-за котораго и возгорѣлась война: «Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать». А для достиженія этой цѣли русская армія должна была по мысли Александра слѣдовать за бѣгущимъ непріятелемъ съ увѣреннымъ видомъ побѣдителей, какъ бы она ни чувствовала себя слабою, и стараться пополнить недостающія боевыя средства союзомъ съ Пруссіей и Австріей, призвавъ къ оружію Германію, противъ владычества Наполеона.

Кутузовъ былъ сторонникъ совершенно противоположнаго взгляда; онъ полагалъ, что Наполеонъ теперь для Россіи не опасенъ, и что слѣдуетъ поберечь его для англичанъ, которые стремятся захватить его наслѣдство въ ущербъ Россіи и другимъ континентальнымъ державамъ. Всѣ помыслы фельдмаршала клонились только къ спасенію отечества, а не Европы, какъ того желали англичане и нѣмецкіе патріоты.

28-го ноября (10-го декабря) русскія войска заняли Вильну, а 2-го (14-го) декабря черезъ Нѣманъ у Ковны перешли остатки нѣкогда блестящей арміи, 1000 человѣкъ съ девятью орудіями и около 20.000 безоружныхъ. Всѣ эти успѣхи были, однако, куплены дорогою цѣною. Достаточно указать, что главная армія, выступившая изъ Тарутина въ составѣ 97.112 человѣкъ, считала въ своихъ рядахъ по прибытіи въ Вильну 27.164 человѣка. Изъ 622 орудій, находившихся при арміи, оставалось на лицо только 200; прочія были оставлены позади вслѣдствіе потери лошадей и убыли въ прислугѣ. 48.000 больныхъ разсѣяны были по госпиталямъ, а остальные убиты въ дѣлахъ, умерли отъ ранъ и болѣзней. Такая неутѣшительная обстановка побудила фельдмаршала высказать государю убѣжденіе въ необходимости пріостановить на время наступательное движеніе ввѣренной ему арміи и дать ей отдыхъ.

Императоръ Александръ, совершенно расходясь во взглядахъ съ Кутузовымъ, призналъ необходимымъ лично отправиться въ армію. 11-го (23-го) декабря государь прибылъ въ Вильну. На слѣдующее утро, въ день рожденія императора Александра, собравшимся во дворецъ генераламъ было сказано: «*Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу*». Въ этихъ немногихъ словахъ была выражена тайная дума Александра,—явиться освободителемъ угнетенныхъ народовъ.

Кутузовъ не сразу согласился съ мнѣніемъ государя о необходимости продолжать войну въ предѣлахъ Германіи и про-

должать войну; онъ сказалъ Александру: «Вашъ обѣтъ исполненъ; ни одного вооруженнаго непріятеля не осталось на русской землѣ; теперь остается исполнить и вторую половину обѣта — положить оружіе». Но государь не внялъ доводамъ своего полководца, ни голосу общаго мнѣнія въ Россіи, которое было противъ заграничной войны.

Вскорѣ получено было въ Вильнѣ извѣстіе чрезвычайной политической и военной важности, окончательно ускорившее выполненіе намѣреній императора Александра. Прусскій генералъ Іоркъ, подчиненный маршалу Макдональду, заключилъ съ генераломъ Дибичемъ на Пошерунской мельницѣ, недалеко отъ Таурогена, конвенцію, по условіямъ которой было положено, чтобы ввѣренныя ему войска расположились между Мемелемъ и Тильзитомъ на пространствѣ, признанномъ нейтральнымъ на все время стоянки здѣсь прусскихъ войскъ. Такимъ образомъ отложеніе Іорка отъ корпуса Макдональда лишило французовъ въ самую критическую минуту похода 1812 года содѣйствія вполнѣ сохранившихся въ бою 16.000 человѣкъ съ 48 орудіями. Войска графа Виттенштейна перешли Нѣманъ у Юрбурга, и 24-го декабря русскій авангардъ безпрепятственно занялъ этотъ городъ.

Главныя силы также выступили изъ Вильны, и 1-го (13-го) января 1813 года императоръ Александръ съ княземъ Кутузовымъ, отслужа молебенъ, перешли съ войсками Нѣманъ у Мерча и вступили въ герцогство Варшавское.

VII.

Начался заграничный походъ.

18-го (30-го) января Милорадовичъ заключилъ перемиріе съ княземъ Шварценбергомъ, которое обезпечивало австрійцамъ свободное отступленіе въ Галицію, а 26-го января (7-го февраля) русскія войска вступили въ Варшаву. Послѣ этого успѣха, наступленіе нашей арміи продолжалось безостановочно, и 12-го (24-го) февраля главная квартира императора Александра была перенесена въ Калишъ; здѣсь 16-го (28-го) февраля заключенъ былъ союзный договоръ съ Пруссіею. Народъ встрепенулся, и добровольцы неудержимымъ потокомъ начали стекаться подъ освободительное знамя, поднятое Александромъ противъ ненавистнаго притѣснителя германскаго отечества.

Съ открытіемъ заграничнаго похода здоровье Кутузова начало слабѣть, и по прибытіи главной квартиры въ Бунцлау 6-го (18-го) апрѣля болѣзнь фельдмаршала не позволила ему далѣе слѣдовать за арміею; здѣсь увѣнчанный лаврами полководецъ скончался 16-го (28-го) апрѣля. Между тѣмъ союзная русско-прусская армія продолжала наступленіе и 20-го апрѣля (2-го мая) неожиданно атаковала подъ Люценомъ разбросанныя силы Наполеона, двигавшіеся къ Лейпцигу. Сраженіемъ долженъ былъ руководить *графъ Виттенштейнъ*, за смертью Кутузова, вступившій въ командованіе русскими войсками лишь въ день Люценскаго сраженія, и который, слѣдовательно, не могъ знать ни состава, ни нуждъ арміи; императоръ Александръ встрѣтился даже съ новымъ главнокомандующимъ впервые послѣ похода 1812 года на люценскихъ поляхъ. Наполеонъ снова восторжествовалъ надъ своими противниками и принудилъ ихъ очистить Дрезденъ и поспѣшно отступить на правый берегъ Эльбы. Опасенія Кутузова, выразившіяся въ словахъ: «Самое легкое дѣло идти теперь за Эльбу, но какъ воротимся? Съ рыломъ въ крови», осуществились на дѣлѣ скорѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Союзныя войска отступили къ Бауцену. Разыгравшееся здѣсь двухдневное сраженіе кончилось новымъ пораженіемъ и заключеніемъ военнаго перемирія, состоявшагося 23-го мая (4-го) іюня въ Пойшвицѣ.

По заключеніи 15-го (27-го) іюня Россіею и Пруссіею секретной конвенціи съ Австріей въ Рейхенбахѣ, начались переговоры съ Наполеономъ въ Дрезденѣ, которые привели не къ миру, но къ возобновленію военныхъ дѣйствій, несмотря на конгрессъ, собравшійся въ Прагѣ. Австрія присоединилась къ коаліціи, и 125.000 русско-прусскихъ войскъ подъ начальствомъ Барклая де-Толли вступили въ Богемію. Начался осенній походъ 1813 года.

Несмотря на численный перевѣсъ, находившійся на сторонѣ союзниковъ, наступательное движеніе ихъ къ Дрездену кончилось полнымъ ихъ пораженіемъ и поспѣшнымъ отступленіемъ въ Богемію. Это былъ послѣдній успѣхъ, одержанный Наполеономъ въ Германіи. Затѣмъ французы испытали цѣлый рядъ пораженій: при Гросъ-Бееренъ, при Кацбахѣ, при Кульмѣ. Въ послѣднемъ сраженіи, кончившемся полнымъ уничтоженіемъ корпуса Вандалема, императоръ Александръ принималъ личное участіе; благодаря своевременнымъ распоряженіямъ государя, союзная армія была выведена изъ критическаго положенія, въ которое ее поставила перѣшительность главнокомандующаго Богемской арміи, князя Шварценберга.

По присоединеніи къ союзникамъ новыхъ подкрѣпленій, рѣшено было предпринять совокупными силами наступленіе къ Лейпцигу. Наполеонъ, съ своей стороны, также сосредоточилъ свои силы къ этому городу. Трехдневный бой подъ Лейпцигомъ (4-го, 6-го и 7-го октября) увѣнчался побѣдой союзниковъ, и Наполеонъ съ остатками разбитой арміи отступилъ къ Рейну. Саксонія, Виртембергъ и Баварія отложились отъ Франціи.

Союзныя войска расположились для отдыха и устройства вдоль Рейна, а главная квартира монарховъ перешла во Франкфуртъ на Майнѣ. Наполеонъ возвратился въ Парижъ. Здѣсь императоръ Александръ обрадованъ былъ полученіемъ извѣстія о заключеніи 12-го (24-го) октября *Гюлистанскаго мира* съ Персіею.

Послѣ освобожденія Германіи отъ французскаго владычества, между союзниками проявилась склонность къ дипломатическимъ переговорамъ съ Наполеономъ. Сторонники мира въ различныхъ лагеряхъ снова подняли голосъ. Одинъ императоръ Александръ не вѣрилъ въ возможность прочнаго мира съ Наполеономъ и настаивалъ на немедленномъ продолженіи борьбы, чтобы предписать миръ въ Парижѣ. Мнѣніе государя поддерживали нѣкоторые изъ выдающихся прусскихъ дѣятелей. Между тѣмъ Наполеонъ медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ на предложенныя ему выгодныя условія мира и приступилъ къ усиленнымъ вооруженіямъ; это обстоятельство дало въ союзномъ лагерѣ рѣшительный перевѣсъ партіи продолженія войны. Рѣшено было приступить къ зимнему походу, и была обнародована декларація, въ которой союзники объявили, что они ведутъ войну не противъ Франціи, но противъ преобладанія Наполеона, которымъ онъ, къ несчастію Европы и Франціи, пользовался слишкомъ долго внѣ предѣловъ своей имперіи. Такимъ образомъ конечная цѣль политики императора Александра получила уже нѣкоторое осуществленіе и всеобщую гласность: союзники разъединили этою декларацією Францію и ея повелителя и тѣмъ сдѣлали очевидно первый шагъ къ низложенію Наполеона. Остальное зависѣло отъ исхода предстоявшей новой кампаніи 1814 года. Въ годовщину переправы черезъ Нѣманъ русскія войска перешли Рейнъ въ Базелѣ.

Теперь императоръ Александръ могъ наконецъ приступить къ окончательному довершенію предначертанной имъ себѣ задачи, заключавшейся, по словамъ государя, въ возстановленіи европейской системы (la restauration du système européen). Эта реставрація должна была, по мысли Александра, «возвратить каждому народу полное и всецѣлое пользованіе его правами и его учрежденіями, поставить какъ ихъ всѣхъ, такъ и насъ самихъ подъ охрану общаго союза, охранить себя и защитить ихъ отъ честолюбія завоевателей,—таковы суть основанія, на которыхъ мы надѣемся съ Божіею помощію утвердить эту новую систему. Провидѣніе поставило насъ на дорогу, которая прямо ведетъ къ цѣли. Часть ея мы уже прошли. Та, которая еще предстоитъ намъ, усѣяна большими трудностями. Надобно ихъ устранить».

Вотъ съ какими мыслями императоръ Александръ перешелъ границы Франціи; а для водворенія въ Европѣ предначертаннаго плана, нужно было добиться низложенія Наполеона и замѣны его чѣмъ то другимъ, не принявшимъ еще въ глазахъ союзниковъ опредѣленнаго образа.

Одновременно съ военными дѣйствіями открыты были мирные переговоры съ Наполеономъ въ Шатильонѣ. Разномысліе союзниковъ побудило императора Александра согласиться на это безплодное дипломатическое состязаніе, но онъ оставался

по прежнему сторонникомъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ своего соперника. Настойчивость Александра въ проведеніи своихъ плановъ при счастливыхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ кампанію 1814 года, привела къ желаемой имъ цѣли. Хотя Наполеонъ съ горстью солдатъ совершалъ истинныя чудеса, но спасти Францію, сохранить за собою престолъ ему не удалось. Въ то время когда онъ принялъ рѣшеніе дѣйствовать на сообщеніе союзниковъ, Александръ рѣшился быстрымъ движеніемъ къ Парижу кончить войну однимъ рѣшительнымъ ударомъ. 18-го (30-го) марта участь Парижа рѣшилась сраженіемъ, почью подписана была капитуляція, и 19-го марта императоръ Александръ съ союзниками торжественно вступилъ во французскую столицу, встрѣченный населеніемъ, какъ давно желанный гость.

Сокровенныя мысли, волновавшія въ ту пору душу Александра, нашли себѣ выраженіе въ словахъ, съ которыми онъ обратился къ генералу Ермолову: «Ну что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь, право, было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали за простачка».

Сенатъ учредилъ временное правительство и объявилъ Наполеона и всѣхъ членовъ его семейства лишенными права на престолъ Франціи. Теперь Наполеону оставалось только согласиться на безусловное отреченіе, послѣ чего онъ удалился на предоставленный ему островъ Эльбу, а Людовикъ XVIII занялъ его престолъ и возвратился въ Парижъ, даровавъ французамъ хартію. Окончательный миръ съ Франціею заключенъ былъ 18-го (30-го) мая, по которому она лишилась населенія въ 15.360,000 и вошла въ границы 1792 года, съ нѣкоторыми ничтожными приращеніями. Затѣмъ рѣшено было осенью собрать конгрессъ въ Вѣнѣ для окончательнаго распредѣленія между побѣдителями завоеваній, отнятыхъ у Наполеона.

Императоръ Александръ покинулъ Парижъ и, послѣ посѣщенія имъ Англіи, возвратился 13-го (25-го) іюля въ Петербургъ.

VIII.

Хотя императоръ Александръ, въ виду предстоявшаго отъѣзда на Вѣнскій конгрессъ, могъ остаться въ Петербургѣ только весьма непродолжительное время, но тѣмъ не менѣе недѣли, проведенныя государемъ въ Россіи, не были проведены въ праздности.

Встрѣтивъ Державина, Александръ сказалъ ему: «Мнѣ Господь помогъ устроить внѣшнія дѣла Россіи, теперь примусь за внутреннія, но людей нѣтъ». –«Они есть, ваше величество», отвѣчалъ Державинъ, «но они въ глуши, ихъ искать надобно; безъ добрыхъ и умныхъ людей и свѣтъ бы не стоялъ». Но въ сущности, Александръ и не намѣревался искать новыхъ сотрудниковъ для обновленія внутренняго строя Россіи. У него ужъ былъ избранъ суровый дѣлецъ, предназначенный имъ для приведенія въ порядокъ и для управленія внутренними дѣлами имперіи: графъ Аракчеевъ!

Государственный канцлеръ графъ Румянцевъ уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ, а графу Нессельроде повелѣно продолжать докладывать по всѣмъ дѣламъ иностраннаго департамента. Графъ Растопчинъ также замѣненъ былъ графомъ Тормосовымъ, министръ юстиціи П. П. Дмитріевъ Д. П. Трощинскимъ;

Кончина Кутузова. По рис. съ натуры Ефимовича, съ грав. Карделли.

А. С. Шишковъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

По всему видно было, что въ это время польскій вопросъ и связанная съ нимъ участь сѣверо и юго-западныхъ губерній выдвинулись на первый планъ. Депутатамъ этихъ губерній государь сказалъ: «Еще немного терпѣнія, и вы всѣ будете болѣе довольны мною!»

Императоръ Александръ, желая выразить признательность всѣмъ сословіямъ русскаго народа за ихъ участіе въ отечественной войнѣ, поручилъ Шишкову составить въ этомъ смыслѣ манифестъ, который обнародованъ былъ 30-го августа. Въ манифестѣ между прочимъ сказано было: «Надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе войскъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать осѣдлость и присоединить къ нимъ семейства». Слова эти, значеніе которыхъ было не для всѣхъ понятнымъ, предвѣщали устройство въ близкомъ будущемъ военныхъ поселеній.

Сперанскій все еще продолжалъ томиться въ ссылкѣ, и съ сентября 1812 года находился въ Перми, куда онъ привезенъ былъ изъ Нижняго-Новгорода; наканунѣ отъѣзда въ Вѣну, государь разрѣшилъ Сперанскому переѣхать на жительство въ принадлежавшую ему деревню Великополье, въ Новгородской губерніи.

1-го (13-го) сентября императоръ Александръ снова отправился въ путь и дорогою заѣхалъ въ Пулавы къ князю Адаму Чарторижскому. Княгинѣ-матери государь сказалъ: «Теперь меня болѣе всего занимаетъ Польша. Ѣду на конгрессъ, чтобы работать для нея, но надо двигать дѣло постепенно. У Польши три врага: Пруссія, Австрія и Россія, и одинъ другъ—это я. Если бы я хотѣлъ присоединить Галицію, пришлось бы сражаться. Пруссія соглашается возстановить Польшу, если ей отдадутъ часть Велико-Польши. А я хочу отдать польскимъ провинціямъ около двѣнадцати милліоновъ жителей. Составьте себѣ хорошую конституцію и сильную армію, тогда посмотримъ.—Нужны терпѣніе и вѣра въ меня».

Изъ Пулавы императоръ Александръ направился въ Вѣну, гдѣ уже начали собираться представители побѣдоносной коалиціи.

Задача, которую памѣтилъ себѣ императоръ Александръ при открытіи конгресса, была вообще не легкая.

Образованіе и незыблемость союза всей Европы противъ Наполеона въ 1813 и 1814 годахъ были личнымъ дѣломъ Александра; преслѣдуемая имъ цѣль была достигнута благодаря особымъ свойствамъ его ума и характера. Государь и никто другой повелъ всю Европу въ Парижъ и, можно сказать, буквально повлекъ ее за собою. Съ исчезновеніемъ Наполеона союзникамъ предстояло рѣшеніе не менѣе трудной задачи — раздѣлить между собою завоеванныя земли. Александру же, сверхъ того, приходилось побороть явное недоброжелательство и зависть Европы по отношенію къ возрастающему могуществу Россіи. Государь говорилъ не разъ: «Людская благодарность такъ же рѣдко встрѣчается, какъ бѣлый воронъ». Справедливость этого изреченія пришлось въ полной мѣрѣ испытать главѣ европейскаго ареопага во время дипломатической борьбы, начавшейся въ Вѣнѣ.

Къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ долженъ былъ заняться Вѣнскій конгрессъ, принадлежала будущая судьба Саксоніи и Варшавскаго герцогства. Александръ предоставлялъ Саксонію королю прусскому и намѣревался удержать за собою Варшавское герцогство, возстановивъ наименованіе Польскаго королевства. Подобный планъ встрѣтилъ дружный отпоръ со стороны Меттерниха и французскаго уполномоченнаго Талейрана; къ нимъ присоединился также Кестельри.

Князь Адамъ Чарторижскій, находившійся въ Вѣнѣ не въ качествѣ официальнаго представителя русской политики, но лишь другомъ и совѣтникомъ государя, удивлялся настойчивости, высказанной императоромъ Александромъ при столь затруднительныхъ обстоятельствахъ въ вѣнскихъ переговорахъ по польскому вопросу. Чарторижскій писалъ, что «всѣ кабинеты противъ него; никто не говоритъ намъ добраго слова, не помогаетъ намъ искренно. Здѣшніе русскіе тоже страшно

Сраженіе подъ Лейпцигомъ. Картина Крютера.

негодуютъ и не извиняютъ императора; этотъ хоръ изъ своихъ и чужихъ старается перекричать одинъ другого».

Хотя сначала Талейранъ высказывалъ относительно государей, собравшихся въ Вѣнѣ, мнѣніе, что у нихъ не хватаетъ мужества, чтобы поссориться, а также здраваго смысла, чтобы придти къ соглашенію, но вскорѣ онъ пришелъ къ другому заключенію. Въ декабрѣ 1814 года интриги, направленныя противъ Россіи, созрѣли на столько, что Талейранъ нашелъ возможнымъ предложить Кестельри подписать совмѣстно съ Австріею *«маленькую конвенцію»* съ цѣлью обезпечить права саксонскаго короля. «Конвенція»,—спросилъ англійскій дипломатъ, «то есть вы предлагаете союзъ?» Талейранъ возразилъ, что изъ этого можетъ выйти союзъ, если онъ пожелаетъ этого. На первый разъ 22-го декабря 1814 года (3-го января 1815 года) Меттернихъ, Кестельри и Талейранъ подписали конвенцію, по условіямъ которой Австрія, Англія и Франція обязывались выставить по полутораста тысячъ войска каждая, въ случаѣ войны взаимно условиться насчетъ выбора главнокомандующаго и не иначе заключить миръ, какъ съ общаго согласія. Положено было пригласить къ участію въ союзѣ Баварію, Виртембергъ и Нидерланды.

Тайна враждебной Россіи политики соблюдена была на

столько удачно, что императоръ Александръ ничего не подозрѣвалъ о составившейся противъ него коалиціи и продолжалъ на конгрессѣ бумажную войну съ своими союзниками. Неожиданное происшествіе вдругъ лишило воинственныхъ дипломатовъ подъ собою почвы. 22-го февраля (6-го марта) 1815 года Меттерних получилъ извѣстіе объ отплытіи Наполеона съ острова Эльбы. Старая коалиція немедленно воскресла съ прежнимъ единодушіемъ, и всѣ державы снова возложили свои упованія на Россію, ожидая спасенія Европы отъ великодушія и безкорыстія Александра. 8-го (20-го) марта Наполеонъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, вступилъ въ Тюльерійскій дворецъ, между тѣмъ какъ Людовикъ XVIII находился уже на дорогѣ въ Лиль.

Бѣгство короля совершилось съ такою быстротою, что онъ забылъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ секретный договоръ 3-го января. Наполеонъ не замедлилъ воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ и, надѣясь разстроить собиравшуюся противъ него коалицію, отправилъ съ этимъ важнымъ документомъ оставшагося въ Парижѣ секретаря русской миссіи Бутягина въ Вѣну къ императору Александру. Посланный вручилъ эту безцѣнную бумагу государю, который могъ, наконецъ, наглядно убѣдиться въ двуличіи своихъ союзниковъ. Насталъ моментъ чрезвычайной важности, и русская политика могла вступить на новый, болѣе плодотворный путь. Но ничего подобнаго не случилось, и чувство неподдѣльнаго великодушія восторжествовало во всемъ своемъ величіи; государь не допускалъ и мысли, чтобы, пользуясь общимъ переполохомъ, потребовать себѣ новыхъ уступокъ, въ смыслѣ первоначальныхъ заявленій, сдѣланныхъ со стороны Россіи конгрессу.

Александръ пригласилъ къ себѣ Меттерниха и, показавъ ему полученный изъ Парижа договоръ, сказалъ: «Пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами. Теперь намъ предстоятъ другія дѣла. Наполеонъ возвратился, и поэтому нашъ союзъ долженъ быть крѣпче, нежели когда либо». Съ этими словами государь бросилъ обличавшую Меттерниха бумагу въ пылавшій каминъ.

Послѣдовала декларація восьми державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ, на основаніи которой Наполеонъ-Бонапартъ, какъ врагъ и нарушитель общаго спокойствія, былъ объявленъ стоящимъ внѣ покровительства законовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было изъявлено твердое намѣреніе державъ поддерживать всѣми средствами условія Парижскаго трактата. Декларація сопровождалась заключеніемъ союзнаго договора. Россія, Англія, Австрія и Пруссія обязались каждая выставить по 150,000 человѣкъ и не прежде прекратить военныя дѣйствія, какъ лишивъ Наполеона возможности возмущать спокойствіе Европы; тогда же великія державы пригласили къ участію въ союзѣ всѣ прочія европейскія государства. По особому договору Англія обязалась уплатить Россіи, Австріи и Пруссіи субсидію въ пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; кромѣ того тридцати германскимъ государствамъ, выставившимъ контингенты противъ Франціи, назначено было три съ половиною милліона фунтовъ стерлинговъ.

Вообще противъ Наполеона союзники выставили 800,000 человѣкъ, изъ которыхъ 167,000 было русскихъ подъ начальствомъ фельдмаршала графа Барклая-де-Толли. Но русскія войска по отдаленности своей могли прибыть на театръ военныхъ дѣйствій лишь въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Возстановленіе французской имперіи ускорило развязку спорныхъ вопросовъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года были подписаны трактаты между Россіею, Австріею и Пруссіею, опредѣлившіе судьбу Варшавскаго герцогства; оно было навсегда присоединено къ Россійской имперіи, за исключеніемъ Познани, Бромберга и Торна, отданныхъ Пруссіи, Кракова, объявленнаго вольнымъ городомъ, и соляныхъ копей Велички, возвращенныхъ Австріи вмѣстѣ съ Тарнопольскою областью, которая съ 1809 года принадлежала Россіи. Александръ принялъ титулъ Короля Польскаго и предоставилъ себѣ право даровать этому государству, предназначенному состоять подъ особеннымъ управленіемъ, то «*внутреннее расширеніе*» (extension intérieure), которое признаетъ за благо. Вообще же полякамъ, какъ россійскимъ, такъ и австрійскимъ и прусскимъ подданнымъ, предположено было даровать народное представительство и національныя государственныя учрежденія, согласныя съ образомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ правительствъ будетъ признанъ полезнѣйшимъ и приличнѣйшимъ для него въ кругу его владѣній. Такимъ образомъ императоръ Александръ отстоялъ наконецъ самостоятельность хотя только малой части прежней Польши и обезпечилъ за поляками гарантіи, которыя могли бы надолго служить для всѣхъ поляковъ источникомъ права, признаннаго всею Европою.

Одновременно съ трактатомъ о Варшавскомъ герцогствѣ, уполномоченными Пруссіи и Саксоніи заключенъ былъ трактатъ, по условіямъ котораго король Саксонскій уступилъ Пруссіи почти всю Лузацію и часть Саксоніи. Почти мѣсяцемъ позже былъ подписанъ актъ *Германскаго союза*, а затѣмъ главный актъ Вѣнскаго конгресса.

На основаніи условій конгресса 1815 года, Россія увеличила свою территорію пространствомъ около 2,100 кв. миль съ народонаселеніемъ болѣе чѣмъ въ три милліона человѣкъ. Австрія пріобрѣла 2,300 кв. миль съ десятью милліонами человѣкъ, а Пруссія 2,217 кв. миль съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ пять милліоновъ человѣкъ. Такимъ образомъ Россіи, которая на своихъ плечахъ вынесла всю тяжесть трехлѣтней войны съ Наполеономъ и принесла наибольшія жертвы для торжества европейскихъ интересовъ, получила наименьшее вознагражденіе.

9-го (21-го) мая Государь подписалъ въ Вѣнѣ манифестъ о поднятіи оружія противъ похитителя французскаго престола всѣми державами, хранящими законъ благочестія и правды. Въ томъ же манифестѣ возвѣщалось о присоединеніи къ Россіи обширнѣйшей части бывшаго герцогства Варшавскаго.

Не дождавшись окончанія конгресса, императоръ Александръ выѣхалъ изъ Вѣны и поселился на время въ Гейдельбергѣ, чтобы быть ближе къ Рейну и къ театру предстоявшихъ военныхъ дѣйствій. Здѣсь окончательно окрѣпъ въ Александрѣ тотъ религіозный порывъ въ мистическомъ смыслѣ, который проявился у него въ 1812 году, когда тяжелыя испытанія обрушились на Россію и вселили тревогу въ душѣ его; при такомъ настроеніи государя, усиленномъ вторичнымъ появленіемъ Наполеона на политической аренѣ, у него должна была проявиться воспріимчивость къ внушеніямъ пістистовъ и мистиковъ. Такъ и случилось, и этимъ обстоятельствомъ можетъ быть объяснено только временное сближеніе его съ баронессою Юліаною Крюденеръ; благосклонность, выражаемая при встрѣчѣ съ квакерами, и сочувствіе Библейскому обществу.

Между тѣмъ Наполеонъ открылъ наступательныя дѣйствія противъ англо-прусской арміи и разбилъ Блюхера при Линьѣ. Это извѣстіе вызвало среди союзниковъ сильную тревогу, которая продолжалась не долго. Пораженіе французовъ при Ватерлоо рѣшило участь Наполеона и привело его къ вторичному отреченію отъ престола. Затѣмъ онъ отправился въ Рошфоръ, надѣясь удалиться въ Америку. Теперь Людовику XVIII оставалось только возвратиться въ Парижъ и принять корону изъ рукъ временнаго правительства, что онъ не замедлилъ исполнить съ возможною для него поспѣшностью и подъ покровительствомъ иностранныхъ штыковъ.

Императоръ Александръ вступилъ съ русскими войсками во Францію и двинулся къ Парижу. Въ Сенъ-Дизье онъ опередилъ армію и, проѣхавъ 200 верстъ по мѣстности, не занятой нашими войсками, благополучно достигъ французской столицы 28-го іюня (10-го іюля). Появленіе императора Александра успокоило жителей Парижа; всѣ партіи признали въ немъ своего покровителя и возлагали на него свои надежды. Это было не напрасно: Александръ явился защитникомъ цѣлости Франціи въ виду неумѣренныхъ требованій прочихъ членовъ побѣдоносной коалиціи.

Политическія заботы не помѣшали продолженію гейдельбергскихъ душеспасительныхъ бесѣдъ; результатомъ этого настроенія Александра явился *актъ священнаго союза*, собственноручно имъ начертанный. Король прусскій и австрійскій императоръ подписали этотъ договоръ братскаго христіанскаго союза. Хотя Меттернихъ высказывалъ мнѣніе, что на этотъ договоръ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на безобидную болтовню, но священный союзъ быстро пріобрѣлъ въ рукахъ опытнаго ди-

ломата драгоцѣнное практическое значеніе: явилось средство, поставить священный союзъ во главѣ реакціи въ Европѣ. Эту политику Меттерниху сумѣлъ поддержать съ неподражаемымъ искусствомъ до событій 1848 года.

Послѣ смотра русской арміи, собравшейся въ Вертю въ составѣ 150,000 человѣкъ при 540 орудіяхъ, государь началъ готовиться къ отъѣзду. Положено было для обезпеченія уплаты Франціею контрибуціи въ 700 милліоновъ франковъ и для охраненія спокойствія страны, занять союзными войсками 17 крѣпостей въ сѣверо-восточныхъ департаментахъ. Окончательно второй парижскій миръ подписанъ былъ только 8-го (20-го) ноября, союзные же государи покинули Парижъ, установивъ главныя основанія этого новаго договора съ Франціею.

На обратномъ пути въ Россію, императоръ Александръ остановился въ Берлинѣ, гдѣ состоялась помолвка великаго князя Николая Павловича съ дочерью короля Фридриха-Вильгельма III, принцессою Шарлоттою. Изъ Берлина Александръ направился въ Варшаву. Новый польскій король торжественно вступилъ въ свою столицу, среди польскихъ войскъ, окруженный сановниками королевства. Графу Огинскому, прибывшему въ Варшаву съ депутатами сѣверо-западныхъ губерній, императоръ сказалъ: «Я создалъ это королевство и создалъ его на весьма прочныхъ основаніяхъ, потому что принудилъ европейскія державы обезпечить договорами его существованіе. Сдѣлаю и все остальное, какъ было обѣщано; но это не можетъ быть исполнено разомъ. Необходимо довѣріе. Имѣю право на него послѣ всего, что сдѣлано мною, а мои рѣшенія неизмѣнны».

15-го (27-го) ноября 1815 года императоръ Александръ подписалъ конституціонную хартію вновь созданнаго польскаго королевства; генералъ Заіончекъ назначенъ былъ намѣстникомъ, а польская армія оставалась, по прежнему, вѣренною цесаревичу Константину Павловичу.

Великій князь Константинъ Павловичъ.

2-го (14-го) декабря государь возвратился въ Петербургъ. Но Петербургъ уже не увидѣлъ прежняго Александра. Онъ касался скученъ и порою даже гнѣвенъ; въ отношеніи къ военной дисциплинѣ онъ сдѣлался болѣе взыскательнымъ и строгимъ. Никакими восторгами столица не встрѣтила его; казалось, Россія какъ бы сознавала, что наступило время тихое, но сумрачное.

Многолѣтнія войны вызвали слѣдующее преобразованіе въ высшемъ военномъ управленіи. Образованъ былъ главный штабъ его императорскаго величества, вѣренный генералъ-адъютанту князю Петру Михайловичу *Волконскому*. Военнымъ же министромъ назначенъ былъ генералъ-адъютантъ *Коновницынъ*. Онъ получилъ въ завѣдываніе хозяйственныя части министерства и былъ подчиненъ начальнику главнаго штаба.

Столь богатый событіями 1815-й годъ закончился высылкою всѣхъ іезуитскаго ордена монаховъ изъ Петербурга; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ былъ воспрещенъ въѣздъ въ обѣ столицы. Среди ночи они были снабжены шубами, теплыми сапогами и въ кибиткахъ отправлены въ Полоцкъ, гдѣ находилась іезуитская академія. По этою мѣрою не ограничились принятыя противъ іезуитовъ строгія мѣры. Въ 1820 году повелѣно было выслать іезуитовъ окончательно изъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ упразднена была академія въ Полоцкѣ, равно какъ и всѣ подвѣдомственныя ей училища.

Въ день Рождества Христова обнародованъ былъ актъ священнаго союза, оставшійся до того тайнымъ. Святѣйшій Синодъ повелѣлъ, напечатавъ договоръ священнаго союза, выставить его на стѣнахъ храмовъ или вырѣзать на доскахъ, а также заимствовать изъ него мысли для проповѣдей. Отнынѣ Россія вступила на новый политическій путь; въ дипломатическихъ документахъ, относящихся къ этой эпохѣ, вмѣсто ясно преслѣдуемыхъ политическихъ цѣлей, встрѣчаются уже темныя толкованія о геніѣ зла, побѣжденномъ Провидѣніемъ, о Глаголѣ Всевышняго, о словѣ жизни. Идеаломъ же государственныхъ дѣятелей того времени, стоявшихъ у дѣлъ, сдѣлалась какая-то неопредѣленная теологическо - патріархальная монархія.

IX.

Съ окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ наступаетъ послѣднее десятилѣтіе царствованія императора Александра. Этому періоду присвоиваютъ наименованіе эпохи конгрессовъ и охраненія установленнаго имъ порядка въ Европѣ. Вѣрнѣе и ближе къ истинѣ назвать это послѣднее десятилѣтіе періодомъ реакціи.

Послѣ достиженія цѣли, настойчиво преслѣдуемой въ теченіе многихъ лѣтъ и заключавшейся въ низложеніи Наполеона, императоръ Александръ представляетъ собою уже усталаго мученика совѣсти, колеблющагося между возрастающимъ вліяніемъ Аракчеева и собственными убѣжденіями, усвоенными въ дни молодости. Среди начавшейся съ 1816 года реакціи можно еще въ первое время прослѣдить присутствіе яркихъ проблесковъ юношескихъ увлеченій и мечтаній. Но съ 1820 года замѣчается уже полное исчезновеніе всѣхъ прежнихъ идеаловъ, къ осуществленію которыхъ онъ нѣкогда стремился съ искреннимъ увлеченіемъ. Къ этому душевному настроенію присоединилось еще окончательное утомленіе жизнью, признаки котораго Меттерних подмѣтилъ въ императорѣ Александрѣ уже въ 1822 году во время конгресса въ Веронѣ.

Александръ въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія уже не былъ и не могъ быть Александромъ прежнихъ лѣтъ. Весь запасъ твердой воли его оказался потраченнымъ на борьбу съ Наполеономъ, потребовавшую высшаго напряженія всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ государя, и ничего нѣтъ удивительнаго, что у него проявились крайняя усталость и

душевное утомленіе. Онъ искалъ отнынѣ не смѣлыхъ реформаторовъ, а прежде всего исправныхъ дѣлопроизводителей, бдительныхъ и строгихъ блюстителей внѣшняго порядка. Если прибавить къ этому наслѣдственные инстинкты, окрѣпшіе подъ вліяніемъ жизни и обстоятельствъ, а также вліяніе событій послѣднихъ лѣтъ, вызвавшее въ немъ мистическія идеи, то сдѣлается понятнымъ, что Александръ совершенно отдалился отъ внутреннихъ дѣлъ и передалъ ихъ въ жесткія руки *внѣшняго друга*, графа Аракчеева, который совершенно подходилъ къ тогдашнему настроенію императора. Самъ Аракчеевъ вскорѣ признавался, что онъ имѣетъ на шеѣ всѣ дѣла государства. Дѣйствительно, онъ одинъ былъ докладчикомъ по всѣмъ дѣламъ, не исключая духовныхъ. Всѣ министры, даже государственный совѣтъ, потеряли всякое значеніе, и все дѣлалось, все докладывалось государю однимъ Аракчеевымъ.

Одной изъ главныхъ причинъ, усилившихъ вліяніе Аракчеева было учрежденіе *военныхъ поселеній*, задуманныхъ Александромъ. Первый опытъ подобныхъ учрежденій сдѣланъ былъ еще въ 1810 году, когда поселили батальонъ елецкаго мушкатерскаго полка въ могилевской губерніи, но возгорѣвшаяся вскорѣ война пріостановила исполненіе этого предпріятія. Послѣ заключенія мира Александръ не замедлилъ вернуться къ своей излюбленной мысли и на всѣ, представляемыя ему, возраженія отвѣчалъ: «Я уже справлялся съ несравненно болѣе трудными дѣлами и желаю, чтобы мнѣ повиновались въ этомъ». Первый шагъ въ этомъ злополучномъ дѣлѣ сдѣланъ былъ 3-го (15-го) августа 1816 года, когда послѣдовалъ указъ на имя новгородскаго губернатора о расположеніи 2-го батальона гренадерскаго графа Аракчеева полка въ новгородской губерніи на рѣкѣ Волховѣ, въ высоцкой волости, которая изъята изъ вѣдѣнія земской полиціи и передана батальонному командиру. Въ этомъ указѣ не объяснена была настоящая цѣль правительства, и таинственность этихъ первоначальныхъ мѣропріятій подала первый поводъ къ различнымъ толкамъ и предположеніямъ. Вообще при введеніи военныхъ поселеній мирные жители зачислялись въ водворяемыя войска подъ именемъ *коренныхъ* военныхъ поселянъ съ подчиненіемъ военному начальству, а дѣти мужескаго пола *кантонистами*, которые затѣмъ служили для пополненія поселенныхъ войскъ. Такимъ образомъ два состоянія, между собою различныя, впряжены были въ одно ярмо: хлѣбопашца приневолили взяться за ружье, а воина за соху.

Военныя поселенія быстро стали распространяться, и къ концу царствованія Александра они уже включали треть всей русской арміи. Въ 1825 году отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній, образуя какъ бы особое военное государство подъ управленіемъ графа Аракчеева, состоялъ изъ 90 батальоновъ новгородскаго поселенія и 36 батальоновъ и 249 эскадроновъ слободско-украинскаго (харьковскаго), екатеринославскаго и херсонскаго поселеній. При этомъ замѣчательно, что все дѣло велось келейно, волею императора Александра и трудами графа Аракчеева. Это столь важное мѣропріятіе не только въ военномъ, но и въ обще-государственномъ смыслѣ, затрогивавшее самымъ существеннымъ образомъ интересы значительной части русскаго населенія, не подверглось предварительному обсужденію въ установленномъ для сего законами учрежденіи. Такимъ образомъ, весь этотъ страшный переломъ въ жизни русскаго народа осуществился какъ бы въ тайнѣ, административнымъ порядкомъ. Кромѣ того, никогда не было издано общаго положенія о военныхъ поселеніяхъ. Аракчеевъ неограниченно распоряжался всѣмъ и никому не давалъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ что противники новаго учрежденія затруднялись, какъ вести борьбу съ нимъ.

Аракчеевъ.

«Идея государя»,—пишетъ одинъ изъ современниковъ,—«была ошибочна не только въ политическомъ, но даже въ экономическомъ смыслѣ, такъ какъ сокращеніе расходовъ по продовольствію войска не возмѣщало ущерба, который государство должно было понести вслѣдствіе освобожденія многочисленнаго населенія, поглощеннаго этимъ учрежденіемъ, отъ податныхъ и всѣхъ прочихъ государственныхъ повинностей, и только обманными разсчетами Аракчеева можно было выводить прибыль тамъ, гдѣ въ дѣйствительности явился одинъ лишь убытокъ. Что же касается облегченія воинскихъ тягостей, то въ рукахъ Аракчеева для народа, загнаннаго въ тогдашнюю лямку съ муштрой рекрутскаго устава, такое облегченіе, при которомъ и зимой не было покоя отъ маршировки гусинымъ шагомъ, казалось невыносимой мукой, противъ которой онъ протестовалъ бунтами, усмирявшимися Аракчеевскими экзекуціями, жестокости которыхъ мы, люди того времени, всѣ были свидѣтелями и которыя впослѣдствіи стали извѣстны всему свѣту».

Хотя самъ графъ Аракчеевъ съ восторгомъ доносилъ Александру объ успѣхахъ порученнаго имъ дѣла, торжествуя, что всѣ крестьяне работали *въ военныхъ мундирахъ*, крестьянскія дѣти играли въ военныхъ курткахъ, а государь искренно благодарилъ его за удачи, превосходящія всѣ ожиданія, но народъ роптала и просилъ только одного, чтобъ его избавили отъ обрушившагося на нихъ неожиданнаго благодѣянія. Новгородскіе поселяне посылали депутатовъ въ Петербургъ жаловаться императрицѣ на графа Аракчеева, но, конечно, ихъ схватили во время. Крестьяне не унимались и подавали не разъ жалобы государю, даже добирались до Варшавы, чтобы пасть къ стопамъ цесаревича, наконецъ въ Чугуевѣ въ 1819 году произошелъ бунтъ, усмиренный самимъ Аракчеевымъ кровавыми экзекуціями — но Александръ оставался неумолимъ, и начатое дѣло, представлявшее, по существу своему, новый видъ крѣпостного права, болѣе ужаснаго, чѣмъ существовавшее, развивалось и совершенствовалось.

По странной иронiи судьбы, въ то самое время, когда водворялись въ Россiи военныя поселенiя, правительство отмѣнило личное крѣпостное право въ Прибалтiйскихъ губернiяхъ. Кромѣ того Александръ поручилъ даже графу Аракчееву составить проектъ освобожденiя помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостного состоянiя. Но къ этому благому дѣлу не была приложена и тѣнь той энергiи, которая проявилась при учрежденiи военныхъ поселенiй, и выработанное положенiе безслѣдно исчезло.

X.

Съ 1816 года въ жизни императора Александра войны смѣнились путешествiями и конгрессами.

Тезоименитство свое, проведенное въ Москвѣ, государь припятъ Александромъ и получилъ на печатанiе исторiи 60,000, чинъ статскаго совѣтника и анненскую ленту.

1-го (13-го) iюля 1817 года совершилось бракосочетанiе великаго князя Николая Павловича съ великою княжною Александрою Ѳеодоровною, бывшей прусской принцессой Шарлоттой. Осенью весь дворъ переселился въ Москву, гдѣ 12-го (24-го) октября въ пятую годовщину освобожденiя первопрестольной столицы отъ нашествiя французовъ, послѣдовала торжественная закладка храма во имя Спасителя Христа на Воробьевыхъ горахъ.

Изъ Москвы императоръ Александръ въ началѣ слѣдующаго 1818 года отправился въ Варшаву для открытiя перваго конституцiоннаго сейма созданнаго имъ польскаго королевства; оно послѣдовало 15-го (27-го) марта и ознаменовано

Село Грузино. Видъ дома графа Аракчеева.

ознаменовалъ возвращенiемъ на службу Сперанскаго; онъ былъ назначенъ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а другая жертва обстоятельствъ 1812 года, Магницкiй — воронежскимъ вице-губернаторомъ. Проценiю Сперанскаго способствовалъ всесильный графъ Аракчеевъ; бывшiй государственный секретарь обратился къ его заступничеству, и цѣль была достигнута. Императоръ Александръ *преподалъ ему способъ усердною службою очистить себя съ полной мiрь.* Но Аракчеевъ принялъ мѣры, чтобы не допустить бывшаго любимца въ Петербургъ.

Всемогущество Аракчеева выказалось въ томъ же году и при другомъ случаѣ. Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ восемью томами «Исторiи Государства Россiйскаго». Тщетно историографъ ожидалъ счастiя быть принятымъ государемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшенiя участи своего безсмертнаго труда. Пришлось наконецъ Карамзину шествовать по неизбѣжному для всѣхъ дѣятелей того времени тернистому пути: явиться къ графу Аракчееву. Благодѣтельныя послѣдствiя вынужденнаго посѣщенiя не заставили себя ждать. Карамзинъ былъ было рѣчью государя, которая произвела сильное впечатлѣнiе на всѣхъ современниковъ этого достопамятнаго событiя и вызвала разнообразные толки.

Въ этой знаменитой исторической рѣчи Александръ между прочимъ говорилъ полякамъ: «Организацiя, существовавшая въ вашемъ краѣ, дозволила мнѣ ввести немедленно ту, которую я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законосвободныхъ учрежденiй, бывшихъ постоянно предметомъ моихъ помышленiй. — Послѣдствiя вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собранiи покажутъ мнѣ, чего отечество должно впредь ожидать отъ вашей преданности къ нему и привязанности ко мнѣ, могу ли, не измѣняя моимъ намѣренiямъ, распространить то, что уже мною для васъ совершено».

Съ удивленiемъ услышала Европа такiя просвѣтительныя заявленiя изъ устъ русскаго самодержца, который шли совершенно въ разрѣзъ съ тѣми началами, которыя старался привить къ европейской жизни Меттернихъ. Закрывъ сеймъ спустя мѣсяцъ и благодаря его за свободное и достойное пользованiе дарованной свободой, Александръ повторилъ объ-

шаніе «исполнить свои намѣренія, которыми онъ дорожилъ».

Обѣщаніямъ Александра относительно Польши не было суждено осуществиться. Императоръ хотѣлъ возстановить польское королевство въ его прежнихъ границахъ, конечно только съ восточной стороны. Однако предположеніе о возстановленіи древняго польскаго королевства присоединеніемъ къ нему областей, вошедшихъ уже въ составъ Россіи, было только отложено въ виду несочувствія, высказаннаго къ нему въ Россіи людьми самыхъ противоположныхъ политическихъ убѣжденій. Записка Карамзина, озаглавленная «Мнѣніемъ русскаго гражданина», нисколько не поколебала однако убѣжденій императора Александра по этому вопросу; онъ только отложилъ свои намѣренія и, при послѣднемъ посѣщеніи имъ Варшавы въ 1825 году, прямо указывалъ въ разговорахъ съ лицами какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства, что онъ намѣренъ присоединить къ Польшѣ западныя губерніи Имперіи.

Такъ разсуждалъ императоръ Александръ еще въ 1819 году. Но въ слѣдующемъ 1820 году въ его воззрѣніяхъ совершился окончательный переломъ; идеи Меттерниха восторжествовали, и Александръ отвернулся и прервалъ даже переписку съ другомъ и учителемъ своей юности Лагарпомъ. Такую же участь испыталъ другой страстный почитатель Александра, идеалистъ Парротъ, съ которымъ онъ прервалъ всякія сношенія уже съ 1814 года.

Изъ Варшавы императоръ Александръ предпринялъ обширное путешествіе по южнымъ областямъ Россіи. Въ Бессарабіи онъ получилъ извѣстіе о рожденіи въ Москвѣ 17-го (29-го) апрѣля 1818 года великаго князя Александра Николаевича. Это былъ будущій Царь-Освободитель.

Осенью государь отправился на конгрессъ, собравшійся въ *Аахенѣ*. Здѣсь заключена была конвенція о выводѣ изъ Франціи союзныхъ войскъ и сдачѣ французскому правительству всѣхъ крѣпостей, занятыхъ союзниками. Такимъ образомъ, Франція выходила изъ подъ опеки, въ которой содержали ее европейскія державы съ 1815 года. Предъ закрытіемъ конгресса, Австрія, Пруссія, Россія, Англія и Франція постановили въ протоколѣ и въ особой декларации намѣренія и правила своей будущей политики; правила были согласованы съ духомъ священнаго союза, придавая ему, однако, болѣе опредѣленную цѣль, а именно: поддерживать существующій порядокъ и спасать народы отъ ихъ собственныхъ увлеченій. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, по мѣрѣ надобности, устанавливать съѣзды государей, либо ихъ министровъ и уполномоченныхъ, для разсужденія сообща о мѣрахъ, могущихъ содѣйствовать къ поддержанію и утвержденію системы, которая, даровавъ Европѣ миръ, одна лишь можетъ обезпечить его продолженіе.

Новая политическая система, установившаяся въ Европѣ, привела не къ миру и къ успокоенію, но къ обратному результату. Съ 1819 года рядъ событій омрачилъ политическій горизонтъ Европы: убійство Коцебу студентомъ Зандомъ, волненія въ Испаніи, въ Неаполѣ и въ Сѣверной Италіи, убійство герцога Беррійскаго, придали новую силу реакціоннымъ стремленіямъ, проводимымъ Меттернихомъ. За Карлсбадскими конференціями послѣдовали вѣнскія конференціи, и, наконецъ, признано было необходимымъ созвать новый конгрессъ, мѣстомъ засѣданія котораго избранъ *Троппау*.

Отправляясь на конгрессъ, Александръ остановился въ Варшавѣ, гдѣ открылъ 1-го (13-го) сентября 1820 года второй польскій сеймъ. Рѣчь, произнесенная тогда императоромъ Александромъ, имѣла увѣщательный характеръ, и рѣзко отличалась отъ знаменитой рѣчи 1818 года; въ ней упоминалось уже о могущей встрѣтиться необходимости прибѣгнуть къ насильственнымъ средствамъ, чтобы истребить сѣмена разстройства, коль скоро они окажутся. «Духъ зла»,—сказалъ Александръ,—«покушается водворить снова свое бѣдственное владычество; онъ уже паритъ надъ частію Европы, уже накопляетъ злодѣянія и пагубныя событія». Затѣмъ императоръ Александръ закрылъ сеймъ другою не менѣе строгою рѣчью, которая разнеслась по Европѣ и огласила размолвку государя съ Польшею, къ немалому удовольствію недоброжелателей Россіи.

Графъ Каподистріа.

Такимъ образомъ императоръ Александръ прибылъ въ Троппау, уже сильно разочарованный въ своихъ либеральныхъ стремленіяхъ; почва была вполнѣ подготовлена для полнаго торжества политическихъ цѣлей, настойчиво преслѣдуемыхъ Меттернихомъ, — а именно, придать священному союзу направленіе, выгодное единственно австрійскимъ интересамъ, какъ ихъ понималъ тогда канцлеръ императора Франца. Въ Троппау явились также австрійскій императоръ и король прусскій; остальныя державы прислали своихъ представителей. Изъ русскихъ дипломатовъ, государя сопровождали графы Нессельроде и Каподистріа.

Меттерниху не замедлило убѣдиться, что императоръ Александръ сталъ гораздо разсудительнѣе, чѣмъ былъ въ 1813 г. Государь ему сказалъ: «Вы не понимаете, почему я теперь не тотъ, что прежде; я вамъ это объясню. Между 1813 годомъ и 1820 протекло семь лѣтъ, и эти семь лѣтъ кажутся мнѣ вѣкомъ. Въ 1820 году я ни за что не сдѣлаю того, что совершилъ въ 1813. Не вы измѣнились, а я. Вамъ раскаиваться не въ чемъ; не могу сказать того же про себя».

Вскорѣ одно происшествіе, случившееся въ Петербургѣ, во время отсутствія государя, оказало огромное содѣйствіе Меттерниху въ его ретроградныхъ политическихъ комбинаціяхъ. Въ ночь съ 16-го на 17-е октября начались безпорядки въ л.-гв. семеновскомъ полку, окончившіеся тѣмъ, что черезъ день весь полкъ очутился въ Петропавловской крѣпости. Въ донесеніи командовавшаго гвардейскимъ корпусомъ, генералъ-адъютанта Васильчикова, было сказано, что единственною причиною происшествія въ семеновскомъ полку—командиръ его, полковникъ Шварцъ: нижніе чины были выведены изъ терпѣнія неблагоразумнымъ и неосторожнымъ поведеніемъ его съ ними. Шварцъ былъ ставленникъ графа Аракчеева.

2-го ноября 1820 года императоръ Александръ подписалъ въ Троппау приказъ по Россійской арміи, которымъ повелѣно было «всѣхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка распредѣлить по разнымъ полкамъ арміи, дабы они, раскаясь въ своемъ преступленіи, потщились продолженіемъ усердной службы загладить оное. Виновнѣйшіе же и подавшіе пагубный примѣръ прочимъ, преданные уже военному суду, получатъ должное наказаніе по всей строгости законовъ». Офицеры были переведены въ армію.

Императоръ Александръ полагалъ, что радикалы подготовили семеновское происшествіе, съ цѣлью застращать его и принудить вернуться въ Петербургъ. Между тѣмъ дѣла на конгрессѣ затягивались; продолжали, какъ писалъ тогда императоръ Александръ, «изыскивать цѣлебное средство противъ господства зла, распространяющагося съ быстротою и пользующагося всѣми тайными средствами, къ которымъ прибѣгаетъ сатанинскій духъ, имъ управляющій». Эти изысканія привели къ тому, что уполномоченные Россіи, Австріи и Пруссіи подписали протоколъ, въ которомъ союзныя державы взаимно обязывались не допускать въ другихъ государствахъ перемѣнъ, совершенныхъ незаконнымъ путемъ. Такимъ образомъ, въ Троппау священный союзъ выступилъ изъ сферы туманнаго мистицизма на практическую почву и получилъ ту окраску, которую сумѣлъ придать ему Меттернихъ. Въ виду же волненій

продолжавшихся въ Италіи, рѣшено было перенести конгрессъ въ *Лайбахъ*.

Здѣсь получено было извѣстіе о революціи, вспыхнувшей въ Пьемонтѣ. Тогда Александръ предоставилъ свои войска въ распоряженіе императора Франца и повелѣлъ сто-тысячной русской арміи явиться на помощь союзнику въ Италіи. Главнокомандующимъ этой арміи предполагалось назначить генерала Ермолова, который былъ вызванъ въ Лайбахъ. Но къ счастію австрійцы управились одни и обошлись безъ русской помощи.

Не успѣлъ Меттерних окончательно побороть политическія затрудненія, вызванныя итальянскимъ революціоннымъ движеніемъ, какъ въ Лайбахъ пришло извѣстіе о греческомъ возстаніи и повсемѣстномъ избіеніи христіанъ. Хотя событія на Балканскомъ полуостровѣ не имѣли ничего общаго съ броженіемъ умовъ въ Западной Европѣ, Меттерниху все-таки удалось убѣдить императора Александра, что греческое возстаніе есть явленіе, тождественное съ революціонными движеніями, и произведено по общему революціонному плану, чтобы повредить союзу и его охранительнымъ стремленіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ австрійскому канцлеру представился прекрасный случай окончательно поколебать довѣріе государя къ Каподистріи.

24-го мая (5-го іюня) 1821 года императоръ Александръ возвратился въ Царское Село послѣ отсутствія изъ Россіи, продолжавшагося почти годъ.

Обстоятельства, среди которыхъ состоялось, наконецъ, давно ожидавшееся возвращеніе государя въ отечество, были далеко не радостныя. Съ одной стороны греческій вопросъ грозилъ втянуть Россію въ войну съ Турціею, которая между тѣмъ шла бы въ разрѣзъ съ политикой, усвоенной Александромъ на недавнихъ конгрессахъ, и съ принятыми имъ на себя тамъ обязательствами. Съ другой стороны государю предстояло узнать подробности политическаго броженія, начинавшаго распространяться въ Россіи. Первыя свѣдѣнія объ этомъ внутреннемъ броженіи доложены были генералъ-адъютантомъ Васильчиковымъ, который также представилъ списокъ лицъ, причастныхъ этому движенію.

Княгиня Ловичъ.

По восточнымъ усложненіямъ, вызваннымъ греческимъ возстаніемъ, также ничего не было сдѣлано. Императоръ Александръ не согласился приступить къ принудительнымъ мѣрамъ противъ Оттоманской Порты, но уволилъ графа Каподистріа и, принявъ посредничество Австріи и Англіи въ восточныхъ дѣлахъ, рѣшился отправиться на новый конгрессъ, состоявшійся въ 1822 году въ *Веронѣ*. Но дипломатическія старанія союзниковъ не привели къ умиротворенію Востока и только оттянули кровавый поединокъ между Россіею и Портою.

Съ 1823 года послѣдовали большія перемѣны въ личномъ составѣ высшей администраціи: генералъ-адъютантъ *баронъ Дибичъ* замѣнилъ *князя Волконскаго*, въ должности начальника главнаго штаба, а генералъ *Канкрина* назначенъ былъ министромъ финансовъ вмѣсто *графа Гурьева*. Образованное въ 1817 году министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, ввѣренное князю Александру Николаевичу Голицыну, прекратило въ 1824 году свое существованіе. Оно не пользовалось особеннымъ сочувствіемъ современниковъ, и Карамзинъ, не сочувствовавшій, какъ онъ выражался, «мистической вздорологіи», называлъ его даже *министерствомъ затменія*. Начались просвѣтительныя подвиги *Магницкаго*. Бывшій вольнодумецъ, другъ Сперанскаго, нашелъ для себя выгоднымъ преобразиться, сталъ ханжей и до того овладѣлъ слабохарактернымъ княземъ Голицынымъ, влѣзшемъ по уши въ мистицизмъ, что распоряжался въ министерствѣ по-диктаторски. Онъ собственно занималъ мѣсто попечителя казанскаго учебнаго округа, но, числясь членомъ главнаго правленія училищъ, почти постоянно жилъ въ Петербургѣ и руководилъ всѣмъ, что дѣлалось въ министерствѣ, желая основать народное воспитаніе на благочестіи согласно съ актомъ священнаго союза. По стопамъ Магницкаго шелъ исправляющій должность попечителя петербургскаго округа *Дмитрій Павловичъ Руничъ*. Онъ разгромилъ петербургскій университетъ, удаливъ четырехъ лучшихъ профессоровъ: *Галича*, *Германа*, *Раупаха* и *Арсеньева*.

Но, вдругъ, нашелся человѣкъ, который призналъ дѣятелей министерства затменія недостаточно отсталыми и фанатичными. Это былъ архимандритъ *Фотій*. Магницкій немедленно перешелъ на его сторону. Въ союзѣ съ митрополитомъ Серафимомъ и графомъ Аракчеевымъ они добились увольненія князя Голицына, назначеннаго главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ. Изъ департамента духовныхъ дѣлъ были изъяты дѣла православнаго исповѣданія и возвращены въ Синодъ, а президенство Россійскаго Библейскаго Общества вѣрено митрополиту Серафиму. Адмиралъ *Шишковъ* назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Реакціонное направленіе еще болѣе усилилось въ дѣлѣ просвѣщенія, а цензура стала еще строже.

Нѣсколько ранѣе, подъ вліяніемъ того же Фотія, повелѣно было закрыть всѣ масонскія ложи, которыя онъ громилъ, какъ вертепы нечестія, вредные для церкви и государства.

Что же касается Сперанскаго, то онъ побывалъ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, назначенъ былъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ и возвратился наконецъ въ Петербургъ въ 1821 году, послѣ девятилѣтняго отсутствія. Императоръ Александръ назначилъ его тогда членомъ Государственнаго Совѣта, по департаменту законовъ.

XI.

Послѣ событій 1815 года юношескія намѣренія государя отказаться отъ престола и сдѣлаться частнымъ человѣкомъ снова овладѣли его помыслами. Непосредственнымъ послѣдствіемъ подобныхъ вновь воскресшихъ стремленій явилась откровенная бесѣда императора Александра съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, касавшаяся престолонаслѣдія.

Бесѣда эта произошла лѣтомъ 1819 года въ Красномъ Селѣ. Государь объявилъ своему брату, что онъ смотритъ на него, какъ на своего наслѣдника, и что это должно случиться еще при его жизни. Затѣмъ Александръ пояснилъ великому князю, что Цесаревичъ Константинъ Павловичъ намѣренъ отказаться отъ своихъ правъ на престолъ съ тѣмъ, чтобы передать ихъ младшему брату.

Въ 1820 году послѣдовало расторженіе брака цесаревича Константина Павловича съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною. Въ томъ же году цесаревичъ обвѣнчался въ Варшавѣ съ графинею *Іоанною Грудзинскою*, которой пожалованъ былъ титулъ *княгини Ловичъ*. Черезъ два года цесаревичъ Константинъ Павловичъ, во время пребыванія въ Петербургѣ, положилъ официальную основу своему намѣренію отказаться отъ престола, обратившись по этому поводу 14-го (26-го) января 1822 года письменно къ императору Александру. 2-го (14-го) февраля государь отвѣчалъ цесаревичу: «Намъ обоимъ остается, уваживъ причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы Онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній».

На этомъ пока дѣло остановилось. Только въ 1823 году Александръ пожелалъ облечь силою закона семейное распоряженіе, условленное имъ съ цесаревичемъ. Составленіе манифеста о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя

Николая Павловича было поручено московскому архіепископу Филарету, находившемуся въ то время въ Петербургѣ. Во время пребыванія императора Александра въ Москвѣ въ 1823 году, государь прислалъ Филарету манифестъ, подписанный въ Царскомъ Селѣ 16-го августа, въ запечатанномъ конвертѣ съ собственноручною его величества надписью: «Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго дѣйствія». 29-го августа Филаретъ исполнилъ порученіе государя. Нѣсколько позже списки съ секретнаго манифеста были посланы въ Государственный Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ. На конвертѣ, который находился въ государственномъ совѣтѣ, государь собственноручно написалъ: «Хранить въ государственномъ совѣтѣ до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины, раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи». Въ такомъ же родѣ составлены были надписи на пакетахъ, предназначенныхъ для Синода и Сената. Въ городѣ заговорили о загадочныхъ конвертахъ; но черезъ нѣсколько времени о нихъ позабыли. Тайна была сохранена во всей цѣлости, и о существованіи акта относительно престолонаслѣдія въ Россіи знали только три лица: архіепископъ *Филаретъ*, графъ *Аракчеевъ* и князь *А. Н. Голицынъ*.

Князь А. Н. Голицынъ.

Что же касается великаго князя Николая Павловича, то онъ наравнѣ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ ничего не услышалъ о послѣднихъ распоряженіяхъ императора Александра; государь почему-то призналъ совершенно излишнимъ посвятить двухъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ въ тайну подписаннаго имъ важнаго манифеста.

Столь тщательно обставленная тайна была, однако, довѣрена Александромъ еще одному лицу: это былъ принцъ прусскій Вильгельмъ, братъ великой княгини Александры Ѳеодоровны.

Великій князь Николай Павловичъ, и послѣ составленія секретнаго манифеста, попрежнему оставался въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ, занимаясь только ввѣреннымъ ему инженернымъ корпусомъ (по званію генералъ-инспектора по инженерной части) и командуя гвардейскою пѣхотною бригадою. Только въ началѣ 1825 года Николай Павловичъ удостоился нѣкотораго служебнаго повышенія, будучи назначенъ начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Исходъ 1824 года ознаменовался рядомъ происшествій, послужившихъ какъ бы предвѣстникомъ потрясающихъ событій слѣдующаго вѣчно памятнаго 1825 года.

7-го (19-го) ноября 1824 года произошло въ Петербургѣ страшное наводненіе, напоминавшее собою, но въ болѣе ужасающей степени, наводненіе, случившееся при Екатеринѣ II, въ годъ рожденія императора Александра, въ 1777 году. Душевныя тревоги государя усилились еще печальнымъ состояніемъ здоровья императрицы Елисаветы Алексѣевны. Сверхъ сего, Александръ получалъ свѣдѣнія относительно все большаго

Наводненіе въ Петербургѣ 7-го ноября 1824 года.

распространенія среди арміи тайныхъ обществъ; подъ вліяніемъ такой не радостной обстановки государь сдѣлался еще мрачнѣе обыкновеннаго и обнаруживалъ еще большую склонность къ уединенію.

Весною 1825 года императоръ Александръ посѣтилъ въ послѣдній разъ Варшаву для открытія 1-го (13-го) мая третьяго польскаго сейма. Къ этому времени изданъ былъ дополнительный актъ къ конституціонной хартіи королевства польскаго, постановлявшій, что публичныя засѣданія сейма будутъ происходить только при закрытіи и открытіи сейма, или же въ особыхъ торжественныхъ случаяхъ; обыкновенныя же засѣданія будутъ имѣть мѣсто при закрытыхъ дверяхъ.

По возвращеніи въ Петербургъ состояніе здоровья императрицы Елисаветы заставило признать необходимость пребыванія ея въ южномъ климатѣ. Для этой цѣли избранъ былъ Таганрогъ; государь объявилъ, что онъ отправится туда же и возвратится въ столицу къ новому 1826 году.

1-го (13-го) сентября императоръ Александръ разстался съ Петербургомъ и направился въ Таганрогъ, а 3-го (15-го) сентября за нимъ послѣдовала императрица Елисавета Алексѣевна.

Кончина Императора Александра I. По соврем. рисунку.

Передъ отъѣздомъ, Александръ, бесѣдуя не разъ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, не коснулся ни единымъ словомъ вопроса о престолонаслѣдіи и предположеній, высказанныхъ имъ брату въ Красномъ Селѣ въ 1819 году. Точно также государь оставилъ великаго князя въ полномъ невѣдѣніи относительно сдѣланныхъ въ послѣднее время раскрытій по тайнымъ обществамъ. А между тѣмъ государь нѣсколькими недѣлями ранѣе принималъ и выслушалъ донесеніе по этимъ дѣламъ отъ унтеръ-офицера 3-го украинскаго уланскаго полка *Шерауда*. И въ эту тайну посвященъ былъ также одинъ графъ Аракчеевъ.

Роковой случай вскорѣ сильно затормозилъ работу административной машины. 10-го (22-го) сентября дворовые люди убили въ Грузинѣ домоправительницу Аракчеева, Настасью Минкину. Это происшествіе настолько огорчило графа, что онъ самовольно передалъ въ такое тревожное время командованіе поселенными войсками—генералу *Эйлеру*, а ввѣренныя ему гражданскія дѣла — статсъ-секретарю *Муравьеву*. Въ предписаніяхъ этимъ двумъ лицамъ Аракчеевъ оправдывалъ такое распоряженіе тѣмъ, что, по случившемуся съ нимъ несчастію и тяжкому разстройству здоровья, онъ *никакого соображенія* не можетъ дѣлать по дѣламъ, ему ввѣреннымъ.

Императоръ Александръ воспользовался пребываніемъ въ Таганрогѣ, чтобы совершить путешествіе въ Новочеркаскъ, а затѣмъ въ Крымъ. Здѣсь государь, во время поѣздки въ Георгіевскій монастырь, простудился и 5-го (17-го) ноября возвратился къ Таганрогъ совершенно больной. Съ каждымъ днемъ положеніе императора Александра ухудшалось и вскорѣ сдѣлалось безнадежнымъ. 19-го ноября (1-го декабря) въ 10 часовъ 50 минутъ монархъ отошелъ въ вѣчность.

Въ этотъ день совершилось великое для Россіи несчастіе: лучшаго изъ государей Европы не стало. Когда онъ скрылся съ политическаго поприща, одно только прекрасное изъ его жизни выступило на первый планъ; все прочее было предано забвенію. Дѣйствительно, было о чемъ горевать, въ особенности, въ виду неизвѣстнаго будущаго, ожидаемаго Россіею.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

I.

Независимо отъ горя, обрушившагося на Россію въ день 19-го ноября 1825 г., для лицъ, окружавшихъ смертный одръ Александра I, наступилъ еще особенный, ими одними пережитый, истинно трагическій моментъ. Вдали отъ столицы и всѣхъ членовъ царской семьи, въ уединенномъ городѣ русскаго царства, удаленномъ на 2000 верстъ отъ центра государственнаго управленія, предъ ними возсталъ грозный вопросъ: кто же будетъ теперь императоромъ, кому слѣдуетъ принести присягу, и отъ кого ожидать впредь приказаній? И эти вопросы, къ тому же, приходилось задавать себѣ среди повсемѣстнаго броженія! Александръ не открылъ никому своего царственнаго завѣта и даже въ виду извѣстной ему неминуемой кончины не счелъ нужнымъ затронуть ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ этотъ животрепещущій для благополучія Россіи вопросъ. Напротивъ того, въ послѣдніе дни своей жизни императоръ Александръ какъ бы сознательно отстранилъ себя отъ всѣхъ земныхъ дѣлъ и умиралъ, какъ частный человѣкъ, покончившій свои разсчеты съ міромъ. Довольствуясь сдѣланнымъ ранѣе втайнѣ распоряженіемъ, онъ не указалъ на избраннаго преемника и мысленно какъ бы остановился на словахъ, сказанныхъ нѣкогда царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ: «Всѣмъ міромъ управляетъ Господь, да будетъ Его святая воля».

По роковому стеченію обстоятельствъ, никто изъ лицъ, знавшихъ о существованіи акта, назначавшаго великаго князя Николая Павловича наслѣдникомъ престола, не находился въ Таганрогѣ. Изъ находившихся же при императорѣ трехъ довѣренныхъ лицъ, генералъ-адъютантовъ князя Волконскаго, барона Дибича и Чернышева, ни одинъ не зналъ, что права старшаго брата въ наслѣдованіи престола перешесены на Николая Павловича. Императрица Елисавета Алексѣевна также ничего не знала о совершившемся отреченіи цесаревича и совѣтовала обратиться къ Константину Павловичу.

При такомъ положеніи дѣла генералъ-адъютанту Дибичу оставалось только донести о печальномъ событіи въ Варшаву цесаревичу Константину Павловичу, какъ лицу, которое, по закону о престолонаслѣдіи, становилось императоромъ Всероссійскимъ.

Тогда же Дибичъ написалъ письмо императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ которомъ въ заключеніи сказано: «Съ покорностію ожидаю повелѣній отъ новаго нашего законнаго государя императора Константина Павловича».

Послѣдствія, которыми сопровождались въ Варшавѣ и въ Петербургѣ донесенія Дибича о событіяхъ въ Таганрогѣ, были діаметрально противоположны между собою.

Въ Варшавѣ извѣстіе о кончинѣ императора Александра получено было вечеромъ 25-го ноября (7-го декабря). Константинъ Павловичъ, не колеблясь ни одной минуты, остался вѣренъ своимъ прежнимъ рѣшеніямъ и принятымъ на себя обязательствамъ; въ письмахъ на имя императрицы Маріи Ѳеодоровны и великаго князя Николая Павловича, цесаревичъ немедленно подтвердилъ свое отреченіе, на основаніи одного только письма своего 1822 года, утвержденнаго императоромъ Александромъ. Что же касается до существованія государственнаго акта отъ 16-го августа 1823 года, равно какъ и о пакетахъ, разосланныхъ по разнымъ мѣстамъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Бумаги, въ которыхъ цесаревичъ изложилъ свою непремѣнную волю, отправлены были въ Петербургъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, находившимся въ то время въ Варшавѣ.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ событія сложились совершенно иначе, чѣмъ цесаревичъ имѣлъ полное основаніе предполагать. Извѣстіе о кончинѣ императора Александра получено было въ Петербургѣ 27-го ноября (9-го декабря), во время молебствія за здравіе государя въ Зимнемъ дворцѣ. Великій князь Николай Павловичъ тотчасъ присягнулъ императору Константину и подписалъ присяжный листъ, а затѣмъ повелѣлъ привести къ присягѣ всѣ полки и команды.

Хотя, пока все это происходило, и приступлено было въ чрезвычайномъ засѣданіи государственнаго совѣта къ вскрытію пакета, содержащаго послѣднюю волю императора Александра, но члены совѣты должны были, послѣ долгихъ преній, все-таки признать значеніе совершившагося, помимо ихъ воли, факта. Поэтому они также присягнули императору Константину. То же самое сдѣлалъ Сенатъ, который сверхъ сего разослалъ по Россіи указъ о приведеніи всѣхъ званій къ присягѣ на вѣрность подданства императору Константину.

Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ: Константинъ Павловичъ повсемѣстно провозглашенъ былъ императоромъ, безъ всякихъ замѣшательствъ. Но кто же могъ поручиться въ томъ, что цесаревичъ приметъ престолъ и откажется отъ рѣшенія, принятаго въ 1822 году? Возможность второй присяги становилась вѣроятною, а съ нею открывалась дверь всякимъ недоразумѣніямъ. Если бы въ Петербургѣ послѣдовали примѣру лицъ, окружавшихъ въ Таганрогѣ смертный одръ Александра, и ждали также повелѣній отъ новаго государя, не предрѣшая, могущихъ послѣдовать съ его стороны, распоряженій самопроизвольною присягою, и ограничиваясь однимъ представленіемъ цесаревичу вскрытаго въ государственномъ совѣтѣ пакета съ послѣднею волею императора Александра, то, можетъ-быть, многія неизбѣжныя затрудненія были бы отстранены. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что присяга не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за императорскимъ подписаніемъ, а это обстоятельство было, повидимому, совершенно упущено изъ виду въ Петербургѣ, въ день 27-го ноября.

Въ то время, когда по всей Россіи совершалась присяга императору, который твердо рѣшился не принимать престола, цесаревичъ, исполнивъ какъ слѣдовало свой долгъ, спокойно ожидалъ повелѣній преемника императора Александра. Легко себѣ представить удивленіе, гнѣвъ и огорченіе Константина Павловича, когда онъ получилъ донесеніе, что вся Россія присягаетъ ему, какъ законному государю, и что воля почившаго императора не исполнена и оставлена безъ вниманія!

Цесаревичъ немедленно отвѣтилъ великому князю Николаю Павловичу, что принятое имъ рѣшеніе непоколебимо, и что онъ не только не пріѣдетъ въ Петербургъ, но удалится еще далѣе, если все не устроится согласно волѣ покойнаго императора. Въ такомъ смыслѣ цесаревичъ писалъ и императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Кромѣ того, цесаревичъ послалъ еще въ Петербургъ, предсѣдателю государственнаго совѣта, князю Лопухину нѣчто въ родѣ письменнаго выговора за принесенную незаконную присягу, противную волѣ покойнаго государя.

Между тѣмъ положеніе великаго князя Николая Павловича сдѣлалось крайне затруднительнымъ. Наступило тяжелое время междуцарствія. Былъ государь названный, но не было дѣйствительнаго, и никто не зналъ, кто имъ будетъ. Послѣдовавшій 3-го (15-го) декабря пріѣздъ великаго князя Михаила Павловича въ Петербургъ не могъ поправить дѣла и вывести Николая Павловича изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ поставилъ себя присягою 27-го ноября. Одно личное появленіе цесаревича въ Петербургѣ могло бы дать всему благопріятный оборотъ, но на это было мало надежды, или, лучше сказать, на это даже вовсе нельзя было разсчитывать. Тѣмъ не менѣе рѣшено было снова просить у цесаревича, по крайней мѣрѣ, новаго письменнаго акта, который опредѣлилъ бы окончательно спорный вопросъ, кому царствовать. Что же касается великаго князя Михаила Павловича, то уклоненіе его отъ присяги всѣми признанному императору усиливало всеобщее недоумѣніе и возбуждало нескончаемые толки. Поэтому признано было полезнымъ отправить его вновь въ Варшаву, и вмѣстѣ съ тѣмъ императрица Марія Ѳеодоровна дала ему письменное разрѣшеніе распечатывать у встрѣчныхъ курьеровъ всѣ письма, пакеты и прочее, адресованные на ея имя отъ «государя императора Константина Павловича».

Благодаря этому разрѣшенію, великій князь Михаилъ Павловичъ ознакомился на станціи Перналлѣ съ письмомъ цесаревича къ императрицѣ-матери, отправленнымъ Константиномъ Павловичемъ изъ Варшавы. Тогда Михаилъ Павловичъ рѣшился остановиться въ Перналлѣ и ожидать здѣсь дальнѣйшихъ повелѣній изъ Петербурга, «ибо, былъ только въ 260 верстахъ, если я нуженъ въ Петербургѣ, я сейчасъ могу вернуться, если нѣтъ, то я могу продолжать дорогу въ Варшаву». Такъ писалъ Михаилъ Павловичъ великому князю Николаю Павловичу.

Ко всѣмъ затрудненіямъ не замедлило присоединиться новое осложненіе. 12-го (24-го) декабря явился къ Николаю Павловичу полковникъ баронъ Фредериксъ изъ Таганрога съ *самонужнѣйшимъ докладомъ* отъ генералъ-адъютанта Дибича на имя государя, но съ приказаніемъ, если его величества не будетъ въ Петербургѣ, вручить пакетъ великому князю Николаю Павловичу.

Прочитавъ докладъ, великій князь впервые узналъ о существованіи тайныхъ обществъ, намѣревавшихся подорвать въ корнѣ спокойствіе имперіи, существованіе которыхъ тщательно скрыто было отъ него императоромъ Александромъ. Въ тотъ же день Николай Павловичъ получилъ отвѣтное письмо изъ Варшавы, которое окончательно рѣшило его участь; но въ новомъ актѣ, въ дополненіе къ отреченію 1822 года, цесаревичъ рѣшительно отказалъ. Пришлось составлять манифестъ о воцареніи на основаніи прежнихъ документовъ; работа эта была поручена Сперанскому. Манифестъ былъ подписанъ Николаемъ Павловичемъ 13-го (25-го) декабря, но помѣченъ 12-мъ числомъ, какъ тѣмъ днемъ, въ который вопросъ о вступленіи его на престолъ окончательно рѣшился отвѣтомъ цесаревича. Приведеніе къ присягѣ рѣшено было произвести 14-го декабря. Великому князю Михаилу Павловичу послано было еще 12-го декабря повелѣніе немедленно возвратиться въ Петербургъ. Относительно тайныхъ обществъ не было принято никакихъ предупредительныхъ мѣръ. Николай Павловичъ не желалъ, чтобы присягѣ предшествовали аресты. Для подобныхъ мѣропріятій правительство свободно располагало двумя днями, 12-мъ, и 13-мъ декабремъ, но въ этомъ смыслѣ ничего не было сдѣлано.

Члены тайнаго общества не оставались, однако, въ бездѣйствіи; они рѣшились воспользоваться концомъ междуцарствія и предстоявшею новой присягой, чтобы вызвать въ войскахъ смуту. Таинственность, въ которую были облечены переговоры съ Варшавою, подала поводъ къ разнымъ толкамъ и предположеніямъ, къ распространенію ложныхъ слуховъ, возбуждавшихъ тревогу и въ обществѣ, и, въ особенности, въ казармахъ; все это благопріятствовало начинаніямъ и замысламъ заговорщиковъ.

Наступило 14-е (25-е) декабря 1825 года.

Введенные въ обманъ нижніе чины нѣкоторыхъ частей гвардейскаго корпуса отказались отъ присяги императору Николаю Павловичу и собрались у памятника Петра Великаго, передъ зданіемъ Сената, являясь какъ бы защитниками законныхъ правъ на престолъ цесаревича Константина Павловича.

Мятежники упорствовали долго и не уступали увѣщаніямъ;

Императоръ Николай I.

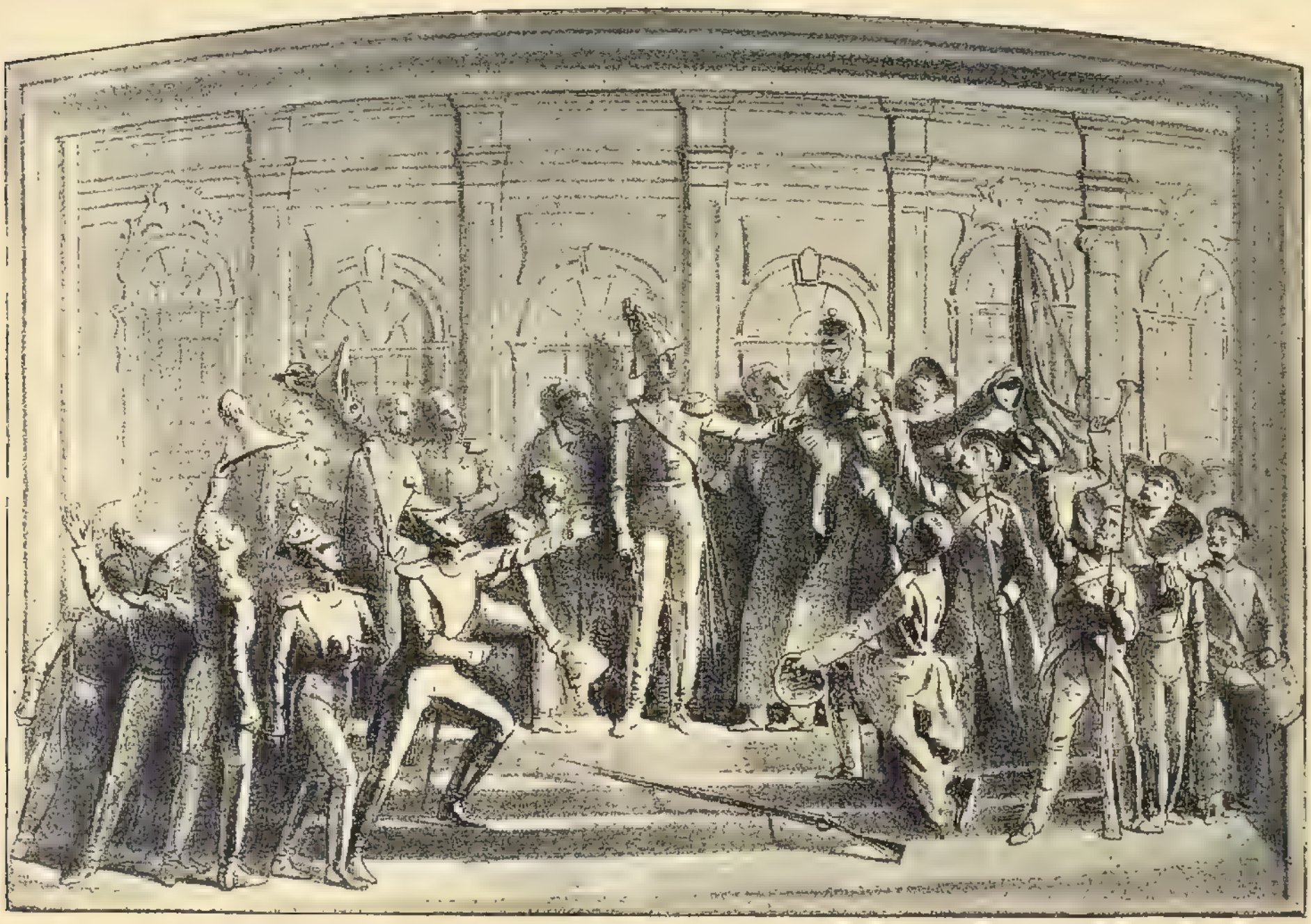
петербургскій генералъ-губернаторъ *графъ Милорадовичъ* палъ смертельно раненый. Начинало уже смеркаться. Тогда императоръ Николай, убѣдившись наконецъ въ невозможности смирить непокорныхъ безъ кровопролитія, повелѣлъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, дѣйствовать артиллеріи. Нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ рѣшили участь дня, мятежники разсѣялись, и спокойствіе разомъ водворилось въ столицѣ.

Возвѣщенное во дворцѣ утромъ молебствіе могло начаться только въ половинѣ седьмого. Войска биваукировали вокругъ дворца. «Дорогой, дорогой Константинъ», — писалъ въ тотъ вечеръ государь цесаревичу: «наша воля исполнена: я императоръ, но какою цѣною, Боже мой! цѣною крови моихъ подданныхъ». Въ ту же ночь начались аресты и допросы предводителей мятежа.

Великій князь Михаилъ Павловичъ.

Происшествіе 14-го декабря произвело на императора Николая Павловича тяжкое впечатлѣніе, отразившееся на характерѣ правленія всего послѣдовавшаго затѣмъ тридцатилѣтія. «Никто не въ состояніи понять ту жгучую боль, которую я испытываю и буду испытывать всю жизнь при воспоминаніи объ этомъ днѣ», признавался императоръ Николай Павловичъ французскому послу графу Ла-Ферроэ, вскорѣ послѣ своего воцаренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Николай Павловичъ сталъ руководствоваться убѣжденіемъ, что волей Божіей онъ призванъ быть вождемъ монархическаго движенія противъ надвигавшейся революціи; это идеальное стремленіе сдѣлалось господствующимъ мотивомъ всѣхъ его помысловъ. Дѣйствительно отъ этихъ впечатлѣній императоръ не могъ освободиться до своего смертнаго одра. По свидѣтельству другого дипломата, событія привели государя къ рѣшенію править своимъ народомъ желѣзной рукой, не употребляя бархатныхъ перчатокъ.

Одаренный сильною волею, онъ твердою рукою повелъ Россію къ предначертанной имъ цѣли, стремясь неуклонно по пути, имъ самимъ избранному, а такъ какъ характеръ государя былъ вполнѣ національнымъ, то Россія не только безропотно, но



11-е декабря 1825-го года. Императоръ Николай I ввѣряетъ войскамъ малолѣтняго наслѣдника престола.
(Барельефъ на памятникѣ императору Николаю I, въ Петербургѣ).

даже охотно за нимъ слѣдовала. Теперь наступилъ конецъ космополитизму, господствовавшему въ управленіи Россійскою имперіею въ первой четверти XIX столѣтія. Хотя императоръ Николай и утверждалъ въ письмахъ къ цесаревичу, что начала, которыми руководствовался покойный ангелъ, служатъ ему катехизисомъ, но, по своимъ убѣжденіямъ и вполнѣ національному характеру, онъ не замедлилъ вступить на совершенно иной путь, чѣмъ тотъ, по которому слѣдовалъ его предмѣстникъ. Вскорѣ всѣмъ стало ясно, что наступила новая эпоха, въ которой требовалось безпрекословное повиновеніе всемогущей и ясно выраженной волѣ вопарившагося монарха.

Для характеристики новаго вѣнценосца достаточно привести одну изъ резолюцій Николая Павловича, начертанную имъ въ началѣ 1826 года; въ ней высказана увѣренность, что никто не будетъ сомнѣваться въ присущей ему *весьма точной волѣ* относительно всего касающагося до дѣлъ имперіи, Провидѣніемъ ему ввѣренной. «Сомнѣваюсь», прибавилъ государь, «чтобы кто-либо изъ моихъ подданныхъ осмѣлился бы дѣйствовать не въ указанномъ мною направленіи, коль скоро ему предписана моя точная воля.»

Въ заключеніе остается еще упомянуть о томъ, какимъ образомъ императоръ Николай скромно оцѣнивалъ свое собственное положеніе, когда неожиданно онъ былъ призванъ стать во главѣ самодержавнаго правленія своего отечества. Николай Павловичъ высказалъ, по этому поводу, свои задушевныя мысли въ письмѣ къ цесаревичу въ 1827 году. «Никто не ощущаетъ большей потребности, чѣмъ я, быть судимымъ съ снисходительностью», писалъ государь. «Но пусть же тѣ, которые судятъ меня, примутъ во вниманіе, какимъ необычайнымъ способомъ я вознесся съ поста недавно назначеннаго начальника дивизіи на постъ, который занимаю въ настоящее время, кому я наслѣдовалъ и при какихъ обстоятельствахъ, и тогда придется сознаться, что если бы не явное покровительство Божественнаго Провидѣнія—мнѣ было бы не только невозможно поступать надлежащимъ образомъ, но даже справляться съ тѣмъ, чего требуетъ отъ меня заурядный кругъ моихъ настоящихъ обязанностей. Я твердо убѣжденъ въ божественномъ покровительствѣ, которое проявляется на мнѣ слишкомъ ощутительнымъ образомъ для того, чтобы я могъ не замѣчать его во всемъ случающемся со мною,—и вотъ моя сила, мое утѣшеніе, мое руководящее начало во всемъ!»

II.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій императора Николая, послѣ своего воцаренія, должно было быть учрежденіе особаго комитета для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ, петербургскіе представители коихъ вызвали 14-го декабря открытый мятежъ въ столицѣ.

Императрица Александра Ѳеодоровна съ малолѣтними: великимъ княземъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ и великой княжною Маріею Николаевною.

Личный составъ этого комитета или комиссіи, являлся вопросомъ первостепенной важности. По мнѣнію современника: «къ чести государя сказать должно, что въ комиссіи не было ни одной злой души, которая могла бы превратиться въ инквизицію». Графъ Аракчеевъ и Клейнмихель не были назначены въ слѣдственную комиссію, о сформированіи которой послѣдовалъ 17-го декабря 1825 года указъ. Председателемъ комиссіи назначенъ былъ военный министръ *Татищевъ*, а членами: *великій князь Михаилъ Павловичъ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ*, генералъ-адъютанты: *Голенищевъ-Кутузовъ, Бенкендорфъ* и *Левашовъ*. Нѣсколько позже къ нимъ присоединились еще дежурный генералъ *Потаповъ* и генералъ-адъютанты: *баронъ Дибичъ* и *Чернышевъ*. Правителемъ дѣлъ комитета повелѣно быть военному совѣтнику *Боровкову*.

Къ счастію, въ то время, какъ въ Петербургѣ рѣшался вопросъ, кому быть императоромъ, генералъ-адъютантъ Дибичъ, находясь въ Таганрогѣ, оказался вполнѣ на высотѣ занимаемаго имъ исключительнаго положенія; онъ безъ колебанія и потери времени, не получая ни отъ кого указаній, принялъ на свой страхъ мѣры, вызываемыя чрезвычайными обстоятельствами этой тревожной эпохи. Онъ поручилъ гене-

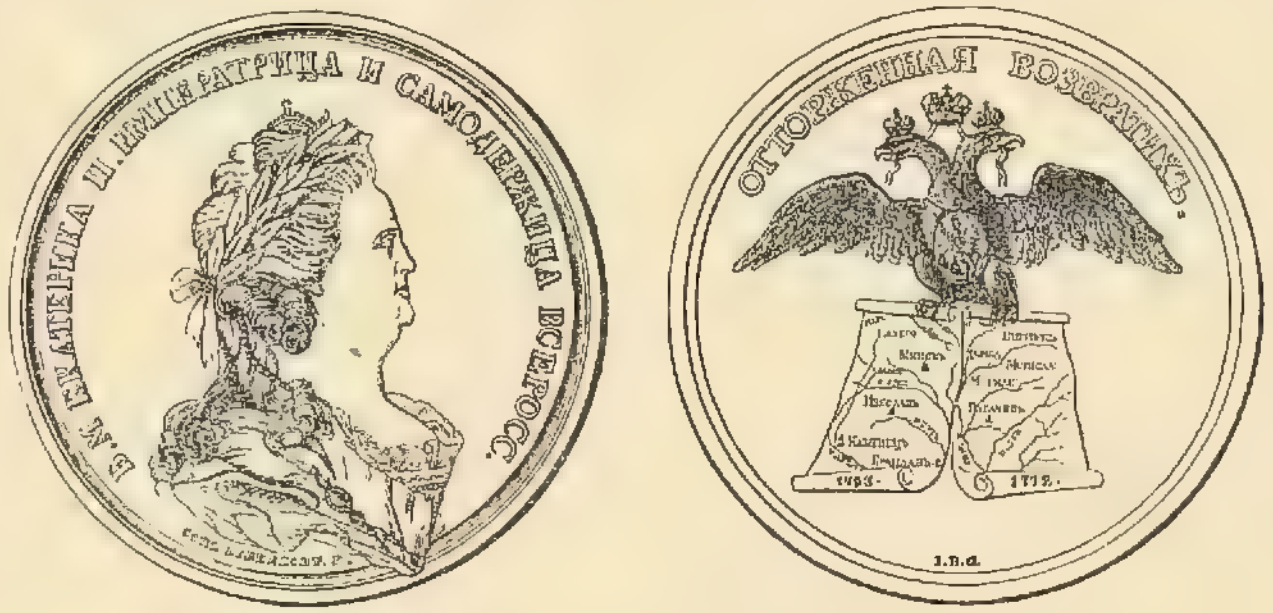
раль-адъютанту Чернышеву отправиться въ главную квартиру второй арміи для арестованія важнѣйшихъ членовъ южнаго тайнаго общества, между которыми первенствующее положеніе занималъ полковникъ *Пестель*. Не удалось только захватить бумаги Пестеля; они были зарыты въ землю, и до нихъ добрались только въ февралѣ 1826 года. Въ числѣ этихъ бумагъ находилась «*Русская правда*».

Своевременные аресты главныхъ заговорщиковъ во второй арміи прервали въ корнѣ всякія попытки, клонившіяся къ возбужденію мятежа среди войскъ; присяга же по всей Имперіи совершилась вполнѣ благополучно. Безпорядки проявились только въ первой арміи, въ черниговскомъ пѣхотномъ полку, въ которомъ служилъ одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ тайнаго общества подполковникъ *Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ*, бывшій офицеръ семеновскаго полка. Они были прекращены 3-го (15-го) января 1826 года, и затѣмъ спокойствіе уже нигдѣ не было нарушено.

Когда послѣ мятежа 14-го декабря открыты были тайныя общества въ Россіи, цесаревичъ Константинъ Павловичъ утѣшалъ себя сначала надеждою, что поляки къ этому дѣлу непричастны и останутся въ сторонѣ. Вскорѣ, однако, цесаревичу пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на поляковъ. Ближайшее разслѣдованіе заговора въ Петербургѣ открыло слѣды сношеній и переговоровъ между членами русскихъ тайныхъ обществъ и представителями подобныхъ же обществъ, существовавшихъ въ королевствѣ. *Пестель* и *Бестужевъ-Рюминъ* не замедлили выдать своихъ польскихъ единомышленниковъ головою. Вслѣдствіе этихъ разоблаченій 7-го (19-го) февраля 1826 года учрежденъ былъ въ Варшавѣ *слѣдственный комитетъ* для открытія тайныхъ обществъ, существовавшихъ какъ въ королевствѣ польскомъ, такъ и въ областяхъ, отъ прежней Польши къ имперіи присоединенныхъ. Комитетъ состоялъ изъ десяти членовъ, пяти польскихъ и пяти русскихъ. Цесаревичъ, насколько могъ, защищалъ передъ императоромъ точку зрѣнія польскихъ патріотовъ, указывая на обѣщанія, данныя неоднократно императоромъ Александромъ, служившія имъ поддержкою и путеводною нитью.

На доводы, приводимые цесаревичемъ въ пользу и въ извиненіе поляковъ, императоръ Николай отвѣчалъ, что «громадная разница, желать ли чего-либо *почти обычнаго* (presque promise) или же *предупреждать* (prévenir) правительство въ его мѣропріятіяхъ путемъ тайныхъ и, слѣдовательно, *преступныхъ* замысловъ.

Царствованіе императора Александра I далеко отодвинуло насъ отъ екатерининскихъ воззрѣній на польскій вопросъ или, вѣрнѣе сказать, на значеніе, которое въ этомъ вопросѣ играютъ области, доставшіяся намъ по тремъ раздѣламъ Рѣчи Посполитой; и лишь пропасть раздѣлила политическія воззрѣнія двухъ столь различныхъ между собою эпохъ русской исторіи. Достаточно уловить ту опредѣленность взглядовъ императрицы Екатерины II на историческое право, принадлежащее Россіи на эти земли, чтобы оцѣнить коренное измѣненіе, послѣдовавшее въ позднѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Взгляды императрицы съ полною яркостью выразились въ медали, которая появилась послѣ втораго раздѣла Польши, съ надписью «*Отторженныя возвратихъ*». Подобная медаль не могла бы занять мѣста въ лѣтописяхъ царствованія императора Александра; она служитъ нагляднымъ выраженіемъ политическаго антагонизма, существовавшаго между бабушкою и внукомъ.



Екатерининская медаль въ память возвращенія Россіи областей, отторгнутыхъ у нея Польшей.

Когда однажды сообщили Екатеринѣ, что поляки совѣтуютъ ей принять титулъ Королевы Польской, императрица написала по этому поводу слѣдующее: «При раздѣлѣ я не получила ни одной пяди польской земли. Я получила то, что сами поляки не переставали называть Червонною Русью, Кіевское воеводство, Подолію и Волынь; Литва же никогда не была коренною частію Польши, равно какъ и Самогитія. Такимъ образомъ, не получивъ ни пяди польской земли, я не могу принять и титулъ Королевы Польской».

Императоръ Александръ I, относившійся, по примѣру своего родителя, критически ко всѣмъ начинаніямъ своей бабки, усвоилъ себѣ съ молодыхъ лѣтъ совершенно иную точку зрѣнія на этотъ вопросъ. Она выразилась окончательно въ рѣшеніи Государя принять въ 1815 году титулъ Короля Польскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ, изъ обрѣзковъ Варшавскаго герцогства создано было конституціонное королевство Польское, которое даже одинъ польскій писатель, *Мохнацкій*, признаетъ «*настоящей политической змѣей за пазухой самодержавной Россіи*». Но сверхъ сего, Александръ при разныхъ случаяхъ, высказывалъ еще полякамъ свое намѣреніе дать королевству внутреннее расширеніе. Въ этихъ видахъ послѣдовало объединеніе въ военномъ отношеніи: Цесаревичу Константину Павловичу, носившему званіе главнокомандующаго польскою арміею, вѣрено было также начальство надъ Литовскимъ корпусомъ, мундирамъ котораго присвоены были польскіе цвѣта; составъ офицеровъ этого корпуса былъ по преимуществу польскій. Сверхъ сего Литва и Западныя губерніи подчинены были по-гласно Цесаревичу и въ гражданскомъ отношеніи. Не удивительно, если подобныя мѣропріятія утвердили въ польскихъ умахъ убѣжденіе, что присоединеніе къ королевству, такъ называемаго, Забраннаго края, составляетъ только вопросъ времени; весьма естественно, что тайныя общества дѣйствовали въ томъ же духѣ.

Императоръ Николай поставилъ сразу спорный вопросъ въ надлежащія рамки и произнесъ рѣшительный приговоръ надъ бывшими дотолѣ въ ходу мечтаніями. Съ одной стороны вступившій на царственный престолъ молодой Государь рѣшился строго соблюдать и поддерживать неприкосновенною конституцію королевства въ томъ видѣ, въ какомъ она была дарована Александромъ; но съ другой стороны онъ признавалъ для русскаго Монарха невозможнымъ какое бы то ни было посягательство на цѣлость Имперіи. Мысль свою Николай Павловичъ выразилъ въ письмѣ къ Цесаревичу слѣдующимъ образомъ: «Честный человѣкъ, даже среди поляковъ, отдастъ мнѣ справедливость, сказавъ: я ненавижу его, потому что онъ не исполняетъ нашихъ желаній, но я уважаю его, потому что онъ насъ не обманываетъ».

Не желая, чтобы поляки оставались въ невѣдѣніи на счетъ взглядовъ правительства, Императоръ Николай даровалъ Литовскому корпусу мундиры съ русскими цвѣтами, а затѣмъ предписалъ измѣненія въ порядкѣ комплектованія этого корпуса, не назначая для сего мѣстныхъ уроженцевъ, но русскихъ рекрутъ. Какъ эти мѣропріятія ни огорчили Цесаревича, онъ долженъ былъ покориться волѣ своего державнаго брата.

III.

Въ Февралѣ 1826 года начали съѣзжаться въ Петербургѣ представители иностранныхъ державъ, присланные европейскими правительствами для изъявленія своего участія по поводу горя, постигшаго Россію, и для привѣтствія преемника Александра I. Это были: принцъ прусскій Вильгельмъ, принцъ

Мекленбургъ-Шверинскій, Маркграфъ Леопольдъ Баденскій, принцъ Оранскій (супругъ Великой Княгини Анны Павловны) эрцъ-герцогъ Фердинандъ (d'Este), герцогъ Веллингтонъ и фельдмаршалъ князь Вреде. Карлъ X сперва прислалъ для засвидѣтельствованія своихъ дружескихъ чувствъ виконта де-Сенъ-При. Нѣсколько позже прибылъ еще маршалъ Мармонъ герцогъ Рагузскій.

6-го (18) марта тѣло Императора Александра перевезено было въ Петербургъ и 13-го (25-го) марта предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ.

1826 годъ, по всей справедливости, заслуживаетъ названіе похороннаго. 4-го (16-го) мая скончалась въ Бѣлевѣ, на обратномъ пути изъ Таганрога въ Москву, Императрица Елисавета Алексѣевна, сверхъ сего цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей царствованія Императора Александра умерли въ томъ же году, а именно: государственный канцлеръ *графъ Н. П. Румянцевъ*, *графъ Ф. В. Ростопчинъ*, *графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ* (бывшій петербургскій военный губернаторъ), *Карамзинъ*, Намѣстникъ королевства польскаго *князь Зайончекъ* и *графъ Бенкендорфъ*.

Бенкендорфъ.

19-го марта 1826 года, въ воспоминаніе того дня, въ который Россійскія и союзныя намъ войска вступили въ Парижъ, передъ Зимнимъ дворцомъ происходилъ большой парадъ войскамъ гвардейскаго корпуса, въ присутствіи всѣхъ съѣхавшихся иностранныхъ гостей. Наканунѣ этого дня розданы были войскамъ серебряныя медали за взятіе Парижа, которыя были выбиты еще по повелѣнію императора Александра, но затѣмъ хранились впредь до повелѣнія.

Какъ только необычайныя событія, сопровождавшія воцареніе Императора Николая, дали новому Государю возможность вникнуть въ иностранную политику, восточный вопросъ долженъ былъ, прежде всего, привлечь къ себѣ полное вниманіе преемника Александра. Императоръ Николай разграничилъ личные счеты Россіи съ Портой отъ греческаго вопроса. По поводу первыхъ, въ Константинополѣ предъявленъ былъ ультиматумъ, который привелъ къ заключенію Аккерманской конвенціи, что же касается греческаго вопроса, то благодаря присутствію въ Петербургѣ герцога Веллингтона, между Россіею и Англіею заключенъ былъ Петербургскій протоколъ 23 марта (4 апрѣля) 1826 года, который послужилъ краеугольнымъ камнемъ освобожденія Греціи изъ-подъ мусульманскаго ига.

Дибичъ.

Соглашеніе Россіи съ Англіею вызвало со стороны князя Меттерниха выраженіе чувствъ сильнѣйшаго негодованія; по его мнѣнію, континентальный союзъ, на которомъ покоились тишина и спокойствіе Европы, перестали существовать. Затѣмъ Меттернихъ старался поколебать рѣшимость Императора Николая и запугать его тѣмъ, что покровительство, оказываемое освобожденію Греціи, потворствуетъ революціи. Тѣмъ не менѣе Государь продолжалъ съ твердостью идти по намѣченному пути и не поддался внушеніямъ австрійскаго кайзлера, увѣрившъ Императора Франца, что «*великій союзъ*» остается незыблемымъ.

Со времени учрежденія слѣдственной комиссіи 17-го декабря 1825 года, работы по разслѣдованію надъ злоумышленными обществами дѣятельно продолжались. Въ концѣ мая донесеніе этой комиссіи напечатано было по Высочайшему повелѣнію особою брошюрою, переведенною также и на французскій языкъ, и приложено ко всѣмъ русскимъ газетамъ.

1-го (13-го) іюня 1826 года послѣдовалъ манифестъ о назначеніи надъ злоумышленниками *Верховнаго уголовнаго суда*. Онъ былъ составленъ изъ трехъ государственныхъ сословій: Государственнаго Совѣта, Сената и Синода, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Государь въ манифестѣ требовалъ отъ суда одного: *справедливости*, прибавивъ: справедливости неліцепріятной, нитѣмъ не колеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утверждаемой. Предсѣдателемъ Верховнаго уголовнаго суда назначенъ былъ *князь Лопухинъ*. Министру Юстиціи князю Лобанову-Ростовскому повелѣно было исполнять въ судѣ званіе генералъ-прокурора.

Верховному уголовному суду преданы были 121 человѣкъ. Изъ нихъ принадлежали: къ *Сѣверному обществу* 61, къ *Южному* обществу 37, къ *обществу соединенныхъ славянъ* 23. Первое засѣданіе суда состоялось 3-го (15-го) іюня, а послѣднее 11-го (23-го) іюля 1826 года. Судъ приговорилъ 36 человѣкъ къ смертной казни (изъ нихъ 5 человѣкъ къ четвертованію). Императоръ Николай въ значительной степени смягчилъ суровый приговоръ суда. Окончательно пять человѣкъ были приговорены къ повѣшенію: Павелъ *Пестель*, Кондратій *Рылѣевъ*, Сергѣй *Муравьевъ-Апостолъ*, Михаилъ *Бестужевъ-Рюминъ* и Петръ *Каховскій*. Остальные подсудимые были раздѣлены на одиннадцать разрядовъ и осуждены къ ссылкѣ въ каторжныя работы безъ срока и къ другимъ наказаніямъ. Исполненіе приговора Верховнаго уголовнаго суда состоялось 13-го (25-го) іюля 1826 года на валу кронверка Петропавловской крѣпости.

Особымъ указомъ повелѣно было *Шерауду* прибавить слово *Вѣрный*, и впредь ему, такъ и потомству его, именоваться: *Шераудомъ-Вѣрнымъ*. Сверхъ сего Шерудь былъ переведенъ въ л.-гв. драгунскій полкъ и произведенъ въ офицеры.

14-го (26-го) іюня отслужено было на Сенатской площади благодарственное молебствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ литія по жертвамъ, павшимъ 14-го декабря за вѣру, царя и отечество, названный императоромъ Николаемъ искупительнымъ богослуженіемъ. Подобное же молебствіе повелѣно было отслужить въ Москвѣ и по всей Россіи. Этимъ священно-торжественнымъ актомъ завершилась кара тайныхъ обществъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обнародованъ былъ манифестъ, въ кото-

ромъ обращали на себя вниманіе заключительныя его слова: «Не отъ дерзостныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія, всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверстымъ, всегда приняты будутъ нами съ благоволеніемъ: ибо мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другого желанія, какъ видѣть отечество наше на самой высшей степени счастія и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной».

IV.

Печальное положеніе нашего правосудія было однимъ изъ первыхъ предметовъ, обратившихъ на себя заботливое вниманіе императора Николая. Въ рѣчи, произнесенной государемъ много лѣтъ спустя, въ 1833 году, въ Государственномъ Совѣтѣ, Николай Павловичъ сказалъ:

«При самомъ моемъ вступленіи на престолъ, я счелъ долгомъ обратить вниманіе на разные предметы управленія, о которыхъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія. Главнымъ занявшимъ меня дѣломъ было, естественно, правосудіе. Я еще смолоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ, или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, не рѣдко между собою противорѣчивыхъ. Это побудило меня съ первыхъ дней моего правленія, разсмотрѣть состояніе, въ которомъ находилась комиссія, учрежденная для составленія законовъ. Къ сожалѣнію представленныя свѣдѣнія удостовѣрили меня, что ея труды оставались почти совершенно безплодными. Не трудно было открыть и причину этому: недостатокъ результатовъ происходилъ, главнѣйше, отъ того, что всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ. Это побудило меня, прежде всего, съ опредѣленія цѣли, къ которой правительство должно направлять свои дѣйствія по части законодательства, и изъ предложенныхъ мнѣ путей, я выбралъ совершенно противоположный прежнимъ. Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, я велѣлъ собрать сперва вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ, а самое дѣло, по его важности, взялъ въ непосредственное мое руководство, закрывъ прежнюю комиссію».

Ермоловъ.

Съ этою цѣлью образовано было и открыто 24-го апрѣля 1826 года *Второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.* Начальникомъ второго отдѣленія назначенъ былъ *М. А. Балугьянскій.* По сущности самой работы поручена была *Сперанскому.* Выборъ императора Николая остановился на послѣднемъ, по необходимости, не найдя вокругъ себя никого къ тому болѣе способнаго. При назначеніи Балугьянскаго начальникомъ втораго отдѣленія, государь, бесѣдуя съ своимъ бывшимъ наставникомъ, сказалъ ему въ разговорѣ о Сперанскомъ: «Смотри же, чтобы онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810 году». Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ успѣшнаго выполненія Сперанскимъ порученныхъ ему работъ, предубѣжденія императора Николая постепенно смягчались и, наконецъ, уступили мѣсто искреннему расположенію и полному довѣрію. Всѣ обвиненія и клеветы, возводимыя на Сперанскаго, по собственному выраженію Государя, «разсыпались, какъ пыль».

Паскевичъ.

Такимъ образомъ императору Николаю въ его почти непольномъ выборѣ благопріятствовало особенное счастье, и лучшаго исполнителя для задуманнаго дѣла онъ едва ли могъ бы найти. Результатомъ новой дѣятельности Сперанскаго, при совершенно измѣнившихся противъ прежняго обстоятельствахъ, явились *Полное Собраніе Законовъ* и систематическій *Сводъ.*

Еще до окончанія суда надъ декабристами, императоръ Николай принялъ еще одну важную мѣру, наложившую печать на всѣ послѣдовавшіе годы его царствованія и находившуюся въ прямой связи съ событіями 14-го декабря.

3-го (15-го) іюля 1826 года состоялся Высочайшій указъ на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Лапского, на основаніи котораго упразднялась *Особая Канцелярія* этого министерства и преобразовывалась въ *третье отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.* Во исполненіе сего указа предписано было начальникамъ губерній, чтобы они по предметамъ, въ составъ помянутаго отдѣленія вошедшимъ, вносили уже не по министерству внутреннихъ дѣлъ, а прямо Его Величеству.

Нѣсколькими днями ранѣе, въ день рожденія императора Николая, 25-го Іюня, появился Высочайшій приказъ о назначеніи начальника 1-й кирасирской дивизіи, генералъ-адъютанта *Бенкендорфа* шефомъ жандармовъ и командующимъ императорскою главною квартирою; ему же ввѣрено было начальство надъ третьимъ отдѣленіемъ.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ объясняетъ въ своихъ запискахъ возникновеніе ввѣреннаго ему учрежденія слѣдующимъ образомъ; онъ пишетъ: «Императоръ Николай стремился къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся въ многія части управленія, и убѣдился изъ внезапно открытаго заговора, обагрившаго кровію первыя минуты новаго царствованія, въ необходимости повсемѣстнаго, болѣе бдительнаго надзора, которое окончательно стекалось бы въ одно средоточіе. Государь избралъ меня для образованія высшей полиціи, которая бы покровительствовала утѣсненнымъ и наблюдала за злоумышленіями и людьми къ нимъ склонными.—Никогда не думавъ готовиться къ этому роду службы, я имѣлъ о немъ лишь самое поверхностное понятіе, но благородныя и благодѣтельныя побужденія, давшія поводъ къ этому учрежденію, и желаніе быть полезнымъ новому нашему Государю, не позволили мнѣ уклониться отъ принятія образованной имъ должности, къ которой призывало меня высокое его довѣріе.—Я неотложно приступилъ къ дѣлу, и Богъ помогъ

мнѣ исполнить новыя мои обязанности, къ удовольствію Государя и не возставивъ противъ себя общественнаго мнѣнія. Мнѣ удалось оказывать многимъ одолженія, открыть много злоупотребленій и, въ особенности, предупредить и отвратить много зла».

Съ появленіемъ третьяго отдѣленія, учрежденный императоромъ Александромъ: *«Комитетъ 13-го января 1807 года»* сдѣлался излишнимъ. 17-го января послѣдовалъ указъ Сенату о закрытіи Комитета.

Смуты 1825 года не прошли безслѣдно для крестьянскаго населенія, вызвавъ среди него премѣнно броженіе; заговорили о свободѣ, и мѣстами проявились безпорядки — обычное въ прежнее время явленіе. Движеніе, обнаружившееся среди крестьянъ, побудило императора Николая обнародовать 12-го мая 1826 года манифестъ, въ которомъ объявлялось, что «всякіе толки о свободѣ казенныхъ поселянъ отъ платежа податей, а помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей отъ повиновенія

Осада Варны 1828 г. Рис. Зоурвейда.

ихъ господамъ суть слухи ложные, выдуманные и разглашаемые злонамѣренными людьми изъ одного корыстолюбія, съ тѣмъ чтобъ посредствомъ сихъ слуховъ обогатиться насчетъ крестьянъ, по ихъ простодушію». Затѣмъ въ манифестѣ сказано было, что всѣ состоянія въ государствѣ должны безпрекословно повиноваться установленнымъ надъ нимъ властямъ, возмутители же общаго спокойствія будутъ преданы суду и наказанію по всей строгости законовъ. Манифестъ 12-го мая повелѣно было читать въ теченіе шести мѣсяцевъ по церквамъ, на торгахъ и ярмаркахъ, а начальникамъ губерній строго подтверждалось слѣдить за предупрежденіемъ всякаго неустройства.

Если императоръ Николай вынужденъ былъ обстоятельствами обнародовать карательный манифестъ, то онъ счелъ, однако, необходимымъ двумя рескриптами на имя управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предписать дворянству *христіанское и сообразное съ законами обращеніе съ крестьянами*, явно высказывая свое желаніе *оградить крестьянъ отъ помѣщичьяго произвола*. Во всѣхъ случаяхъ,—писалъ государь:—*«я ищу и всегда искать буду, лучше предупреждать зло, нежели преслѣдовать его наказаніемъ, когда оно уже возникло»*.

Наконецъ заботливость императора Николая о крестьянскомъ сословіи выразилась еще другимъ дѣйствіемъ воцарившагося молодого государя. 6-го декабря 1826 года, подъ предсѣдательствомъ графа В. П. Кочубея учрежденъ былъ особый *секретный комитетъ*, которому поручался пересмотръ всего государственнаго устройства и управленія и представленіе своего заключенія о необходимыхъ преобразованіяхъ; работы комитета должны были коснуться также и крестьянскаго вопроса.

Кромѣ того императоръ Николай не оставилъ безъ вниманія все, что было высказано декабристами, во время допросовъ слѣдственной комиссіи, по поводу внутренняго состоянія государства въ царствованіе Александра I.—Государь приказалъ составить для себя изъ этихъ мнѣній особую записку и часто просматривалъ этотъ любопытный сводъ, черпалъ изъ него много дѣльнаго.

V.

Немедленно по окончаніи процесса декабристовъ, дворъ переселился въ Москву для предстоявшей коронаціи, которая совершилась 22-го августа. Государь обрадованъ былъ 14-го августа неожиданнымъ пріѣздомъ цесаревича Константина Павловича. По свидѣтельству Бенкендорфа: «появленіе цесаревича было блестящимъ всенароднымъ свидѣтельствомъ и покорности его новому государю и добросовѣстности его отреченія отъ престола, было вмѣстѣ и драгоцѣннымъ залогомъ согласія, связывавшаго ко благу имперіи всѣхъ членовъ царственнаго ея дома. Публика была въ восторгѣ, а дипломатическій корпусъ пришелъ въ совершенное удивленіе. Народъ выражалъ цесаревичу свое удовольствіе единодушными кликами; сановники окружали его знаками почтительнѣйшаго благоговѣнія».

День коронаціи ознаменованъ былъ важною реформою въ придворномъ вѣдомствѣ; образовано было *министерство Императорскаго двора* и вѣрено *князю Петру Михайловичу Волконскому*. Такимъ образомъ долголѣтній сподвижникъ императора Александра I-го снова занялъ мѣсто довѣреннаго сановника при его преемникѣ; князь Волконскій безсмѣнно оставался министромъ двора до своей кончины, послѣдовавшей въ 1852 году.

Въ числѣ милостей и облегченій, дарованныхъ 22-го августа, не позабыты были также осужденные недавно государственные преступники; особыми указами уменьшены были сроки всѣмъ сосланнымъ на каторгу, поселеніе и крѣпостныя работы. Сосланнымъ же въ гарнизоны сибирскаго, оренбургскаго

и кавказскаго корпусовъ рядовыми съ лишеніемъ дворянства и безъ лишенія, велѣно опредѣлить въ полки кавказскаго корпуса до «отличной выслуги».

Во время пребыванія государя въ Москвѣ, Пушкинъ былъ вызванъ къ нему изъ села Михайловскаго. Съ этой минуты поэтъ снова пріобрѣлъ утраченную свободу, и сверхъ сего императоръ Николай сказалъ Пушкину: «ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь, — отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ».

Московскія празднества и увеселенія не успѣли еще начаться, какъ императоръ Николай встревоженъ былъ извѣстіями о вторженіи персіянъ въ Грузію; къ тому же государь относился съ недовѣріемъ къ А. П. Ермолову, и потому рѣшено было немедленно послать на Кавказъ генералъ-адъютанта Ивана Федоровича *Паскевича*. Ему поручено было наказать персіянъ, подъ главнымъ начальствомъ Ермолова. 13-го (25-го) сентября 1826 года Паскевичъ одержалъ побѣду надъ персидскими войсками, предводительствуемыми Аббасъ-Мирзою; это была первая побѣда, ознаменовавшая новое царствованіе.

6-го (18-го) октября императоръ Николай возвратился въ Петербургъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Николая Павловича для Россіи наступила если не новая эра, то все-таки нѣкоторое обновленіе правительственной системы, господствовавшей въ послѣднее дѣсятилѣтіе правленія Александра I. Послѣ увольненія графа Аракчеева отъ завѣдыванія общими государственными дѣлами, можно было предвидѣть, что онъ останется не долго и во главѣ управленія военными поселеніями. Такъ и случилось. Весною 1826 года графъ Аракчеевъ уволенъ былъ за границу для излѣченія болѣзни. Во всеподданнѣйшемъ письмѣ, написанномъ по этому случаю графомъ Аракчеевымъ, онъ представилъ государю болѣе 32-хъ милліоновъ рублей экономіи по военнымъ поселеніямъ и заключилъ посланіе свое изреченіемъ великой истины: «нелицемѣрный судія — грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ».

По возвращеніи осенью графа Аракчеева изъ заграничнаго путешествія, онъ уже болѣе не вступалъ въ исправленіе своихъ обязанностей. На основаніи послѣдовавшаго тогда указа, штабъ военныхъ поселеній былъ присоединенъ къ главному штабу Его Императорскаго Величества, подъ вѣдѣніе начальника его генералъ-адъютанта барона Дибича. Съ этого же времени новгородское военное поселеніе поступило въ полное управленіе генерала *князя Шаховскаго*, получившаго званіе командира отдѣльнаго гренадерскаго корпуса; херсонское и екатеринославское поселенія были подчинены начальнику ихъ *графу Витту* (также на правахъ командира отдѣльнаго корпуса), а поселенія въ слободско-украинской и могилевской губерніяхъ остались въ завѣдываніи своихъ прежнихъ начальниковъ, имѣвшихъ званіе отрядныхъ командировъ.

Графъ Аракчеевъ, распростившись окончательно съ служебнымъ поприщемъ, поселился въ своемъ грузинскомъ имѣніи, гдѣ онъ скончался въ 1834 году.

Освободивъ Россію отъ правительственной опеки графа Аракчеева, императоръ Николай, кромѣ того, избавилъ русское просвѣщеніе отъ вліянія Михаила Леонтьевича *Магницкаго*. 6-го мая 1826 года послѣдовалъ указъ, въ которомъ значилось: «Попечителя казанскаго университета и учебнаго округа онаго, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго повелѣваемъ уволить какъ отъ сей должности, такъ и отъ члена главнаго правленія училищъ». Но этимъ указомъ дѣло не ограничилось. Магницкій остался жить въ Казани и по свойствамъ своего характера продолжалъ, по обыкновенію, интриговать и косвенно вліять на покинутый имъ университетъ. Генералъ *Желтухинъ*, которому повелѣно было произвести подробную ревизію казанскаго университета, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія государя. Рѣшеніе императора Николая послѣдовало быстрое и рѣшительное; посланъ былъ фельдъегерь съ приказаніемъ губернатору арестовать Магницкаго и послать его въ Ревель подъ присмотръ коменданта. Здѣсь Магницкій прожилъ шесть лѣтъ, обязанный подпискою никуда не отлучаться.

Не менѣе печальная участь постигла сподвижника и подражателя Магницкаго, Дмитрія Павловича *Рунича*, исправлявшаго должность попечителя петербургскаго учебнаго округа. Указомъ 25-го іюня 1826 года Руничъ былъ удаленъ отъ должности и отъ званія члена главнаго правленія училищъ, за несообразныя дѣйствія его по управленію петербургскимъ учебнымъ округомъ. Возмездіе, испытанное съ этого времени Руничемъ за совершенные просвѣтительные подвиги, было ужасное; шестнадцать лѣтъ онъ томился подъ слѣдствіемъ и умеръ въ 1860 году въ томъ убѣжденіи, что онъ нѣкогда спасъ Россію и пострадалъ за правое дѣло, совершенное имъ въ петербургскомъ университетѣ.

Съ 1827 года внѣшняя политика на многіе годы привлекла къ себѣ исключительное вниманіе императора Николая. Прежде всего надо было покончить дѣла съ Персіею. Это удалось какъ нельзя лучше.

Ненормальное положеніе дѣлъ, созданное на Кавказѣ появленіемъ въ Тифлисѣ генералъ-адъютанта Паскевича, достигло въ началѣ 1827 года своего апогея. При водворившемся тогда безначаліи, дѣла не могли идти въ должномъ порядкѣ, а къ тому предстояло еще вести наступательную войну противъ Персіи. Нельзя было далѣе откладывать рѣшеніе вопроса: кому оставаться на Кавказѣ — Ермолову или Паскевичу. Императоръ Николай рѣшилъ вопросъ въ пользу Паскевича, уволивъ Ермолова отъ командованія кавказскимъ корпусомъ.

Паскевичъ принялся за дѣло смѣло и съ должною энергіею; послѣ взятія Эривани и ряда другихъ побѣдъ, русскія войска появились въ Тавризѣ, а 10-го (22-го) февраля 1828 года подписанъ былъ туркманчайскій мирный договоръ съ Персіею. Существенныя статьи трактата заключались въ уступкѣ Россіи ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, и въ уплатѣ двадцати милліоновъ рублей за военныя издержки. По полученіи этого радостнаго извѣстія, императоръ Николай возвелъ Паскевича въ графское достоинство, повелѣвъ ему именоваться *графомъ Паскевичемъ Эриванскимъ*, и сверхъ того пожаловалъ ему одинъ милліонъ рублей изъ персидской контрибуціи.

Въ то время какъ война съ Персіею увѣнчалась побѣдами и славнымъ миромъ, пришлось готовиться къ новой войнѣ, на этотъ разъ съ Оттоманскою Портою. Несмотря на то, что турки подписали въ 1826 году аккерманскую конвенцію и какъ бы подчинились требованіямъ, предъявленнымъ Россіею, миръ на Востокѣ все-таки не былъ упроченъ. Борьба между турками и греками попрежнему продолжалась. Тогда императоръ Николай призналъ необходимымъ рѣшительными мѣрами умиротворить Востокъ; петербургскій протоколъ преобразился въ международный договоръ, который заключенъ былъ 24-го іюня (6-го іюля) между Россіею, Англіею и Франціею и названъ *Лондонскимъ договоромъ*. Прямымъ послѣдствіемъ этого договора явилось неожиданное происшествіе: 8-го (20-го) октября 1827 года турецко-египетскій флотъ былъ истребленъ въ *Наваринской бухтѣ* соединенными флотами трехъ союзныхъ державъ. Годъ тому назадъ султанъ Махмудъ былъ вынужденъ уничтожить янычаръ, лишивъ себя арміи въ самую критическую минуту, переживаемую Оттоманскою имперіею. Теперь за янычарами послѣдовалъ флотъ: морскія силы Порты были сокрушены. Одно изъ главныхъ препятствій, которое предстояло преодолѣть Россіи, въ случаѣ войны съ Турціею, было устранено, вопреки намѣренію державъ, подписавшихъ лондонскій договоръ съ цѣлью связать сѣвернаго исполина союзомъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы воспрепятствовать ему самостоятельный и односторонній образъ дѣйствій. Представители Россіи, Англіи и Франціи покинули Константинополь. Порта обнародовала *Гатти-шерифъ*, въ которомъ она указывала на Россію, какъ на своего яваго, непримиримаго врага, и обвиняла ее въ греческомъ возстаніи; кромѣ того турецкое правительство объявляло, что оно вовсе не обязано исполнять исторгнутый у него аккерманскій договоръ, и призывало всѣхъ магометанъ къ священной войнѣ противъ Россіи.

Императору Николаю оставалось одно — принять вызовъ, дерзко брошенный ему Портою, и 14-го (26-го) апрѣля 1828 года обнародованъ былъ манифестъ о войнѣ съ Турціею. Главнокомандующему второю арміею фельдмаршалу графу

Витгенштейну повелѣно было приступить къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи, а графу Паскевичу также повелѣно было считать войну съ Портою начатою. Такимъ образомъ началась война, которую всѣми мѣрами тщетно оттягивали, начиная съ 1821 года. Государь желалъ, чтобы въ этой войнѣ принимала участіе польская армія, желая создать для двухъ, соединенныхъ подъ его скипетромъ, народовъ братство по оружію. Но цесаревичъ упорно противодѣйствовалъ этой благой мысли императора Николая, не желая разстаться съ своимъ любимымъ дѣтищемъ и жертвовать къ тому же имъ для дѣла, которому онъ не сочувствовалъ. Такимъ образомъ польская армія осталась нетронутою и по прежнему упражнялась во всѣхъ тонкостяхъ гарнизонной службы подъ требовательнымъ окомъ цесаревича, а тайныя общества продолжали въ рядахъ ея свою подпольную разлагающую работу, которая привела къ взрыву 1830 года.

Рѣшившись на войну съ оттоманской портой, императоръ Николай пожелалъ принять личное участіе въ предстоявшихъ на Дунаѣ военныхъ дѣйствіяхъ и покинулъ Петербургъ 25-го апрѣля.

Между тѣмъ войска второй арміи заняли княжества и готовились совершить переправу черезъ Дунай; вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено было къ осадѣ Браилова, которая была поручена великому князю Михаилу Павловичу. Императоръ Николай лично присутствовалъ при переправѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай, совершившейся 27-го мая (8-го іюня) у *Сатунови*, и двинулся съ ними въ Добруджу къ Траянову валу. Крѣпости *Исакча*, *Мачинъ*, *Гирсовъ*, *Кюстенджи* и *Тульча* сдались. Только Браиловъ упорно защищался, но тѣмъ не менѣе не избѣгъ капитуляціи, такъ что къ 20-му іюня всѣ придунайскія крѣпости, ниже Силистріи, находились въ нашихъ рукахъ. На азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій князь Меншиковъ, при содѣйствіи черноморскаго флота, овладѣлъ *Анапою*. При дальнѣйшемъ наступленіи вскорѣ обнаружилось, что кампанія начата была съ недостаточными силами. Гвардія могла прибыть къ Дунаю только въ августѣ, а 2-й корпусъ въ сентябрѣ. Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы обратить всѣ усилія къ овладѣнію Варною, слабыя главныя силы русской арміи были направлены къ Шумлѣ. Здѣсь началась безплодная борьба съ турецкими твердынями и неполная ихъ блокада недостаточнымъ числомъ войскъ, имѣвшимся въ распоряженіи императора Николая. Вскорѣ для государя стало очевиднымъ, что въ виду пассивнаго образа обороны, усвоеннаго турками, и полной невозможности рѣшить исходъ кампаніи сраженіемъ въ открытомъ полѣ, остается одно средство поправить дѣло: овладѣть во что бы то ни стало *Варною*. Къ достиженію этой послѣдней цѣли направлены были отнынѣ всѣ усилія русской арміи.

Борьба, сосредоточившаяся вокругъ Варны, продолжалась болѣе времени, чѣмъ это казалось сначала возможнымъ. Только 29-го сентября (11-го октября) крѣпость покорилась наконецъ, императору Николаю. Этимъ подвигомъ закончилась кампанія 1828 года, но для достиженія вожделѣннаго мира предстояло готовиться къ продолженію начатой съ турками борьбы въ слѣдующемъ 1829 году. Блестящія побѣды, одержанныя графомъ Паскевичемъ въ азіатской Турціи въ 1828 г., не могли поправить неудачный исходъ войны на Балканскомъ полуостровѣ. Паскевичъ, располагая самыми незначительными силами, овладѣлъ Карсомъ, Ахалцыхомъ и Баязетомъ и разбилъ турокъ, выступившихъ противъ него изъ Эрзерума.

Императоръ Николай отправился 2-го (14-го) октября изъ Варны въ Одессу, на кораблѣ «*Императрица Марія*». Во время плаванія поднялась страшная буря, свирѣпствовавшая 36 часовъ сряду, такъ что корабль, съ трудомъ спасшись отъ гибели, бросилъ наконецъ якорь на одесскомъ рейдѣ ночью 8-го (20-го) октября. Государь немедленно продолжалъ путь въ Петербургъ, гдѣ его ожидало великое семейное горе: 24-го октября (5-го ноября) скончалась императрица Марія Ѳеодоровна.

Немедленно послѣ кончины императрицы-матери послѣдовалъ указъ объ образованіи *четвертаго отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи*, ввѣренной управленію статсъ-секретаря *Вилламова*. Этой канцеляріи предназначено было завѣдывать всѣми воспитательными и благотворительными учрежденіями императрицы Маріи.

VI.

Война въ Европейской Турціи не привела къ какимъ-либо рѣшительнымъ результатамъ; она имѣла для русской арміи одинъ почетный исходъ, не оправдавъ ожиданій императора Николая. Покореніе Браилова и Варны, вмѣстѣ съ удержаніемъ Праводъ и Базарджика, могли только обезпечить открытіе въ 1829 году новой кампаніи, благопріятный исходъ которой могло только привести насъ къ желанному миру, дозволивъ кончить «cette guerre odieuse», какъ называлъ эту войну императоръ Николай въ перепискѣ съ цесаревичемъ. Государь немедленно занялся самымъ важнымъ для Россіи въ то время дѣломъ: реорганизаціей дѣйствующей арміи и подготовленіемъ средствъ для продолженія войны. Ко всѣмъ этимъ заботамъ чисто военнаго характера присоединялись еще политическія соображенія: какимъ образомъ отнесется Европа къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ? Уже одно то обстоятельство, что султанъ Махмудъ, безъ всякой посторонней помощи, не погибъ въ единоборствѣ съ такимъ противникомъ, какимъ являлась Россія, должно было поднять значеніе Турціи въ глазахъ европейскихъ державъ и обрадовать всѣхъ нашихъ западныхъ недоброжелателей.

Неудачи наши возбудили прежде всего ликованіе въ Вѣнѣ; Турціи пророчили въ будущемъ полную побѣду. Меттернихъ считалъ положеніе Россіи крайне затруднительнымъ; воображенію его представлялась уже картина тѣснимыхъ турками русскихъ войскъ, доведенныхъ до печальной необходимости искать убѣжища на Трансильванской территоріи. Изрѣченіе, встрѣчающееся въ перепискѣ того времени, что въ тотъ день, когда одинъ изъ кабинетовъ произнесетъ слово коалиціи, будутъ удивлены найти ее уже готовою, представляло извѣстную долю правды. Недавно еще Европу пугали русскимъ исполиномъ; теперь этого исполина хотѣли изобразить карликомъ. Положеніе русской арміи стали приравнивать съ отступленіемъ французовъ въ 1812 году. Неудивительно, что при существованіи подобныхъ несбыточныхъ надеждъ, Меттернихъ ласкалъ себя увѣренностью, что вскорѣ ему представится случай разыграть роль посредника и явиться рѣшителемъ судебъ Востока. Для обезпеченія за собою подобнаго торжества, вѣнскій кабинетъ призналъ даже полезнымъ поддерживать Порту въ ея рѣшеніи продолжать борьбу.

Въ виду роковой необходимости продолжать войну, пришлось Государю, прежде всего, подумать о выборѣ новаго главнокомандующаго и обновленія личнаго состава штаба арміи. Послѣ долгихъ колебаній выборъ остановился на графѣ *Дибичѣ*; начальникомъ штаба арміи назначенъ былъ генералъ-адъютантъ баронъ *Толь*, вмѣсто генералъ-адъютанта *Киселева*, получившаго въ командованіе 4-й резервный кавалерійскій корпусъ. Не меньшимъ колебаніямъ подвергся планъ будущей кампаніи; наконецъ остановились на необходимости отказаться отъ систематической войны на Дунаѣ, а стараться рѣшительными дѣйствіями принудить султана къ уступкамъ. Такимъ образомъ установленъ былъ въ общихъ чертахъ забалканскій походъ, какъ единственно цѣлесообразный способъ для скорѣйшаго достиженія цѣли войны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай отказался отъ личнаго предводительствованія арміею. Такимъ образомъ новому главнокомандующему предоставлена была полная свобода дѣйствій.

15-го (27-го) февраля 1829 года графъ Дибичъ прибылъ въ Яссы, гдѣ пробылъ до 2-го (14-го) апрѣля. Военныя дѣйствія должны были начаться осадою Силистріи, покореніе которой должно было служить основаніемъ для дальнѣйшихъ предпріятій предстоявшаго графу Дибичу похода.

Въ началѣ 1829 года едва не произошло новое столкновеніе съ Персіею: 30-го января (11-го февраля) посланникъ нашъ въ Тегеранѣ, безсмертный авторъ «Горе отъ ума», *Грибоѣдовъ* умерщвленъ былъ съ большею частью свиты во время возстанія столичной черни. Персидское правительство, устрашенное возможными послѣдствіями тегеранской кровавой драмы, сообщило графу Паскевичу, что «всякаго рода воз-

мездіе и наказаніе, согласное съ постановленіями обѣихъ религій, будетъ исполнено». Завязались переговоры, во время которыхъ Паскевичъ, предостерегая Аббасъ-Мирзу отъ злоупотребленія терпѣніемъ Россійскаго Императора, настаивалъ на присылкѣ лица царствующаго дома въ Петербургъ, съ письмомъ отъ шаха къ государю. Эта настойчивость Паскевича привела къ желаемой цѣли; мы избѣгли второй войны съ Персіею, союзъ послѣдней съ Турціею остался только на бумагѣ, и *Хозревъ-Мирза*, старшій сынъ наслѣдника престола Аббасъ-Мирзы, явился въ Тифлисъ. — Затѣмъ Паскевичъ отправилъ принца въ Петербургъ, чтобы у подножія царскаго престола исходатайствовать прощеніе въ убійствѣ нашего посланника въ Тегеранѣ.

Съ Туркамп графъ Паскевичъ расправился такъ же блистательно, какъ и въ прошломъ 1828 году; онъ разбилъ выступившаго противъ него Эрзерумскаго Сераскира и 27-го іюня (9-го іюля). въ день Полтавской битвы, *Эрзерумъ* былъ занятъ русскими войсками. Сераскиръ съ четырьмя пашами сдались въ плѣнъ, и стотысячное городское населеніе безмолвно приняло побѣдителей.

Императрица Марія Ѳеодоровна.

Съ самаго воцаренія императора Николая на очереди стоялъ вопросъ о короновапіи его, какъ польскаго короля; но рѣшеніе этого вопроса затянулось, такъ какъ государю воспрепятствовалъ посѣтить Варшаву судъ надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ, а въ заключеніе еще война 1828 года.

Дѣйствительно, начавшійся еще въ 1826 году политическій процессъ продолжался безконечно долго, и принялъ окончательно оборотъ, на который правительство не разсчитывало. 3-го (15-го) іюня 1827 года, члены польскихъ тайныхъ обществъ, по окончаніи слѣдственнаго разбирательства. преданы были, согласно конституціи, *сеймовому суду*, образованному изъ всѣхъ членовъ польскаго сената. Что же касается поляковъ, которые состояли русскими подданными, то они подверглись суду правительствующаго сената. Судъ, начавшійся въ Варшавѣ, кончился лѣтомъ 1828 года оправданіемъ подсудимыхъ; только нѣкоторые изъ нихъ приговорены были къ незначительнымъ тюремнымъ заключеніямъ. Государь, огорченный такимъ рѣшеніемъ дѣла, повелѣлъ административному совѣту королевства высказать свое мнѣніе по поводу приговора сената. Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что оправдательный приговоръ сеймоваго суда слѣдуетъ приписать не злонамѣренности его членовъ, но неудовлетворительности существовавшаго тогда въ Польшѣ уголовнаго законодательства. Получивъ заключеніе совѣта, императоръ Николай повелѣлъ, въ началѣ 1829 года, объявить сенату выговоръ, но, тѣмъ не менѣе, утвердилъ приговоръ суда.

Судьба поляковъ, русскихъ подданныхъ, замѣшанныхъ въ дѣло тайныхъ обществъ, сложилась нѣсколько иначе; они были приговорены къ различнымъ наказаніямъ на основаніи русскихъ законовъ. Нѣкоторые были даже прощены, между прочими *князь Антонъ Яблоновскій*, который своими разоблаченіями принесъ сотоварищей по тайнымъ обществамъ на скамью подсудимыхъ.

Рѣшеніе, принятое императоромъ Николаемъ относительно коронаціи въ Варшавѣ, не было, однако, поколеблено поведеніемъ польскаго сената; 5-го (17-го) мая состоялся торжественный въѣздъ въ Варшаву государя въ сопровожденіи императрицы и наслѣдника, а 12-го (24-го) мая совершился обрядъ коронованія въ королевскомъ замкѣ, въ залѣ сената.

Въ то самое время, когда Варшава ликовала, и всюду во всѣхъ слояхъ населенія, казалось, господствовали чувства преданности и восторга, существовалъ заговоръ, имѣвшій цѣлью путемъ злодѣянія разорвать, на вѣчныя времена, связь и единеніе между Польшею и Россіею. Но провидѣніе спасло Польшу отъ подобнаго позора; между заговорщиками произошелъ разладъ. колебаніе, и на этотъ разъ твореніе Александра I-го уцѣлѣло отъ гибели.

Николай I совершаетъ переправу черезъ Дунай 27-го мая 1828 г. Рис. Зоурвейда.

Послѣ варшавской коронаціи, императоръ Николай посѣтилъ на короткое время Берлинъ, а затѣмъ снова возвратился въ свою польскую столицу. Здѣсь государь получилъ радостное извѣстіе о побѣдѣ, одержанной 30-го мая (11-го іюня) гра-

фомъ Дибичемъ надъ великимъ визиремъ при *Кулевчѣ*. Изъ Варшавы Николай Павловичъ отправился для осмотра гвардейскаго корпуса, расположеннаго тамъ со времени окончанія кампаніи 1828 года, въ Тульчинъ, а оттуда—въ Кіевъ, гдѣ получено было извѣстіе о покореніи крѣпости Силистріи. 11-го (23-го) іюня государь возвратился въ Царское Село.

Послѣ кулевчинской побѣды и покоренія Силистріи императору Николаю оставалось ждать перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы. Опъ начался 5-го іюля, и 8-го августа занятъ былъ безъ выстрѣла *Адріанополь*. Вслѣдъ затѣмъ войска наши запяли *Аюле-Бурасъ*, *Иніада* покорена черноморскимъ флотомъ, *Демотика* сдалась добровольно, а 26-го августа занятъ городъ *Эносъ*, послѣ чего армія Дибича вошла въ связь съ находившеюся въ архипелагѣ эскадрою *графа Гейдена*. Послѣ такихъ побѣдъ неудивительно, что упорство султана, наконецъ, смирилось и что 2-го сентября 1829 года подписанъ былъ *Адріанопольскій мирный договоръ*.

ковъ, сдѣлана была самая разнообразная. Самая вѣрная изъ нихъ принадлежитъ перу извѣстнаго австрійскаго дипломата Гентпа. Онъ писалъ: «Умѣренность—понятіе относительное... Въ сравненіе съ тѣмъ, чего могли требовать русскіе и требовать безпаказанно, они требовали мало... Одно остается несомнѣннымъ, что императоръ Николай могъ бы пойти далѣе, чѣмъ пошелъ въ дѣйствительности, и сторонники его политики имѣютъ поэтому полное право восхвалять его умѣренность».

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ писалъ въ концѣ 1829 г. графу Дибичу: «Благодаря вашимъ побѣдамъ и мудрымъ распоряженіямъ, которыя привели къ нимъ, мы наслаждаемся здѣсь истинною радостью, въ цѣлой Европѣ—внушительнымъ положеніемъ, а внутри—спокойствіемъ и довѣріемъ къ правительству, которыя могутъ привесть лишь къ хорошимъ результатамъ. Теперь мы свободны отъ какихъ бы то ни было помѣхъ, сильнѣе болѣе чѣмъ когда бы то ни было въ мнѣніи всѣхъ народовъ; ничто не мѣшаетъ отдаться съ по-

Переходъ черезъ Балканы. Рис. Заурвейда.

Главнѣйшія условія этого мира заключались въ слѣдующемъ: Дарданелы и Босфоръ открыты навсегда для торговли всѣхъ народовъ безъ изъятія; безопасность нашей азіатской границы до нѣкоторой степени обезпечена присоединеніемъ къ имперіи крѣпостей: Анапы, Поти, Ахалцыха, Ацхура и Ахалкалаки; прежніе трактаты съ Портою признаны ею во всемъ; постановлена также уплата Турціею военныхъ издержекъ и убытковъ, понесенныхъ русскими подданными; права и преимущества Сербіи и княжествъ Молдавіи и Валахіи утверждены, причемъ Порта обязалась не оставлять за собою на лѣвомъ берегу Дуная ни одного укрѣпленія и не дозволять своимъ мусульманскимъ подданнымъ имѣть тамъ жительство; греція признана вассальнымъ государствомъ.

Уплата военныхъ издержекъ опредѣлена была въ десять милліоновъ голландскихъ дукатовъ, а вознагражденіе русскимъ подданнымъ и негоціантамъ—въ милліонъ пятьсотъ тысячъ дукатовъ.

Графъ Дибичъ за всѣ совершенные имъ подвиги награжденъ былъ титуломъ *Забалканскаго*, чиномъ фельдмаршала, орденомъ Св. Георгія первой степени и милліономъ рублей. Графъ Паскевичъ-Эриванскій также произведенъ былъ въ фельдмаршалы.

Оцѣнка адріанопольскаго договора, со стороны современнослѣдовательностью улучшеніямъ, новымъ реформамъ, въ которыхъ нуждается Россія. Это будетъ прекраснымъ плодомъ четырехъ лѣтъ войны и напряженія, которыми началось царствованіе нашего повелителя. Онъ также мало отступитъ передъ административными трудностями, какъ и передъ трудностями войны; опъ не встрѣтитъ въ этой области дѣятелей столь блестящихъ, столь быстрыхъ въ дѣйствіи, какъ «Забалканскіе» и «Эриванскіе», но разъ эти трудности будутъ побѣждены, онъ извлечетъ изъ нихъ славу, столь же блестящую и еще болѣе полезную для своихъ многочисленныхъ подданныхъ».

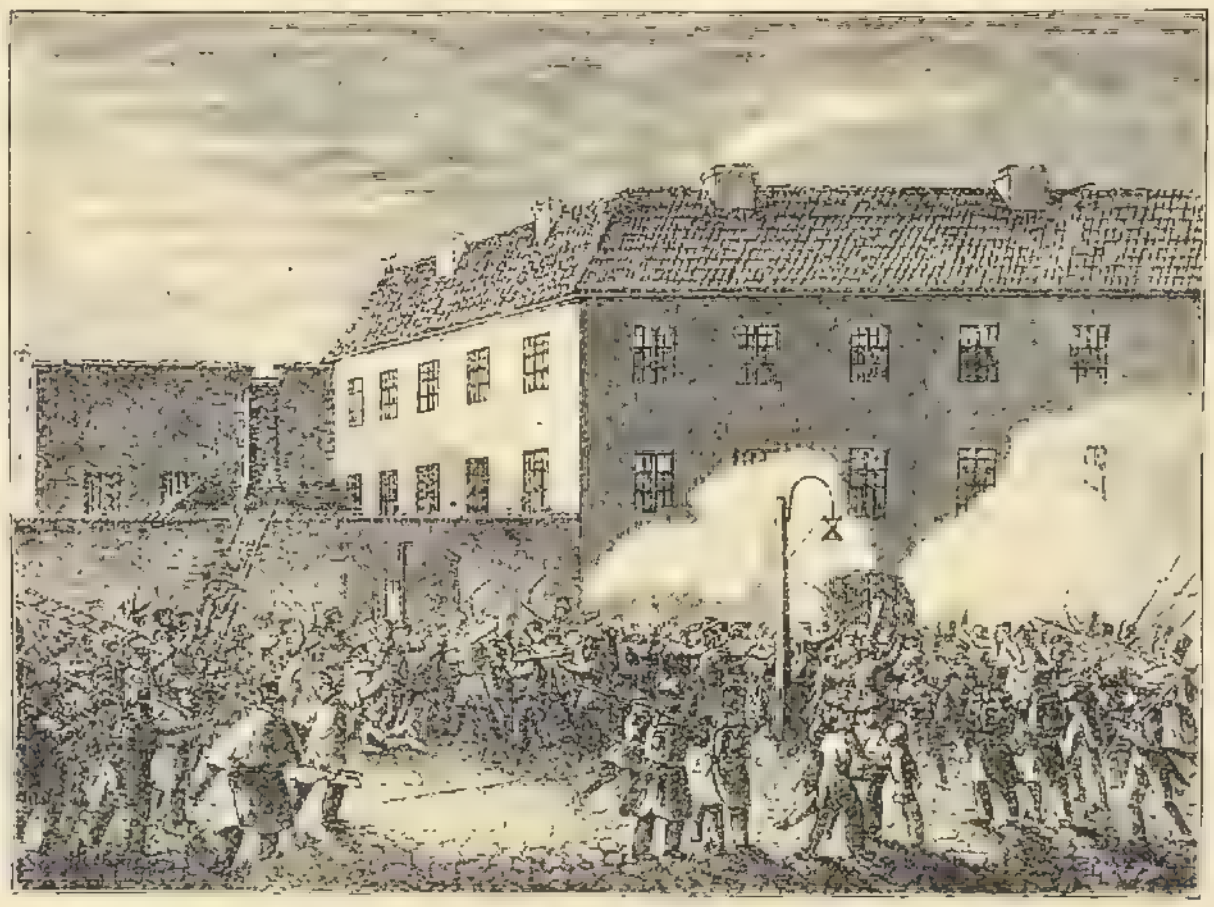
Дѣйствительно все предвѣщало роль политическаго затишья. Европа казалась до нѣкоторой степени успокоенною; всѣ дѣла наши съ Персіею и Портою были окончательно улажены; завистъ западныхъ державъ, повидимому какъ бы умолкла предъ умѣренностью и прямодушіемъ императора Николая; можно было думать, что судьба предоставитъ наконецъ государю возможность посвятить себя, согласно своему сердечному влеченію, исключительно дѣламъ по улучшенію внутренняго положенія своей обширной имперіи. Однако случилось какъ разъ противное. Наступилъ 1830 годъ и вмѣсто успокоенія принесъ съ собою рядъ такихъ потрясающихъ событій, теченіе которыхъ, одно вслѣдъ за другимъ, создало истинно

смутное время для Европы и для Россіи. Первую роль въ этихъ событіяхъ пришлось играть тѣмъ же «Забалканскимъ» и «Эриванскимъ», о которыхъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ Бенкендорфъ.

VII.

Оставаясь всегда и вездѣ строгимъ исполнителемъ даннаго слова, императоръ Николай призналъ необходимымъ собрать въ маѣ 1830 года польскій сеймъ. «Мы существуемъ,—сказалъ въ то время государь:—для упорядоченія общественной свободы и для подавленія злоупотребленій сію». Это былъ первый сеймъ въ его царствованіе и четвертый со времени возстановленія польскаго королевства Александромъ I. Открытіе сейма послѣдовало 16-го мая, и на немъ императоръ Николай произнесъ свою первую конституціонную рѣчь.

«Пять лѣтъ протекло со времени вашего послѣдняго собранія,—началъ свою рѣчь Императоръ:—причины, не зависѣвшія отъ моей воли, помѣшали мнѣ созвать васъ раньше; но причины этого запоздапія къ счастью миновали, и сегодня я съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ вижу себя въ первый разъ окруженнымъ представителями народа. Въ этотъ промежутокъ времени Божественному Провидѣнію угодно было отозвать къ себѣ возстановители вашего отечества; вы всѣ почувствовали великое значеніе этой утраты и поэтому ощутили глубокую печаль: Сенатъ, истолкователь вашихъ чувствъ, выразилъ мнѣ желаніе увѣковѣчить воспоминаніе о благороднѣйшихъ добродѣтеляхъ и о глубокой благодарности. Всѣ поляки призваны содѣйствовать сооруженію памятника, предположенія о которомъ будутъ вамъ представлены. — Всемогущій благословилъ наше оружіе въ двухъ войнахъ, которыя имперія только-что должна была вести. Польшѣ не пришлось нести ихъ тягостей; однако она пользуется выгодами, которыя явились слѣдствіемъ ихъ, благодаря тому братству въ словѣ и интересахъ, которое связуется отнынѣ съ ея неразрывнымъ единеніемъ съ Россіей. Польская армія не приняла активнаго участія въ войнѣ; мое довѣріе указало ей другой постъ, не менѣе важный; она составляла авангардъ арміи, долженствовавшей охранять безопасность имперіи... Безпрерывно возрастающее развитіе промышленности, расширеніе внѣшней торговли, увеличеніе обмѣна продуктами между Польшей и Россіей являются несомнѣнными выгодами, которыми вы уже пользуетесь въ настоящую минуту и которыя въ то же время даютъ вамъ увѣренность въ непрерывномъ возрастаніи вашего благосостоянія... Представители польскаго народа! Выполняя во всемъ объемѣ 45-ю статью конституціонной хартіи (т. е. о коронаціи въ Варшавѣ), я далъ вамъ залогъ моихъ намѣреній. Теперь ваше дѣло упрочить твореніе возстановителя вашего отечества, пользуясь съ умѣренностью и благоразуміемъ правами, которыя онъ даровалъ вамъ. Пусть спокойствіе и единеніе сопутствуютъ вашимъ занятіямъ!»



Взятіе тюрьмы инсургентами въ Варшавѣ. По совр. гравюрѣ.

Тронная рѣчь императора Николая имѣла вообще характеръ дѣловой рѣчи и не оживляла въ памяти ни одного тягостнаго воспоминанія. Но зато это была первая рѣчь къ польскому сейму, которая затрагивала вопросы внѣшней политики; что же касается внутреннихъ вопросовъ, то въ этомъ отношеніи она отличалась большею откровенностью и большей опредѣленностью, чѣмъ рѣчи Александра. Въ ней отсутствовалъ сентиментальный оттѣнокъ; никакое обѣщаніе не возбуждало угасшихъ надеждъ на присоединеніе русскихъ губерній; но король приглашалъ представителей упрочить твореніе возстановителя Польши благоразумнымъ и умѣреннымъ пользованіемъ своими правами.

Закрытіе сейма послѣдовало 16-го іюня. Въ послѣдній разъ польскіе представители услышали рѣчь своего конституціоннаго короля; она заканчивалась словами: «quoique éloigné de vous, je veillerai perpétuellement à votre véritable bonheur». Нѣсколько лѣтъ спустя императору Николаю представился еще разъ случай произнести рѣчь въ Варшавѣ, но она была уже другого содержанія и выходила на этотъ разъ изъ устъ грознаго и неумолимаго укротителя мятежа.

Едва Государь успѣлъ возвратиться въ Петербургъ, какъ вдругъ новая забота овладѣла вниманіемъ правительства. Въ имперіи показалась холера. Эта страшная болѣзнь, извѣстная у насъ дотолѣ только по имени и по описаніямъ произведенныхъ ею опустошеній, наводила повсюду тѣмъ большій ужасъ, что никто не зналъ и не могъ указать противъ нея ни медицинскихъ средствъ, ни полицейскихъ мѣръ. Общее мнѣніе склонялось, однако, въ пользу карантиновъ и оцѣпленій, какъ бы противъ чумы, и въ этомъ смыслѣ правительство тотчасъ приняло всѣ нужныя мѣры, съ тою дѣятельностію, которая твердая воля государя умѣла влагать во всѣ его распоряженія. На указанные пункты направлены были немедленно войска и изъ нихъ, равно какъ изъ мѣстныхъ жителей, образовывались чумные кордоны для спасенія отъ этого бѣдствія внутреннихъ губерній и обѣихъ столицъ.

Къ внутреннимъ затрудненіямъ присоединились вскорѣ и внѣшнія усложненія.

Императоръ Николай уже давно озабоченъ былъ направленіемъ, даннымъ Карломъ X своей внутренней политикѣ. Еще въ началѣ 1830 года, государь выражалъ свои опасенія насчетъ положенія дѣлъ во Франціи и за благополучный исходъ правительственныхъ мѣропріятій, «которыя заставляютъ трепетать за будущее». Выражая надежду, что Богъ предохранитъ Францію и Европу отъ новыхъ несчастій, Николай Павловичъ замѣтилъ: «Во всякомъ случаѣ прискорбно сказать, что сумасшествіе короля (la folie du Roi) всему тому причиною». Шаткое положеніе французскаго правительства тѣмъ болѣе огорчало государя, что онъ съ признательностію относился къ Карлу X за дружественную политику, которой придерживалась Франція во время русско-турецкой войны. Опасенія императора Николая вполнѣ оправдались; вскорѣ въ Парижѣ послѣдовалъ государственный переворотъ, Карлъ X нарушилъ хартію и данную имъ клятву, а затѣмъ начались іюльскіе дни, сопровождавшіеся отреченіемъ короля въ пользу внука, герцога Бордо; торжествующая революція выставила своего кандидата, и намѣстникъ королевства герцогъ Орлеанскій *Людовикъ-Филиппъ* преобразился въ короля французовъ. Императоръ Николай усмотрѣлъ въ устраненіи отъ престола старшей линіи Бурбоновъ и законнаго короля Генриха V одно коварство и преднамѣренное вѣроломство намѣстника королевства и рѣшился прервать сношенія съ Франціею. Едва не дошло до открытаго разрыва; благоразуміе восторжествовало, но

тѣмъ не менѣе императоръ Николай продолжалъ увлекаться мыслью стать во главѣ новой коалиціи и предпринять новый крестовый походъ въ духѣ Александра I противъ враговъ общаго спокойствія. Возстаніе, вспыхнувшее въ Брюсселѣ, подняло въ глазахъ государя вопросъ о необходимости воснаго вмѣшательства съ новой силой. Графъ Орловъ былъ посланъ въ Вѣну, а графъ Дибичъ-Забалканскій въ Берлинъ.

Въ виду воинственнаго характера петербургской политики, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, оставаясь неизмѣнно рѣшительнымъ сторонникомъ мира и невмѣшательства въ чужія дѣла, написалъ государю слѣдующія замѣчательныя строки: «Я сильно сомнѣваюсь, чтобы въ случаѣ, если бы произошелъ вторичный европейскій крестовый походъ противъ Франціи, подобно случившемуся въ 1813, 1814 и 1815 годахъ, мы бы встрѣтили то же рвеніе и то же одушевленіе къ правому дѣлу. Съ тѣхъ поръ сколько осталось обѣщаній не исполненныхъ или же обойденныхъ, и сколько было попрано интересовъ! Въ то время, чтобы сокрушить тиранію Бонапарта, тяготѣвшую надъ континентомъ, повсюду пользовались содѣйствіемъ народныхъ массъ и не предвидѣли, что, рано или поздно, то же оружіе можетъ быть повернуто противъ насъ». Вообще же цесаревичъ, совѣтуя не начинать войны безъ вызова со стороны Франціи, вполнѣ сошелся мыслями съ королемъ прусскимъ. Поэтому фельдмаршалъ Дибичъ не встрѣтилъ въ Берлинѣ особенной склонности къ воинственнымъ предпріятіямъ. Начались безконечныя совѣщанія забалканскаго героя съ прусскими государственными людьми, не менѣе короля опасавшимися, по отношенію къ Франціи, всякаго дѣйствія, носящаго вызывающій оттѣнокъ; войны же Пруссія хотѣла избѣжать, во что бы то ни стало. Мало того, Австрія и Пруссія, безъ предварительнаго соглашенія съ Россіею, признали перемѣну правленія, совершившуюся во Франціи. Императору Николаю оставалось только послѣдовать ихъ примѣру и принести личныя чувства въ жертву сохраненію мира и, отчасти, общественному мнѣнію; государь послѣ долгой внутренней борьбы и не безъ глубокаго сокрушенія и досады призналъ Людовика-Филиппа королемъ французовъ, но въ письмѣ къ нему не назвалъ его «добрымъ братомъ».

Хлопицкій.

Едва это письмо было отправлено по назначенію, какъ узнали о появленіи въ Москвѣ холеры. Императоръ Николай немедленно рѣшился поспѣшить въ первопрестольную столицу, чтобы личнымъ присутствіемъ успокоить встревоженное населеніе. Трудно описать чувства московскихъ жителей при неожиданномъ появленіи царя въ зараженномъ болѣзнью городѣ. «Мы знали, что ты будешь; гдѣ бѣда тамъ и ты», — вотъ крики, которые раздавались среди народной толпы, когда государь остановился у иверскихъ воротъ и приложился къ образу.

Въ Москвѣ императоръ Николай получилъ извѣстіе о дальнѣйшихъ успѣхахъ бельгійской революціи, вслѣдствіе которыхъ нидерландскій король нашелъ себя вынужденнымъ просить союзной помощи, въ силу существовавшихъ трактатовъ. Государь безотлагательно отправилъ повелѣнія графу Чернышеву, фельдмаршалу Сакену и цесаревичу о приведеніи арміи на военную ногу.

Скржинецкій.

Цесаревичъ не былъ обрадованъ воинственнымъ оборотомъ, даннымъ дипломатическимъ переговорамъ, а еще менѣе польское общество того времени, сочувствовавшее іюльскому перевороту; армія же не могла сочувствовать предстоявшему походу, который привелъ бы ее къ вооруженному столкновенію съ Франціею во имя началъ священнаго союза. Хотя повидимому въ Варшавѣ царствовало спокойствіе, но тайныя общества продолжали съ успѣхомъ свою разлагающую работу. Не было, впрочемъ, недостатка въ разныхъ зловѣщихъ признакахъ, указывавшихъ на приближеніе развязки; но цесаревичъ продолжалъ утѣшать себя несбыточными надеждами, что все смирно и спокойно и такъ и останется. Что же касается союзныхъ Россіи европейскихъ державъ, то они не отнеслись къ дѣлу съ такимъ рѣшительнымъ рвеніемъ. Въ данномъ случаѣ одинъ русскій самодержецъ готовъ былъ съ полнымъ безкорыстіемъ стоять на стражѣ нарушеннаго законнаго порядка. Прочія державы нашли несравненно цѣлесообразнѣе обратиться къ содѣйствію дипломатическихъ лекарствъ; въ результатѣ вмѣсто вооруженнаго вмѣшательства началась работа общеевропейской конференціи, собравшейся въ Лондонѣ для улаженія возникшаго бельгійскаго вопроса мирнымъ путемъ.

Графъ Дибичъ все еще выжидалъ въ Берлинѣ окончанія порученныхъ ему переговоровъ, когда они внезапно прервались отъ происшествія, на которое фельдмаршалъ вовсе не разсчитывалъ въ данную минуту. 21-го ноября 1830 года Дибичъ получилъ отъ прусскаго министра графа Бернсторфа извѣщеніе о революціи, происшедшей въ Варшавѣ 17-го ноября: польская армія, входившая въ составъ подготовлявшейся коалиціи, обратила оружіе противъ Россіи. Дибичу оставалось сдѣлать одно — какъ можно быстрѣе поспѣшить въ Петербургъ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ императоръ Николай получилъ только вечеромъ 25-го ноября 1830 года донесеніе цесаревича о возмущеніи войскъ и жителей Варшавы.

На другой день назначенъ былъ разводъ отъ преображенскаго полка. Государь по обыкновенію пріѣхалъ въ манежъ. Сначала все шло своимъ порядкомъ; даже слѣдовъ душевной тревоги не обнаруживалось на этомъ прекрасномъ лицѣ съ классически правильнымъ профилемъ; оно сохраняло, какъ и всегда, свое величавое благородство. При концѣ развода императоръ Николай, выѣхавъ на средину манежа, подозвалъ къ себѣ офицеровъ и лично объявилъ имъ о варшавскомъ мятежѣ. «Я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы указанныя мною войска двинулись къ Варшавѣ, а если будетъ нужно, то пойдете и

вы, моя гвардія, пойдете наказать измѣнниковъ и возстановить порядокъ и оскорбленную честь Россіи. Знаю, что я во всѣхъ обстоятельствахъ могу полагаться на васъ»,—сказалъ государь. Единодушный взрывъ негодованія охватилъ мгновенно всѣхъ присутствовавшихъ, раздался восторженный крикъ: «Веди насъ противъ мятежниковъ; мы отомстимъ за оскорбленную честь Россіи!» Цѣловали у государя руки, ноги, полы при крикахъ: ура. Порывъ негодованія былъ такъ силенъ, что Николай Павловичъ счелъ необходимымъ умѣрить его и съ свойственнымъ ему величіемъ напомнилъ офицерамъ, его окружавшимъ, что не всѣ поляки нарушили клятву, что должно карать зачинщиковъ мятежа, но не мстить народу, прощать раскаявшихся и не допускать ненависти.

Изъ послѣдовавшихъ затѣмъ донесеній великаго князя которые всѣхъ сбили съ толку. Однимъ словомъ, положеніе дѣлъ самое скверное, и я не знаю, что изъ этого, по благости Божіей, выйдетъ? Всѣ мои средства надзора ни къ чему не привели, несмотря на то, что все начинало раскрываться. Вотъ мы, русскіе, у границы, по великій Боже въ какомъ положеніи, почти босикомъ; всѣ вышли какъ бы на тревогу, въ надеждѣ вернуться въ казармы, а вмѣсто того совершили ужасные переходы. Офицеры всего лишились и имѣютъ лишь то, что на нихъ надѣто. Я сокрушенъ сердцемъ; на $51\frac{1}{2}$ году жизни и послѣ $35\frac{1}{2}$ лѣтъ службы я не думалъ, что кончу свою карьеру столь плачевнымъ образомъ. Молю Бога, чтобы эта армія, которой я посвятилъ шестнадцать лѣтъ жизни, одумалась и вернулась на путь долга и чести, признавъ свое заблужденіе прежде, чѣмъ

Сѣнная площадь въ 1830 году.

сударь узналъ, что цесаревичъ разрѣшилъ оставшимся при немъ частямъ польской арміи возвратиться въ Варшаву; взамѣнъ этого явившіеся къ цесаревичу депутаты обѣщали ему и русскому отряду свободный проходъ къ границамъ имперіи.

Рѣшено было сосредоточить на польской границѣ достаточное число войскъ, чтобы затѣмъ уже дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ противъ мятежниковъ. *Графъ Дибичъ* назначенъ былъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи; мѣсто начальника штаба арміи занялъ *графъ Толь*.

По достиженіи цесаревичемъ русской границы, онъ писалъ императору Николаю: «И вотъ твореніе шестнадцати лѣтъ совершенно разрушено подпрапорщиками, молодыми офицерами и студентами съ компаніею. Я не распространяюсь объ этомъ болѣе, но долгъ повелѣваетъ мнѣ засвидѣтельствовать передъ вами, что собственники, сельское населеніе и всѣ, кто только владѣетъ хоть какимъ-нибудь имуществомъ, въ отчаяніи отъ этого. Офицеры, генералы, равно какъ и солдаты не могли удержаться, чтобы не послѣдовать за общимъ движеніемъ, будучи увлечены молодежью и подпрапорщиками, будутъ приняты принудительныя мѣры. Но это было бы слишкомъ хорошо для вѣка, въ которомъ мы живемъ, и я сильно сомнѣваюсь въ осуществленіи моихъ желаній».

Съ каждымъ днемъ соглашеніе съ Польшею становилось все болѣе невозможнымъ. Обѣ враждовавшія стороны готовились къ войнѣ. 5-го декабря обнародовано было воззваніе императора Николая къ войскамъ и народу польскаго королевства, а 12-го появился манифестъ, въ которомъ выражалась готовность къ примиренію со всѣми, кои возвратятся къ долгу. Между тѣмъ въ Варшавѣ водворился диктаторомъ генералъ *Хлопицкій*, но и онъ не былъ въ силахъ спасти Польшу отъ разрыва съ Россіей. Въ Петербургъ посланы были два депутата для переговоровъ съ императоромъ Николаемъ. Это были: министръ финансовъ *князь Любецкій* и членъ сейма *графъ Езерскій*. Но и эти переговоры не могли отвратить кровавой развязки, наступившей въ 1831 году.

«Трудно прозрѣть будущее»,—писалъ императоръ Николай къ цесаревичу: «но соображая, въ предѣлахъ человѣческаго разума, взвѣшивая различныя вѣроятія успѣха, трудно пред-

положить, чтобы новый годъ оказался бы для насъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ 1830 годъ; дай Богъ, чтобы я не ошибся. Я желалъ бы видѣть васъ спокойно водворившимся въ вашемъ Бельведерѣ и порядокъ возстановленнымъ повсюду, но сколько еще предстоитъ сдѣлать прежде, чѣмъ быть въ состояніи достигнуть этого. Кто изъ двухъ долженъ погибнуть— такъ какъ повидимому погибнуть необходимо — Россія или Польша? Рѣшайте сами. Я исчерпалъ всѣ возможныя средства, чтобы предотвратить подобное несчастіе; средства совмѣстимыя только съ *честью* и моею *совѣстью*, эти средства исчерпаны, или, по крайней мѣрѣ, ничто не можетъ заставить меня повѣрить, чтобы ихъ хотѣли тамъ. Что же мнѣ остается дѣлать?»

Вскорѣ, собравшійся въ Варшавѣ, сеймъ принялъ рѣшеніе, довершившее собою разрывъ Польши съ Россіею. 13-го января, 1831 года сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишенною польскаго престола. Такимъ образомъ сами поляки развязали руки императору Николаю, и единоборство Россіи съ Польшею стало неизбѣжнымъ. Императоръ Николай отвѣтилъ на этотъ вызовъ манифестомъ, по которому русскія войска перешли польскую границу. 13-го февраля послѣдовалъ уже рѣшительный бой передъ Прагою при *Гроховѣ*, заставившій польскую армію отступить въ Варшаву съ потерею до 12.000 человѣкъ.

Но графъ Дибичъ не призналъ возможнымъ воспользоваться одержанной побѣдой, которая неизбѣжно завершилась бы занятіемъ польской столицы, и Забалканскому не суждено было сдѣлаться княземъ Варшавскимъ. Польскія войска безпрепятственно отступили черезъ единственный мостъ въ Варшаву; новый польскій главнокомандующій *Скржинецкій* принялся за реорганизацію арміи, возстаніе распространилось и въ русскихъ губерніяхъ, и кампанія, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, затянулась на семь мѣсяцевъ. А между тѣмъ это была война, отъ которой, по выраженію императора Николая, зависѣло: «*политическое бытіе Россіи*».

14-го мая графъ Дибичъ одержалъ вторую побѣду надъ польскою арміею, которая также окончилась благополучнымъ ея отступленіемъ. 1-го (13-го) іюня пришлось императору Николаю писать своему фельдмаршалу: «Поступите же наконецъ такимъ образомъ, чтобы я могъ понять васъ». Но это письмо не было уже прочитано графомъ Дибичемъ. 29-го мая фельдмаршалъ внезапно скончался отъ холеры въ с. Клешовѣ близъ Пултуска. Его замѣнилъ фельдмаршалъ *графъ Паскевичъ-Эриванскій*, вызванный государемъ изъ Тифлиса въ Петербургъ еще въ апрѣлѣ 1831 г. Рѣшено было совершить переправу на нижней Вислѣ и двинуться къ Варшавѣ.

Немногими днями пережилъ графа Дибича цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Онъ также скоропостижно скончался отъ холеры, въ Витебскѣ, въ ночь съ 14-го на 15-е іюня 1831 года.

VIII.

Въ столь печальное время ко всѣмъ заботамъ и тревогамъ, волновавшимъ тогда императора Николая, присоединилась еще новая печаль. Съ 14-го іюня въ Петербургѣ открылась холера, которая по прошествіи нѣсколькихъ дней приняла угрожающіе размѣры. Страшная болѣзнь привела въ трепетъ всѣ классы населенія и въ особенности простонародіе, которое всѣ мѣры для охраненія общественнаго здоровья

Николай I усмиряетъ народъ на Сѣнной площади. (Барельефъ на памятникѣ Николаю I въ Петербургѣ).

какъ-то: усиленный полицейскій надзоръ, очищеніе города и даже уходъ за пораженными холерою въ больницахъ, начало считать преднамѣреннымъ отравленіемъ. Стали собираться скопища, останавливать на улицахъ иностранцевъ, обыскивать ихъ для открытія носимаго при себѣ мнимаго яда, гласно обвинять врачей въ отравленіи народа. На послѣдокъ 22-го іюня чернь, возбужденная толками и подозрѣніями, столпилась на Сѣнной площади и, посреди многихъ другихъ безчинствъ, бросилась на домъ, въ которомъ была устроена временная холерная больница. Разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больныхъ, приколотили больничную прислугу и умертвили нѣсколько врачей. Полицейскіе чины оказались безсильными возстановить порядокъ. Наконецъ появленіе военнаго генералъ-губернатора графа Эссена также не достигло цѣли. Баталіонъ семеновскаго полка заставилъ народъ разойтись съ площади въ боковыя улицы, но далеко не пресѣкъ начавшагося волненія.

На другой день императоръ Николай поѣхалъ изъ Петергофа на пароходѣ на Елагинъ островъ. Выслушавъ донесенія разныхъ лицъ о положеніи города, Государь сѣлъ въ коляску съ генералъ-адъютантомъ княземъ Меншиковымъ и поѣхалъ въ городъ на Преображенскій плацъ, гдѣ стоялъ лагеремъ баталіонъ преображенскаго полка. Поблагодаривъ войска, го-

сударь продолжалъ путь черезъ каретную часть, гдѣ погрозилъ нѣкоторымъ скопищамъ и лавочникамъ; оттуда онъ проѣхалъ на Сѣнную площадь, гдѣ собралось до 5,000 народу. Вставъ среди коляски и обратившись къ толпѣ, государь сказалъ: «Вчера учинены были злодѣйства, общій порядокъ былъ нарушенъ; стыдно народу русскому, забывъ вѣру отцовъ своихъ, подражать буйству французовъ и поляковъ, они васъ получаютъ; ловите ихъ, представляйте подозрительныхъ начальству, но злѣсь учинено злодѣйство, здѣсь прогнѣвали мы Бога, обратимся къ церкви; на колѣни, и просите у Всемогущаго прощенія».

Вся площадь стала на колѣни и съ умиленіемъ крестилась, и государь тоже; раздавались восклицанія: «Согрѣшили окаянные». Продолжая свою рѣчь къ народу, государь объявилъ еще толпѣ: «Клявшись передъ Богомъ охранять благоденствіе ввѣреннаго мнѣ промысломъ народа, я отвѣчаю передъ Богомъ и за безпорядки, а потому я ихъ не попущу. Самъ лягу, но не попущу, и горе ослушникамъ».

Въ это время нѣсколько человѣкъ изъ толпы возвысили голосъ. Государь воскликнулъ тогда:

«До кого вы добираетесь, кого вы хотите, меня ли? Я никого не страшусь, вотъ я,»—и съ этими словами государь показалъ на свою грудь.

Раздались крики восторга и ура. Послѣ сего государь, вѣроятно въ знакъ примиренія, поцѣловалъ одного старика изъ народа и возвратился на Елагинъ, а затѣмъ и въ Петергофъ.

Черезъ день императоръ вторично объѣзжалъ городъ. Порядокъ былъ возстановленъ, но холера продолжала свирѣпствовать; умирало до 600 человѣкъ въ день. Только съ половины іюля смертность стала быстро уменьшаться.

Несравненно опаснѣе по своимъ послѣдствіямъ былъ бунтъ, разыгравшійся въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ. Но здѣсь холера и слухи объ отравѣ послужили лишь предлогомъ къ мятежу; сѣмя общаго неудовольствія среди этого творенія графа Аракчеева продолжало существовать, несмотря на всѣ перемѣны, внесенныя императоромъ Николаемъ въ военныя поселенія. Достаточно было одной искры, чтобы вызвать въ поселеніяхъ небывалый досель взрывъ всякихъ неистовствъ; холера и послужила этой искрой.

Еще поселенія не приведены были въ порядокъ, какъ императоръ Николай отправился туда совершенно одинъ и предсталъ передъ собранными баталіонами, запятнавшими себя кровью своихъ офицеровъ и ожидавшими безмолвно и трепетно монаршаго суда.

Польскій мятежъ въ это время съ каждымъ днемъ приближался къ окончательной развязкѣ; онъ былъ рѣшенъ двухдневнымъ штурмомъ Варшавы, послѣдовавшимъ 25-го и 26-го августа. Наконецъ фельдмаршалъ Паскевичъ могъ сообщить государю радостную вѣсть, что «Варшава у ногъ вашего императорскаго величества». Съ этимъ донесеніемъ прибылъ 4-го сентября въ Царское Село флигель-адъютантъ князь Суворовъ.

Императоръ Николай написалъ своему побѣдоносному фельдмаршалу: «Ты, съ помощью Бога всемилосерднаго, поднялъ вновь блескъ и славу нашего оружія, ты наказалъ вѣроломныхъ измѣнниковъ, ты отомстилъ за Россію, ты покорилъ Варшаву — отнынѣ ты *свѣтлѣйшій князь Варшавскій*! Пусть потомство вспоминаетъ, что съ твоимъ именемъ неразлучна была честь и слава Россійскаго воинства, а имя твое да сохранитъ каждому память дня, вновь прославившаго имя русское. Вотъ искреннее изреченіе благодарнаго сердца твоего государя, твоего друга, твоего стараго подчиненнаго».

Послѣ паденія Варшавы, война продолжалась еще нѣкоторое время, но не долго. Главныя силы польской арміи, удалившіяся къ Модлину, кончили тѣмъ, что въ концѣ сентября перешли на прусскую территорію, а 9-го октября сдалась послѣдняя крѣпость Замостье. Польскій мятежъ кончился. Но для Россіи миръ, достигнутый столь тяжкими жертвами, сопровождался новымъ зломъ: въ Европѣ появилась польская эмиграція, которая разнесла по ней ненависть и вопль противъ Россіи и подготовила враждебное настроеніе общественнаго мнѣнія запада противъ русскаго правительства, выражавшееся отнынѣ при каждомъ удобномъ случаѣ и словомъ и дѣломъ.

Императоръ Николай, раздѣлившій съ Москвою въ 1830 г. холерное бѣдствіе, пожелалъ снова побывать въ своей древней столицѣ, когда въ русской землѣ снова водворились миръ и спокойствіе. Государь съ императрицей и наслѣдникомъ пробылъ въ Москвѣ болѣе мѣсяца. Во время пребыванія здѣсь двора, привезли всѣ знамена и штандарты бывшей польской арміи, и государь приказалъ поставить ихъ въ оружейную палату, въ числѣ трофей, скопленныхъ тутъ вѣками. Тамъ же у подножья портрета императора Александра была положена хартія, нѣкогда имъ пожалованная вновь созданному польскому королевству.

Въ Москвѣ императоръ Николай вновь принялъ на службу А. Н. Ермолова и назначилъ членомъ государственнаго совѣта.

Пребываніе государя ознаменовано было первою выставкою россійскихъ произведеній и промышленности въ большомъ Кремлевскомъ дворцѣ. Николай Павловичъ осмотрѣлъ ее въ подробности, и, какъ писали тогда, «казалось, что явился добрый хозяинъ въ семьѣ своей».

По возвращеніи Государя въ Петербургъ, состоялась важная перемѣна въ личномъ составѣ высшей администраціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ и финляндскій генералъ-губернаторъ графъ *Закревскій* былъ по желанію его уволенъ въ отставку. Вмѣсто него финляндскимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ *князь Меншиковъ*, а управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ *Дмитрій Николаевичъ Блудовъ*.

Еще ранѣе въ 1828 году, уволенъ былъ министръ народнаго просвѣщенія адмиралъ *Шишковъ* и замѣненъ *княземъ Ливеномъ*, министръ юстиціи *князь Лобановъ-Ростовскій*.—княземъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, а затѣмъ *Дмитріемъ Васильевичемъ Дашковымъ*, военный же министръ *графъ Татищевъ*—*графомъ Чернышевымъ*.

Послѣ столь тревожнаго всякими событіями 1831 года, для Россіи наступило наконецъ мирное семнадцатилѣтіе, непрерывно продолжавшееся до венгерской войны 1849 года. Многое могло быть достигнуто для благоденствія Россіи при столь благопріятной обстановкѣ; но, къ сожалѣнію, событія 1825 года, а затѣмъ польскій мятежъ оставили за собою глубокій слѣдъ, который отразился на дѣяніяхъ всего мирнаго семнадцатилѣтія и лишилъ его того характера, который онъ несомнѣнно получилъ бы при другихъ обстоятельствахъ. Все ограничилось поэтому поддержаніемъ существующаго порядка, починкою обнаружившейся ветхости въ нѣкоторыхъ частяхъ государственнаго строя при помощи практическаго законодательства, но все дѣлалось безъ всякаго участія общества, одними бюрократическими средствами.

IX.

Князь Варшавскій остался главнокомандующимъ дѣйствующею арміею и назначенъ былъ намѣстникомъ царства Польскаго. Фельдмаршалъ сталъ во главѣ гражданскаго управленія, въ качествѣ предсѣдателя управленія, составленнаго изъ русскихъ и польскихъ чиновниковъ, а также изъ управляющихъ разными частями, замѣнившихъ прежнихъ министровъ. Въ началѣ мая 1832 года въ Петербургъ прибыла польская депутація, состоявшая изъ двѣнадцати лицъ, явившаяся для принесенія благодарности за дарованную жителямъ царства амнистію. Императоръ Николай принялъ ее въ торжественной аудіенціи въ Зимнемъ дворцѣ въ Георгіевской залѣ. Князь Антонъ Радзивилъ, непричастный къ послѣднему мятежу, произнесъ рѣчь.

Король Людовикъ-Филиппъ, несмотря на расположеніе къ нему императора Николая и на недавнія польскія событія, искалъ сближенія съ Россіею. Хотя связь съ Франціею могла парализовать виды англійскаго министерства, враждебнаго нашимъ интересамъ на Востокѣ, однако императоръ Николай, питая естественное отвращеніе къ узурпатору французскаго престола, вѣжливо отклонилъ всѣ его предложенія. Но король не довольствовался этими предложеніями и прислалъ въ Петербургъ маршала *Мортье* герцога Тревизскаго, поручивъ ему стараться пріобрѣсти благорасположеніе императора и установить между обоими монархами менѣе холодныя отношенія. Мортье былъ принятъ со всѣмъ почетомъ, подобающимъ

старому и заслуженному воину, но въ разговорахъ съ маршаломъ государь избѣгалъ даже произносить имя короля французовъ, такъ что въ политическомъ отношеніи въ дѣлахъ не послѣдовало никакихъ перемѣнъ. Въ виду же новыхъ усложненій на Востокѣ, вызванныхъ враждебною противъ султана политикою египетскаго паши *Мехмета-Али*, могло бы представиться для насъ желательнымъ сближеніе съ Франціею; между тѣмъ случилось какъ разъ обратное явленіе, и по необходимости Франція бросилась въ объятія Англіи.

Паша египетскій началъ войну съ Портою; сынъ его *Ибрагимъ-паша* вторгся въ турецкіе предѣлы и не скрывалъ намѣренія отца своего проникнуть до Константинополя и ниспровергнуть колеблющійся тронъ султана. Чтобы дать очевидное доказательство своихъ стремленій къ поддержанію законнаго порядка, императоръ Николай еще ранѣе велѣлъ предложить султану прямую свою помощь, войсками или флотомъ, въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ признаетъ это нужнымъ. Но турки отклонили это предложеніе. Теперь государь возобновилъ свое прежнее предложеніе, которое было вновь отклонено; но Порта просила послать въ Египетъ довѣренное лицо для переговоровъ. Императоръ Николай возложилъ это порученіе на генерала *Николая Николаевича Муравьева*. Прибывъ въ Египетъ, онъ потребовалъ прекращенія военныхъ дѣйствій, что и было немедленно исполнено Мехметомъ-Али. Турки могли оправиться. Но миссія, возложенная султаномъ на Галиль-пашу, испортила все дѣло; онъ раскрылъ передъ Мехметомъ-Али опасенія Дивана и слабость средствъ, которыми располагалъ султанъ. Непріятельскія дѣйствія возобновились, турецкая армія была разбита. Тогда устрашенный султанъ обратился за помощью къ государю, отъ которой онъ прежде столь упорно отказывался. Русскія войска подъ предводительствомъ Муравьева явились на Бос-

Штурмъ Варшавы въ 1831 году. Взятіе укрѣпленія „Воля". Картина Орасія Верне.

форѣ, а *графъ А. Ф. Орловъ* посланъ былъ въ Константинополь въ качествѣ чрезвычайнаго посла. Какъ только Ибрагимъ-паша отступилъ до назначеннаго нами пункта, русскій вспомогательный корпусъ отплылъ изъ Босфора. Современникъ пишетъ, что «иностранцы изумились столь точному исполненію даннаго слова». Но къ немалому огорченію европейской дипломатіи 26-го іюня 1833 года съ Турціею удалось однако заключить союзный *Ункіаръ-Искелесскій* договоръ. Самая существенная часть этого договора заключалась въ томъ, что въ случаѣ необходимости Оттоманская Порта обязана была по требованію Россіи закрыть Дарданельскій проливъ и «не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный подъ какимъ бы то ни было предлогомъ».

Перечисленныя вратцѣ событія на Востокѣ, грозившія даже одно время принять воинственный оборотъ, не помѣшали государю заняться улучшеніями внутренняго управленія имперіи. Военное министерство получило новое образованіе; званіе начальника главнаго штаба было упразднено и всѣ пити военнаго управленія сосредоточились съ 1832 г. въ рукахъ военнаго министра *графа Чернышева*. Затѣмъ въ городскомъ населеніи учреждено было сословіе *почетныхъ гражданъ*, измѣнена была система мѣдныхъ денегъ нашихъ, основанъ *кіевскій университетъ св. Владиміра*, взамѣнъ упраздненнаго виленскаго университета и наконецъ -что было важнѣйшимъ событіемъ этой эпохи—послѣдовало изданіе *Свода законовъ*, приведеннаго къ окончанію неусыпными трудами Сперанскаго, подъ бдительнымъ надзоромъ самого государя.

31-го января 1833 года императоръ Николай явился въ государственный совѣтъ. Государь произнесъ прекрасную рѣчь. На столѣ совѣтской залы лежали 15 томовъ «*Свода*» и 56 томовъ «*Полнаго собранія законовъ*». Рѣчь продолжалась болѣе часа и поражала всѣхъ своею ясностію, послѣдовательностію и силою. Посвящена она была вопросу о необходимости для Россіи систематическаго свода изданныхъ въ разныя времена законовъ, еще сохраняющихъ свою силу. Государь говорилъ, какъ профессоръ, - - замѣтилъ Сперанскій. Положено было: сводъ обнародовать, присовокупивъ ему съ этого же времени силу закона и назначивъ двухъ-лѣтній срокъ на представленіе отъ подлежащихъ властей всѣхъ замѣчаній, какія по опыту могли бы представиться по той или другой статьѣ. По окончаніи этого достопамятнаго засѣданія, государь подозвавъ къ себѣ Сперанскаго, обнялъ его въ присутствіи всѣхъ и надѣлъ на него снятую съ себя самого Андреевскую звѣзду, въ награду славнаго его труда.

Въ томъ же году состоялось первое свиданіе императора Николая съ австрійскимъ императоромъ въ *Мюнхенгрецѣ*. Здѣсь же государь впервые встрѣтился съ австрійскимъ канцлеромъ, *княземъ Меттернихомъ*. Дипломатическіе переговоры окончились заключеніемъ Мюнхенгрецкой конвенціи, по которой обѣ союзныя державы «слѣдуя консервативному духу, преобладающему въ ихъ общей политикѣ», обязывались обоюдно поддерживать существованіе Оттоманской имперіи и противодѣйствовать общими силами всякой комбинаціи, которая нанесла бы ущербъ правамъ верховной власти султана. Въ особой секретной статьѣ положено было препятствовать тому, чтобы верховная власть египетскаго паши не распространилась на европейскія провинціи Оттоманской имперіи.

Меттернихъ могъ торжествовать полную побѣду, напоминающую собою успѣхъ, который нѣкогда достигнутъ былъ при Александрѣ I въ Троппау и Лайбахѣ. Заключеніемъ Мюнхенгрецкой конвенціи, австрійскій канцлеръ достигъ своей давней, завѣтной цѣли, стѣснивъ свободу дѣйствій Россіи по отношенію къ Турціи обязательствомъ ничего не предпринимать на Востокѣ помимо Австріи, безъ полнаго предварительнаго соглашенія съ нею. Вѣрно оцѣнивъ отличительную черту императора Николая, рыцарское великодушіе, и, играя на этой струнѣ, Меттернихъ достигъ такихъ результатовъ, которыхъ вѣнскій кабинетъ не могъ добиться прежде ни хитростью, ни угрозами. Между престарѣлымъ австрійскимъ императоромъ и русскимъ монархомъ завязалась тѣсная личная дружба, имѣвшая рѣшающее вліяніе на дальнѣйшій ходъ политическихъ событій. Императоръ Францъ просилъ дружбы и покровительства государя своему слабому и болѣзненному наслѣднику, эрцъ-герцогу Фердинанду, и объявилъ, что въ духовномъ своемъ завѣщаніи поставилъ въ обязанность послѣднему не предпринимать ничего, когда онъ займетъ престолъ, безъ совѣта императора Николая.

Мехметъ-Али паша, вице-король Египетскій.

Что же касается польскаго вопроса, то дипломатическіе переговоры 1833 года съ Австріею и Пруссіею привели къ тому, что на него стали смотрѣть, какъ на общій всѣмъ тремъ державамъ. Кромѣ того, рѣшено было дѣйствовать противъ революціи, гдѣ бы она ни показалась совокупными силами, и что ни одинъ нарушитель общественнаго спокойствія не найдетъ себѣ убѣжища ни въ которой изъ этихъ державъ, но будетъ преданъ въ руки правосудія въ той изъ нихъ, гдѣ его захватятъ.

Императоръ Николай возвратился въ Петербургъ черезъ Царство Польское, но минуя Варшаву. Государь остановился только въ крѣпости Модлинѣ, названной тогда *Новогеоргіевскомъ*.

1834 годъ ознаменованъ былъ двумя торжествами: 22-го апрѣля, отпраздновано было совершеннолѣтіе наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, а 30-го августа послѣдовало открытіе памятника Александру I.

Осенью того же года императоръ Николай неожиданно для всѣхъ совершилъ поѣздку въ Берлинъ и на обратномъ пути впервые послѣ событій 1831 года посѣтилъ Варшаву.

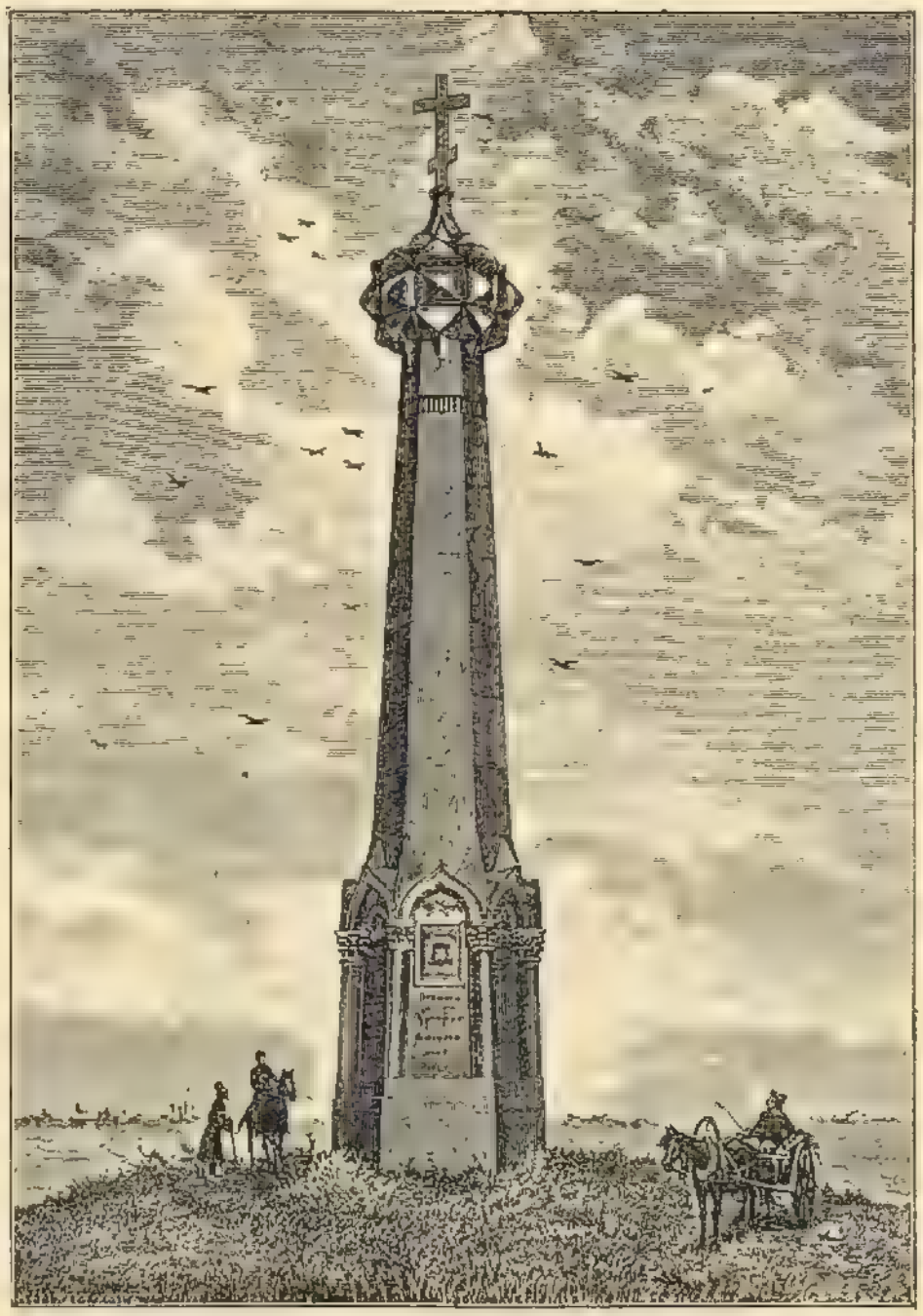
Пребываніе государя весною слѣдующаго 1835 года въ Москвѣ ознаменовано было устройствомъ въ домѣ дворянскаго собранія мануфактурной выставки. Императоръ Николай, чрезвычайно довольный видѣннымъ, призвалъ къ себѣ всѣхъ главныхъ экспонентовъ и, изъявивъ имъ свою благодарность за успѣхи ихъ производствъ, прибавилъ, что теперь, когда промышленность получила надлежащее направленіе и можетъ лишь идти къ дальнѣйшему еще развитію, необходимо, и правительству, и фабрикантамъ обратить свое вниманіе на такой предметъ, при отсутствіи котораго самыя фабрики скорѣе «будутъ зломъ, нежели благомъ». Это,—продолжалъ государь:—попеченіе о рабочихъ, которые, ежегодно возрастая числомъ, требуютъ дѣятельнаго и отеческаго надзора за ихъ нравственностію, безъ чего эта масса людей постепенно будетъ портиться и обратится наконецъ въ сословіе столько же несчастное, сколько опасное для самихъ хозяевъ». Въ заключеніе онъ сослался на примѣръ двухъ фабрикантовъ, находившихся тутъ же въ числѣ прочихъ и особенно отличившихся обращеніемъ своимъ съ рабочими, прибавивъ, что велитъ доносить себѣ о всѣхъ тѣхъ, которые послѣдуютъ этому примѣру, чтобы имѣть удовольствіе явить имъ за то знаки своего благоволенія.

Заговоръ Фіески въ Парижѣ, едва не стоившій жизни Людовику-Филиппу, и кончина императора Франца побудили сѣверные кабинеты гласно заявить остальной Европѣ объ единствѣ началъ, связывавшихъ ихъ общимъ союзомъ. Рѣшенъ былъ новый съѣздъ трехъ монарховъ: Россіи, Пруссіи и Австріи; но на этотъ разъ свиданіе ихъ должно было сопровождаться всѣмъ блескомъ военныхъ торжествъ—достойнымъ воспоминаній совокупныхъ побѣдъ 1813 и 1814 годовъ. Это военное торжество имѣло мѣсто въ *Калишѣ*, какъ ближайшемъ пунктѣ къ границамъ Пруссіи. Здѣсь совмѣстно расположились и маневрировали отряды русскихъ и прусскихъ войскъ въ присутствіи прусскаго короля и императора Николая.

Вслѣдъ затѣмъ императоръ Николай поспѣшилъ въ Теплицъ для свиданія съ австрійскимъ императоромъ *Фердинандомъ*. По словамъ графа Бенкендорфа, контрастъ между двумя императорами былъ поразителенъ. «Рядомъ съ однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ въ мірѣ, исполненномъ силы нравственной и физической, являлся какой то призракъ монарха, стоявшій по осанкѣ и рѣчи ниже самыхъ рядовыхъ людей». Но императоръ Николай свято помнилъ данное имъ Францу обѣщаніе быть опекуномъ имперіи его сына.

Нѣсколько позже прибылъ также въ Теплицъ прусскій король, и въ присутствіи трехъ союзныхъ монарховъ состоялась закладка Кульмскаго памятника. Въ этотъ день императоръ Николай послалъ андреевскую ленту А. П. Ермолову.

Въ заключеніе императоръ Николай неожиданно для всѣхъ поѣхалъ въ Вѣну, чтобы навѣстить вдовствующую императрицу и поклониться праху императора Франца. На возвратномъ пути въ Россію государь остановился въ Варшавѣ во дворцѣ въ Лазенкахъ. Фельдмаршалъ Паскевичъ просилъ о дозволеніи представить городскую депутацію, долженствовавшую поднести приготовленный заранѣе адресъ. Государь согласился на принятіе депутаціи, но отозвался, что говорить будетъ не она, а самъ онъ.



Памятникъ воинамъ, павшимъ на Бородинскомъ полѣ, освященный въ присутствіи императора Николая I въ 1839 г.

Рѣчь, произнесенная тогда императоромъ Николаемъ, произвела не только въ Польшѣ, но и во всей Европѣ глубокое впечатлѣніе; въ ней отсутствовали обыденныя фразы милости и неопредѣленныя обѣщанія, но за то господствовала полнѣйшая искренность чувствъ и словъ. Слушателей въ особенности поразило слѣдующее мѣсто этой знаменитой рѣчи: «Вамъ предстоитъ, господа, выборъ между двумя путями: или участвовать въ мечтахъ о независимой Польшѣ, или жить спокойно и вѣрноподданными подъ моимъ правленіемъ. Если вы будете упрямо лелѣять мечту отдѣльной національности, независимой Польши и всѣ эти химеры, вы только накликнете на себя большія несчастія. По повелѣнію моему воздвигнута здѣсь цитадель, и я вамъ объявляю, что при малѣйшемъ возмущеніи я прикажу разгромить вашъ городъ, я разрушу Варшаву и ужъ, конечно, не я отстрою ее снова. Мнѣ тяжело говорить это вамъ,—очень тяжело государю обращаться такъ съ своими подданными; но я говорю это вамъ для вашей собственной пользы. Отъ васъ, господа, зависѣть будетъ заслужить забвеніе прошедшаго. Достигнуть этого вы можете лишь своимъ поведеніемъ и своею преданностію моему правительству».

При такомъ воззрѣніи на польскій вопросъ продолжала существовать политическая аномалія: вольный городъ *Краковъ*. Въ 1836 году отряды войскъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ заняли Краковъ. Вскорѣ союзныя войска выступили изъ территоріи республики, но оставили въ ней для поддержанія порядка австрійскій отрядъ. Она окончательно была присоединена къ Австріи лишь въ 1847 г.

Оттоманской Портѣ оставалось еще уплатить Россіи значительную часть военной контрибуціи, опредѣленной Адріанопольскимъ миромъ. При разстройствѣ турецкихъ финансовъ вслѣдствіе возстанія египетскаго паши, императоръ Николай сложилъ всю эту недоимку и очистилъ крѣпость *Силистрію*, остававшуюся въ нашихъ рукахъ въ видѣ залога по этому дѣлу. Она была сдана туркамъ со всею артиллеріею, которою мы вооружили ея твердыни. Такая добровольная, неслыханная уступка, сдѣланная вопреки предвидѣніямъ европейскихъ державъ, несказанно обрадовала султана и привела въ пріятное изумленіе кабинеты вѣнскій, лондонскій и парижскій.

Въ августѣ 1836 года императоръ Николай предпринялъ обширное путешествіе по Россіи. Государь посѣтилъ приволжскія губерніи, начиная съ Нижняго Новгорода, а затѣмъ Казань, Симбирскъ и Пензу.

Изъ Пензы государь выѣхалъ въ Тамбовъ. Ночью, не доѣзжая до городка *Чембаръ*, 26-го августа, лошади понесли экипажъ государя, сидѣвшаго въ немъ съ графомъ Бенкендорфомъ и опрокинули коляску. Императоръ Николай сломалъ себѣ при паденіи лѣвую ключицу и вынужденъ былъ прожить въ Чембарѣ, въ зданіи уѣзднаго училища, двѣ недѣли до 8-го сентября, послѣ чего началось обратное путешествіе въ Царское Село черезъ Москву. Здѣсь государь провелъ безвыѣздно двадцать дней, медленно оправляясь отъ послѣдствій своего паденія.

Слѣдующій 1837 годъ императоръ Николай, несмотря на несчастное приключеніе въ Чембарѣ, провелъ особенно дѣятельно, въ безпрерывныхъ переѣздахъ; путешествіе началось 31-го іюля и окончилось въ декабрѣ. Достаточно одного перечисленія городовъ, въ которыхъ останавливался государь, производилъ смотры войскамъ и осматривалъ все достопримѣчательное, чтобы получить понятіе о его дѣятельности. Это были: Псковъ, Динабургъ, Ковно, Вильна, Минскъ, Бобруйскъ, Кіевъ, Вознесенскъ. Въ этомъ мѣстечкѣ назначено было произвести смотръ собранной здѣсь кавалеріи. Стараніями графа Витта это мѣстечко, менѣе чѣмъ въ годъ, превращено въ настоящій городъ, съ дворцомъ для царской фамиліи, обширнымъ садомъ, театромъ, около двухъ десятковъ большихъ домовъ для знатныхъ особъ и до полутораста меньшихъ для свиты и для приглашенныхъ на этотъ смотръ генераловъ, офицеровъ и заграничныхъ гостей. Для смотра здѣсь сосредоточились 350 эскадроновъ съ 144 конными орудіями. 4-го сентября императоръ Николай продолжалъ предначертанное

путешествіе; онъ посѣтилъ затѣмъ Николаевъ, Севастополь, Геленджикъ, Анапу, Керчь, Редутъ-Кале, Кутаисъ, Ахалцыхъ, Сардаръ-Абазъ, Эчміадзинскій монастырь, Эриванъ, Тифлисъ, Владикавказъ, Пятигорскъ, Георгіевскъ, Ставрополь, Аксай, Новочеркаскъ, Воронежъ и Москву. 13-го декабря императоръ Николай возвратился въ Петербургъ.

Едва прошло нѣсколько дней, какъ 17-го декабря вечеромъ начался пожаръ Зимняго дворца. Никакія человѣческія средства не могли прекратить распространеніе огня; удалось только отстоять одинъ эрмитажъ съ его вѣковыми сокровищами. Развалины дворца продолжали горѣть трое сутокъ. Государь съ семействомъ поселился въ Аничковскомъ дворцѣ.

Немедленно приступлено было къ отстройкѣ Зимняго дворца согласно его первоначальному виду; 25-го марта 1839 года дворецъ былъ освященъ и государь съ семействомъ водворился въ немъ попрежнему. Въ признательность всѣмъ трудившимся при отстройкѣ дворца, выбита была медаль съ надписью: «Благодарю».—«Труды все превозмогаютъ».

Въ послѣдній день Пасхи императоръ Николай разрѣшилъ допустить посѣтителей во всѣ парадныя залы съ галлереями и проходные покои. Въ этотъ день перебывало во дворцѣ до 200,000 человѣкъ, съ 6-ти часовъ вечера до 2-хъ часовъ пополуночи. Дважды государь съ семействомъ прошелъ по всѣмъ направленіямъ по переполненному публикою дворцу. Очевидецъ пишетъ, что «публика продолжая семь часовъ визитацію до того переполнила дворецъ сырымъ, нарпымъ удушливымъ воздухомъ, что стѣны, колонны и ваянія съ нижними окнами, опотѣвши, ручьями изливали сырость на паркетъ, и рѣшительно ихъ испортила; а мраморы въ желтоватый тусклый цвѣтъ преобразовались». На исправленіе всѣхъ поврежденій потребовалось 35.000 рублей ассигнаціями. Но этимъ однимъ приключеніемъ дѣло не обошлось; лѣтомъ, къ счастію во время пребыванія императорской фамиліи въ Петергофѣ, ночью обрушился потолокъ въ Георгіевской залѣ съ семнадцатью привѣшенными массивными люстрами.

X.

Если историку приходится удивляться безпрерывнымъ путешествіямъ и переѣздамъ Александра I, то въ этомъ отношеніи императоръ Николай далеко опередилъ своего предшественника. 1838 годъ ознаменовапъ былъ посѣщеніемъ государемъ Берлина, а затѣмъ Стокгольма; здѣсь бывшему маршалу Бернадоту, Карлу XIV, суждено было неожиданнымъ образомъ увидѣть у себя гостемъ русскаго самодержца. Едва государь успѣлъ возвратиться въ Петергофъ, какъ начались новые переѣзды. Николай Павловичъ отправился въ Варшаву, а затѣмъ, побывавъ въ Силезіи, Саксоніи, Теплицѣ, Баваріи, Виртембергѣ, Пруссіи, моремъ изъ Штетина возвратился въ Ревель, а оттуда сухимъ путемъ въ Царское Село.

Императоръ Николай любилъ большіе сборы войскъ. Послѣ Калиша и Волиссенска, явился новый предлогъ къ таковому сбору: въ 1839 году предстояло открытіе памятника на Бородинскомъ полѣ сраженія. Мысль объ этомъ сборѣ занимала государя уже съ 1838 года, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь имѣлось въ виду не простое участіе войскъ къ маневрахъ и ученьяхъ, но увѣковѣченіе преданій о доблестныхъ подвигахъ русской арміи при защитѣ отечества противъ вторженія Наполеона. Ко дню открытія Бородинскаго памятника, 26-го августа вокругъ него сосредоточено было 120,000 человѣкъ. Государь пригласилъ къ этому торжеству уцѣлѣвшихъ сподвижниковъ Кутузова и множество иностранныхъ гостей.

Въ день Бородинскаго боя состоялся большой парадъ всѣхъ собранныхъ на этой исторической мѣстности войскъ. Утромъ, до начала парада, прочитанъ былъ войскамъ слѣдующій Высочайшій приказъ, собственноручно написанный императоромъ Николаемъ:

«Ребята! Предъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей. Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить Русское войско, стоявшее за Вѣру, Царя и Отечество. Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ—и мы вошли въ Парижъ. Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. И такъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ императору Александру I: его твердою волею спасена Россія; вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ вашимъ, и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству! Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему государю и общей матери нашей Россіи».

Этотъ приказъ произвелъ въ войскахъ большое одушевленіе; но иностранцамъ приказъ сильно не понравился; онъ показался имъ страннымъ и почти оскорбительнымъ; они находили, что «въ сущности это одѣ высокопарныя фразы».

Три дня спустя императоръ Николай воспроизвелъ Бородинскую битву. Подъ конецъ маневровъ императоръ Николай не удержался и исправлялъ ошибки, яко бы сдѣланныя нѣкогда, и произвелъ съ драгунами большое обходное движеніе противъ лѣваго фланга и тыла французской арміи.

Послѣ открытія Бородинскаго памятника въ Москвѣ была произведена закладка храма Христа Спасителя, замѣнившаго собою брошенный проектъ Александровскаго царствованія, который предполагалось осуществить на Воробьевыхъ горахъ. Этимъ торжествомъ окончилось памятованіе 1812 года, избавившаго Россію отъ иноплеменнаго нашествія и послужившаго зарей освобожденія Европы.

1839 годъ ознаменованъ былъ еще однимъ важнымъ событіемъ: *возсоединеніемъ уніи.*

Понемногу исчезали съ политическаго поприща александровскіе дѣятели. Графъ *В. П. Кочубей* съ 1827 года предсѣдатель Государственнаго Совѣта, затѣмъ канцлеръ внутреннихъ дѣлъ, умеръ въ 1834 году. Его замѣнилъ въ Государственномъ Совѣтѣ *Н. Н. Новосильцевъ.* Послѣ его смерти въ 1838 году, императоръ Николай назначилъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта графа Илларіона Васильевича *Васильчикова,* который пробылъ въ этомъ званіи до кончины своей, послѣдовавшей въ 1847 году.

Всего болѣе огорчила императора Николая кончина въ 1839 году *Сперанскаго.* Государь признавалъ эту потерю ужасною, неизмѣримою и сказалъ о немъ: «Сперанскаго не всѣ понимали и не всѣ умѣли довольно цѣнить; сперва и я самъ, можетъ быть больше всѣхъ, былъ виноватъ прютивъ него въ этомъ отношеніи. Мнѣ столько было наговорено о его либеральныхъ идеяхъ; клевета коснулась его даже и по случаю исторіи 14-го декабря! Но потомъ всѣ эти обвиненія разсыпались, какъ пыль. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго, преданнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностію. Теперь всѣ знаютъ, чѣмъ я, чѣмъ Россія ему обязаны—и клеветники умолкли. Единственный упрекъ, который могъ бы я ему сдѣлать, это чувство его къ покойному брату; но и тутъ конечно»... Государь остановился, не кончивъ своей мысли, въ которой, вѣроятно, заключалось тайное, невольное оправданіе Сперанскаго.

Въ 1844 году скончался нѣсколько иной государственный дѣятель, еще болѣе близкій къ императору Николаю; это былъ графъ *А. Х. Бенкендорфъ,* о которомъ государь сказалъ: «онъ ни съ кѣмъ меня не поссорилъ, а со многими примирилъ». Преемникомъ его по управленію III-мъ отдѣленіемъ избранъ былъ графъ *А. Ф. Орловъ;* онъ остался на этомъ мѣстѣ въ продолженіе всѣхъ послѣдующихъ годовъ царствованія императора Николая.

Въ томъ же 1844 году министръ финансовъ еще Александра I, графъ *Е. Ф. Канкринъ,* вынужденъ былъ по болѣзни оставить вѣренное ему министерство, которымъ онъ управлялъ двадцать два года; въ слѣдующемъ 1845 году онъ скончался. По справедливому замѣчанію его біографа, Канкринъ оставилъ Россіи въ наслѣдство: «Благоустроенные финансы, твердое металлическое обращеніе, вексельный курсъ, оказывавшійся въ пользу нашего отечества. Россія была въ финансовомъ отношеніи могущественною державою, кредитъ которой нельзя было подорвать. И все это было достигнуто безъ сколько-нибудь значительныхъ займовъ, почти безъ повышенія налоговъ, единственно въ силу желѣзной воли, необычайной бережливости и дарованій одного человѣка, ставившаго благо народа выше всего и умѣвшаго ему служить».

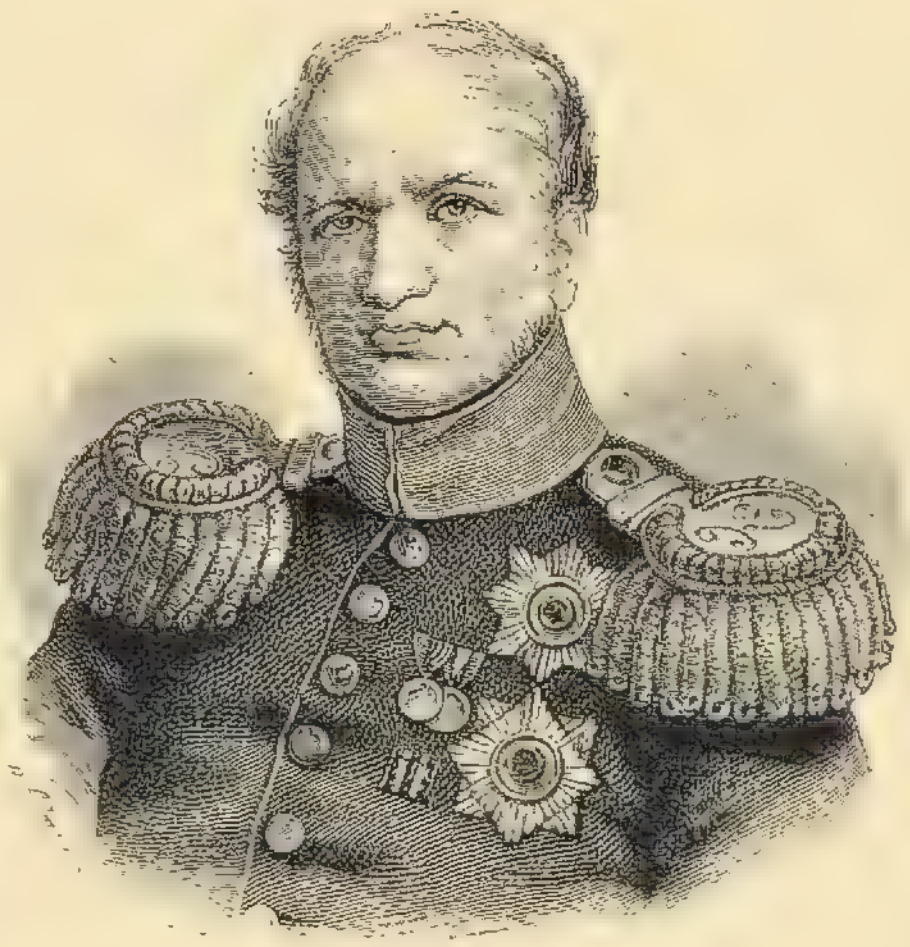
Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти блестящіе результаты могли быть достигнуты потому только,

что за графомъ Канкринымъ стоялъ императоръ Николай. Враговъ у министра и его денежной реформы было великое множество; но козни ихъ рушились передъ всемогущею волею того лица, который никогда не колебался. На этотъ разъ эта непреклонная воля попала на вѣрный путь, и въ результатѣ оказался небывалый финансовый успѣхъ, не смотря на три войны, избѣгнуть которыя Россія не могла бы даже при идеальномъ миролюбіи ея правителя; а къ этимъ бѣдствіямъ слѣдуетъ еще присоединить холеру и неурожаи. Исчезновеніе Канкрина сопровождалось важными послѣдствіями; его замѣнилъ неспособный *Вронченко*, а Николай Павловичъ взялъ въ свои руки финансы, подобно прочимъ отраслямъ государственнаго управленія.

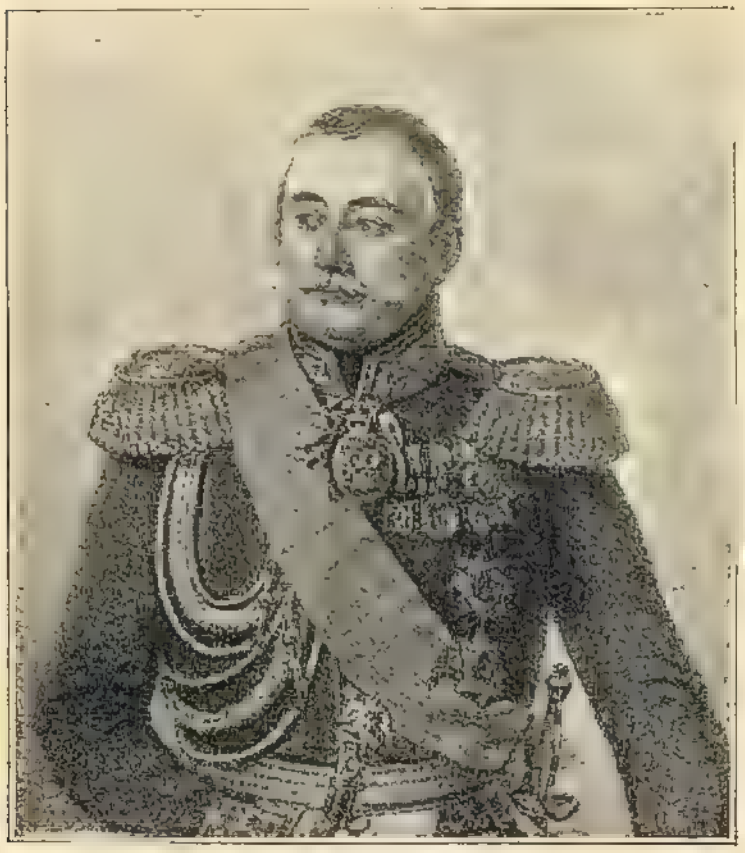
Изъ бывшихъ сподвижниковъ Александра I долѣе всѣхъ бодрствовалъ князь *П. М. Волконскій*. Онъ дожилъ до полученія фельдмаршальскаго жезла и умеръ въ 1852 г., пробывъ двадцать пять лѣтъ министромъ императорскаго двора.

Одинъ изъ молодыхъ дѣятелей Александровскаго времени, П. Д. *Киселевъ*, бывшій начальникъ штаба второй арміи, достигъ въ царствованіе императора Николая необычайнаго возвышенія. Въ 1825 году звѣзда его едва не померкла навсегда; но вскорѣ она засіяла новымъ блескомъ и по возвращеніи изъ придунайскихъ княжествъ, которыми онъ управлялъ съ 1829 года, Киселевъ преобразился въ министра и графа. «Ты будешь мой начальникъ штаба по крестьянской части».—сказалъ ему государь, и въ этихъ видахъ 1-го января 1838 года учреждено было *министерство государственныхъ имуществъ*, образованное изъ департамента,

Орловъ.



Канкринъ.



Волконскій.

входившаго до того въ составъ министерства финансовъ.

XI.

Новый путь, на который вступила русская политика со времени Мюнхенгрецкаго свиданія, невыгодно отозвался въ особенности на отношеніяхъ Россіи къ Востоку. Дальнѣйшее развитіе турецко-египетской распри привело въ 1840 году къ заключенію Лондонской конвенціи между Россіею, Англіею, Австріею и Пруссіею съ одной стороны и султаномъ съ другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ четыре державы обязывались «блюсти за поддержаніемъ цѣлости и независимости Оттоманской Имперіи въ интересѣ упроченія европейскаго мира». Въ Петербургѣ остались весьма довольными Лондонскою конвенціею, исключавшею Францію изъ европейскаго «концерта», и усматривали въ ней первый шагъ къ возстановленію шомонскаго союза четырехъ великихъ державъ противъ революціонной Франціи. Химеры 1814 и 1815 годовъ все болѣе уклоняли Россію отъ пути, ведущаго къ соблюденію ея истинныхъ интересовъ. Дѣйствительно въ порывѣ безпримѣрнаго безкорыстія, императоромъ Николаемъ принесены были въ жертву: принципъ невмѣшательства иностранныхъ державъ въ наши отношенія съ Портой и Ункіаръ-Искелесскій договоръ. Мы вполнѣ добровольно отступили на второй планъ и сами же содѣйствовали къ возвышенію обаянія Англіи на Востокѣ.

Вступивъ разъ на ложный путь и увлекаясь все болѣе интересами консервативной Европы, въ ущербъ насущнымъ выгодамъ Россіи, трудно было снова воскресить въ отношеніяхъ къ Турціи традиціонную нашу политику. Затѣянный «концертъ» продолжался, и въ 1841 году подписанъ былъ новый Лондонскій договоръ, на этотъ разъ уже пятью великими державами. Новое соглашеніе привело къ европейской опекѣ надъ нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ и вѣковымъ противникомъ и къ безусловному закрытію обоихъ проливовъ (Дарданелловъ и Босфора) для военныхъ судовъ всѣхъ державъ. А что было хуже всего, послѣ временнаго охлажденія англо-французскій союзъ снова вошелъ въ силу. Вотъ какими послѣдствіями сопровождалось отреченіе Россіи отъ самостоятельной

Кочубей.

восточной политики и замѣна ея обще-европейскимъ согласіемъ по отношенію къ Турціи.

Что же касается Австріи и Пруссіи, то съ каждымъ годомъ императоръ Николай могъ менѣе разсчитывать на ихъ союзъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ онъ этого желалъ; вращаясь попрежнему въ идеяхъ священнаго союза, онъ не допускалъ возможности проявленія новыхъ политическихъ теченій и взглядовъ, отличныхъ отъ прежнихъ. Въ 1840 году скончался король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III, а преемникъ его Фридрихъ-Вильгельмъ IV оказался склоннымъ къ постепенному водворенію конституціонной формы правленія. Подобная уступка духу времени преисполнила императора Николая глубокою печалью и горечью, которыя онъ въ 1847 году излилъ въ письмѣ къ князю Варшавскому въ слѣдующихъ рѣзкихъ выраженіяхъ: «Итакъ вотъ, чего мы опасались, сбылось. Пруссія изъ нашихъ рядовъ выбыла и ежели еще не перешла въ ряды враговъ, то почти навѣрно полагать можно, что чрезъ малое время и вопреки волѣ короля станетъ явно противъ насъ, то есть противъ порядка и законовъ! Нетерпѣніе короля чваниться передъ своими камерами побудило его безъ всякой причины ихъ теперь же созвать, какъ бы въ доказательство, что смѣется надъ нами и надъ тѣми, которые не переставали выставлять ему всю безразсудность его затѣй. Что изъ этого выйдетъ, одинъ Богъ знаетъ. Но одно уже положительно: насъ было *трое*, теперь мы много, что *двое*; но за то отвѣчаю положительно, что я тверже и непоколебимѣе пребуду въ правилахъ, которыя унаслѣдовалъ отъ покойнаго государя, которыя себѣ усвоилъ и съ которыми съ помощію Божіею надѣюсь и умереть. Въ нихъ одинъ вижу наше спасеніе. Старой Пруссіи нѣтъ, она погибла невозвратно; нынѣшняя ни то ни сё, что то переходное, а будущее ужасно—вотъ мое убѣжденіе, отъ котораго желалъ бы, но не могу отойти».

Императоръ Николай I провожаетъ гробъ солдата. Рис. Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

Вообще государь находилъ, что Пруссія «не въ галопъ, а въ карьеръ идетъ къ разрушенію», а что въ остальной Германіи «вездѣ дерзость и наглость, а со стороны правительствъ—одна трусость или сумасбродство».

Вотъ съ какими мыслями встрѣтилъ императоръ Николай 1848 годъ, который не даромъ представлялся ему ужаснымъ. Событія не заставили себя ждать. 21-го февраля государь получилъ извѣстіе, что парижскія волненія побудили короля Людовика-Филиппа отказаться отъ престола въ пользу своего внука, графа Парижскаго, а на другой день, во время бала въ Зимнемъ дворцѣ, узнали, что во Франціи была провозглашена республика. Паденіе короля узурпатора обрадовало государя, который сказалъ: «Вотъ наконецъ комедія сыграна и кончена, и бездѣльникъ свергнутъ (voila donc la comédie jouée et finie et le coquin à bas). Вотъ скоро восемнадцать лѣтъ, что меня называли глупцомъ, когда я говорилъ, что его преступленіе будетъ наказано еще на этомъ свѣтѣ, и однако же мои предсказанія теперь исполнились. И подѣломъ ему, прекрасно, безподобно! Онъ выходитъ въ ту же самую дверь, въ которую вошелъ».

Хотя сначала императоръ Николай сказалъ, что дастъ слово, что за этихъ бездѣльниковъ французовъ не будетъ пролито ни одной капли русской крови, но послѣдующія событія поколебали этотъ взглядъ. Вскорѣ послѣдовали одна за другою вѣсти о смутахъ въ Германіи и, наконецъ, даже въ Вѣнѣ: въ тогдашнемъ центрѣ европейскаго консерватизма, восторжествовавшая революція обратила въ бѣгство князя Меттерниха. Всѣ эти событія придали временно воинственный оттѣнокъ настроенію императора Николая, подобно тому, какъ это случилось въ 1830 году; но благоразуміе одержало верхъ, и дѣло ограничилось пока грознымъ манифестомъ 14-го марта 1848 года, который былъ прочитанъ всенародно во всѣхъ петербургскихъ церквахъ и возвѣщалъ слѣдующее:

«Послѣ благословеній долголѣтняго мира западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства. Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи, и, разливаясь повсемѣстно съ наглостію, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, на-

конецъ, и союзныхъ намъ имперій Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и нашей, Богомъ намъ ввѣренной Россіи. Но да не будетъ такъ! По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они не предстали, и, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ со святою нашею Русью защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ. Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный нашъ, отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, царя и отечество, и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святого на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ: Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся: яко съ нами Богъ».

Въ Европѣ посмотрѣли на манифестъ 14-го марта, какъ на вызовъ со стороны Россіи. Въ самой же имперіи манифестъ далеко не способствовалъ успокоенію умовъ. Мирное семнадцатилѣтіе Николаевскаго царствованія приходило къ концу. 19-го марта 1848 года, въ годовщину занятія Парижа въ 1814 году, началось выступленіе первыхъ частей войскъ гвардейскаго корпуса къ нашей западной границѣ, на случай возможной войны.

Уваровъ.

Хотя въ Россіи господствовало въ 1848 году полнѣйшее спокойствіе и все казалось покончennымъ, запакованнымъ и за пятью печатями сданнымъ на почту для выдачи адресату, котораго заранѣе предположено не разыскивать, тѣмъ не менѣе политическое броженіе на западѣ Европы все-таки отразилось на нашихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Явилась возможность провести въ жизнь нѣкоторую реакцію. Задача была не изъ легкихъ, при тогдашнихъ условіяхъ жизни въ Россіи, но усердіе нѣкоторыхъ сторонниковъ реакціоннаго направленія добилось осуществленія своихъ предположеній.

2-го апрѣля 1848 года учрежденъ былъ особый комитетъ для безгласнаго надзора за дѣйствіями цензуры съ обязанностію представлять свои замѣчанія и предположенія непосредственно государю. Онъ состоялъ изъ члена государственнаго совѣта *Д. П. Бутурлина* и статсъ-секретарей барона *М. А. Корфа* и *Дегая*. Надзоръ этого комитета предполагалось сначала ограничить одними лишь періодическими изданіями, но потомъ онъ распространенъ былъ на всѣ вообще произведенія нашей печати. Такимъ образомъ образовалась у насъ съ 1848 года двойная цензура, *предварительная* въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ, просматривавшая *до печати*, и *взыскательная* или *карательная*, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже *напечатанное* и привлекавшая, съ утвержденія и именемъ государя, къ отвѣтственности, какъ цензоровъ, такъ и авторовъ, за все, что признавала предосудительнымъ или противнымъ видамъ правительства. Комитетъ 2-го апрѣля просуществовалъ до 1856 года и былъ закрытъ уже въ царствованіе императора Александра II.

Въ то время когда учрежденъ былъ комитетъ 2-го апрѣля, министръ народнаго просвѣщенія *графъ Уваровъ* былъ уже разбитъ параличемъ; 20-го октября 1849 года онъ по прошенію уволенъ былъ отъ управленія министерствомъ, во главѣ котораго онъ находился съ 1833 года. Преемникомъ ему императоръ Николай избралъ товарища министра *князя Ширинскаго-Шихматова*. Поводомъ къ его назначенію послужила записка, поданная имъ государю, о необходимости преобразовать преподаваніе въ нашихъ университетахъ такимъ образомъ, чтобы впредь всѣ положенія и выводы науки были основываемы не на умствованіяхъ, а на религіозныхъ истинахъ, въ связи съ богословіемъ. Въ то время въ Петербургѣ заговорили, что съ назначеніемъ князя Ширинскаго-Шихматова министерству и самому просвѣщенію въ Россіи данъ не только шахъ, но и матъ.

Новое направленіе, которое придали событія 1848 года внутренней русской политикѣ выступило еще болѣе рельефно въ отношеніяхъ правительства къ крестьянскому вопросу, къ которому императоръ Николай всегда относился съ сочувствіемъ. До 1848 года правительство и общество признавало крѣпостное право за несомнѣнное зло. Противъ этого никто не возражалъ, никто за него въ печати не вступался, и спорили только о томъ: наступило ли время упразднить его и какимъ образомъ измѣнить существовавшій тогда порядокъ. Но затѣмъ взгляды измѣнились; правительство приняло крѣпостное право явнымъ образомъ подъ свое особенное покровительство; оно было безусловно изъято изъ круга тѣхъ вопросовъ, о которыхъ дозволялось разсуждать печатно; самые отдаленные намеки на вредныя его стороны преслѣдовались цензурою съ безпощадною строгостію. Но всего этого было мало.

Усмиреніе Венгріи въ 1849 г. Гергей сдается графу Ридигеру. Рис. Заурвейта.

Въ нашей литературѣ и въ изданіяхъ казенныхъ стали появляться апологіи крѣпостного права, выведенныя не изъ юридическихъ или административныхъ соображеній, но изъ общихъ религіозно-нравственныхъ началъ,—апологіи, такъ сказать, самаго существа крѣпостного права. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи одно мѣсто въ наставленіи для

образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, изданномъ въ 1852 году. Въ пользу крѣпостного права приведены были тексты изъ священнаго писанія, единственный, доселѣ небывалый примѣръ въ нашей литературѣ. Въ немногихъ словахъ преподаваемое правоученіе заключалось къ слѣдующемъ: берегите крѣпостное право, какъ учрежденіе Божественное, какъ Божью заповѣдь, употребляйте его, какъ власть родительскую надъ дѣтьми.

Лѣтомъ холера снова посѣтила Петербургъ. 4-го іюня заболѣлъ первый больной, а 23-го іюня занемогло уже въ одинъ день 1,086 человѣкъ, изъ коихъ умерло болѣе половины. Съ этого дня эпидемія начала медленно уменьшаться. Бѣдствіе постигшее столицу не обошлось безъ нѣкоторыхъ народныхъ волненій, однако не похожихъ на происшествія 1831 года.

Въ слѣдующемъ 1849 году весною открытъ былъ въ Петербургѣ такъ - называемый заговоръ *Петрашевскаго*. Всѣхъ замѣшанныхъ оказалось около 50 человѣкъ. Учреждена была слѣдственная комиссія, а затѣмъ военно-судная комиссія, которая, руководствуясь полевымъ уголовнымъ уложеніемъ, приговорила 21 подсудимаго къ смертной казни. Генералъ-аудиторіатъ представилъ дѣло государю, который не опредѣлилъ ни одной смертной казни, подвергнувъ виновныхъ разнымъ другимъ наказаніямъ. Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что все «дѣло отнюдь не имѣло ни такой важности, ни такого развитія, какія въ началѣ придали ему городскіе слухи, обыкновенно все преувеличивающіе».

XII.

Въ концѣ 1848 года состоялись отреченіе императора Фердинанда и вступленіе на престолъ императора Франца-Іосифа. Возстаніе Венгріи принудило его обратиться къ русскому государю за помощью противъ своихъ мятежныхъ подданныхъ. Императоръ Николай, не колеблясь ни одной минуты, даровалъ просимую помощь и русская армія подъ предводительствомъ князя Варшавскаго вступила черезъ Галицію въ Венгрію. Кампанія завершилась тѣмъ, что мадьярская армія положила оружіе передъ русскими войсками подъ Виллагошемъ, 1-го (13-го) августа 1848 года. «Венгрія»,—доносилъ государю Паскевичъ:—«у ногъ вашего императорскаго величества».

Нессельроде.

Усмиривъ Венгрію, возворивъ своимъ вліяніемъ въ Германіи законный порядокъ, установленный вѣнскимъ конгрессомъ, императоръ Николай достигъ въ 1850 году апогея своего политическаго могущества. «То что сдѣлалъ я съ Венгріею, ожидаетъ всю Европу»,—сказалъ государь.

Передавая наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу всеподданнѣйшій отчетъ по дипломатической части, представленный графомъ Нессельроде 20-го ноября 1850 года ко дню двадцатипятилѣтія царствованія, императоръ Николай начерталъ на немъ слѣдующія достопамятныя слова: «Дай Богъ, чтобъ удалось мнѣ тебѣ сдать Россію такою, какою я стремился ее поставить, сильной, самостоятельной и добродѣющей: намъ—добро, никому—зло».

Но Провидѣніе разсудило иначе. Зловѣщая гроза стала медленно подвигаться со стороны Франціи, и вскорѣ обнаружилось, что новое, наполеоновское правительство задалось цѣлью ниспровергнуть политическое зданіе, воздвигнутое въ 1815 году и охраняемое въ ущербъ выгодамъ Россіи рыцарскимъ безкорыстіемъ императора Николая, съ самаго его вступленія на престолъ.

Въ августѣ 1851 года, императоръ Николай отправился съ семействомъ въ Москву, по случаю двадцатипятилѣтія своего коронованія. Въ первый разъ этотъ переѣздъ совершился по вновь устроенной московской желѣзной дорогѣ, созданной волею императора Николая, противно мнѣнію многихъ просвѣщенныхъ его современниковъ. Открытіе для публики послѣдовало только 1-го ноября.

Въ Москвѣ государя встрѣтилъ князь Варшавскій. Наканунѣ празднованія дня коронованія, императоръ Николай навѣстилъ фельдмаршала и обратился къ нему съ слѣдующими достопамятными словами:

«Завтра исполнится двадцать пять лѣтъ моего царствованія — царствованія, которое ты, Иванъ Ѳедоровичъ, прославилъ своею доблестною службою и заслугами Россіи. При грустныхъ предзнаменованіяхъ сѣлъ я на престолъ русскій и долженъ былъ начать мое царствованіе—казнями, ссылкой. Я не нашелъ вокругъ престола людей, могшихъ руководить царемъ — я долженъ былъ создавать людей и царствовать. У меня не было людей преданныхъ. Дѣла на Востокѣ требовали назначенія туда человѣка твоего ума, твоихъ военныхъ способностей, твоей воли. Я остановился на тебѣ. Само Провидѣніе мнѣ указало на тебя. Ты имѣлъ враговъ — несмотря на всѣ разсказы противу тебя: я держалъ тебя, Иванъ Ѳедоровичъ. Ты доказалъ, отецъ-командиръ, что я былъ правъ. Едва успокоились дѣла на Востокѣ, какъ царство мое посѣтило новое общее несчастіе—холера. Народъ всѣ несчастія приписываетъ лицамъ царствующимъ. Видитъ Богъ, сколько страданій мнѣ стоило это общее народное испытаніе. Война въ Польшѣ — новое испытаніе грустное. Кровь русская лилась или отъ ошибокъ вождя, или отъ неудачъ посылаемыхъ свыше. Дѣла наши были плохи! И снова я ухватился за тебя, Иванъ Ѳедоровичъ, какъ за единственное спасеніе Россіи и снова ты не обманулъ моихъ надеждъ и возвеличилъ царство мое. Двадцатилѣтнимъ управленіемъ края Польскаго ты положилъ начало счастію двухъ родныхъ, враждебныхъ элементовъ. Надѣюсь, что русскій и полякъ составитъ одно царство русское—*славянское*, сохранятъ въ исторіи имя твое, наравнѣ съ именемъ Николая. Нынѣ еще такъ недавно, когда западъ Европы, взволнованный стремленіемъ къ необузданной дикой свободѣ, когда народы ниспровергали законную власть и престолы, въ то время, когда я рѣшился подать руку помощи моему брату и союзнику, монарху Австріи, ты, отецъ - командиръ, повелъ моихъ воиновъ на новую брань — ты смирилъ гидру мятежа! Въ шесть недѣль кончилъ ты войну въ Венгріи, поддержалъ и укрѣпилъ колеблющійся тронъ Австріи. Иванъ Ѳедоровичъ! Ты—слава моего двадцатипятилѣтняго царствованія. Ты—исторія царствованія Николая I-го».

XIII.

Когда принцъ Людовикъ-Наполеонъ совершилъ государственный переворотъ 2-го декабря 1851 года и надо было ожидать возстановленія второй имперіи, императоръ Николай сказалъ, что судя по письму, полученному имъ отъ Фридриха-Вильгельма IV, «ранѣе конца будущаго года Людовикъ-Наполеонъ сдѣлается нашимъ коллегою. Я позволяю себѣ сомнѣваться въ этомъ. Пусть онъ сдѣлается чѣмъ онъ хочетъ, даже великимъ муфтіемъ (Grand-Muftie même), если это ему нравится, но что касается титула императора или короля, я не думаю, чтобы онъ былъ настолько неостороженъ (imprudent), чтобы на него посягнуть». По мнѣнію императора Николая, коль скоро Людовикъ-Наполеонъ пожелаетъ сдѣлаться государемъ, онъ обратится въ *узурпатора*, потому ему недостаетъ «*droit divin*», онъ будетъ государемъ фактически, но никогда не по праву,—однимъ словомъ вторымъ Людовикомъ-Филиппомъ (dès que Louis-Napoléon, le chef électif de la nation veut se faire souverain, il devient *usurpateur*, parce que le *droit Divin* lui manque; sera-t-il con-

quérant ou non, c'est tout à fait indifférent, quand au principe même, il sera sauverain de fait, jamais de droit, en un môt un second Louis-Philippe, moins l'odieux caractère de ce gredin).

Когда же французскіе дипломатическіе представители въ Петербургѣ и въ Варшавѣ вознамѣрились праздновать 15-е августа, императоръ Николай начерталъ по этому поводу слѣдующую резолюцію:

«Публичную церковную службу по Наполеонѣ допустить не слѣдуетъ, ибо онъ императоромъ пересталъ быть, бывъ сосланъ и заперъ на островѣ св. Елены. Нѣтъ никакого приличія праздновать рожденіе покойнаго Наполеона у насъ, откуда препровожденъ былъ съ подобающею честью».

Уже одно появленіе наполеоновской имперіи выходило изъ предѣловъ, которые могъ когда-либо дозволить императоръ позже, въ 1855 году, маленькая Сардинія; но на ихъ сторонѣ находилось нравственное превосходство, сочувствіе всей остальной Европы, помышлявшей уже объ отторженіи отъ Россіи ея завоеваній.

XIV.

Занятіе русскими войсками, подъ начальствомъ князя М. Д. Горчакова, придунайскихъ княжествъ и безуспѣшность дипломатическихъ переговоровъ привели къ тому, что Турція объявила намъ войну 27-го сентября 1853 года. Къ величайшему огорченію императора Николая распоряженія князя Горчакова не соотвѣтствовали обстоятельствамъ. Произошло неудачное дѣло подъ *Олтеницею*, и турки укрѣпились на лѣвомъ берегу Дуная у *Калафата*. На морѣ военныя дѣйствія сопровождались большимъ успѣхомъ. 18-го ноября 1853 года Нахимовъ разгромилъ турецкій флотъ подъ

Пріѣздъ Николая I съ первымъ поѣздомъ николаевской желѣзной дороги въ Москву 19-го августа 1851 г. Встрѣча поѣзда главноуправляющимъ путей сообщенія, графомъ Клейнмихелемъ.

Николай; оно прямо противорѣчило постановленіямъ вѣнскаго конгресса, которыя служили основаніемъ народнаго права Европы. Союзники императора Николая смотрѣли, однако, на дѣло нѣсколько иначе: Австрія и Пруссія признали Наполеона III. Тогда государю оставалось только, скрѣпя сердце, послѣдовать ихъ примѣру; но за то государь отступилъ отъ общепринятыхъ дипломатическихъ формъ и въ письмѣ своемъ къ Наполеону III назвалъ его не братомъ, но «*le bon ami*».

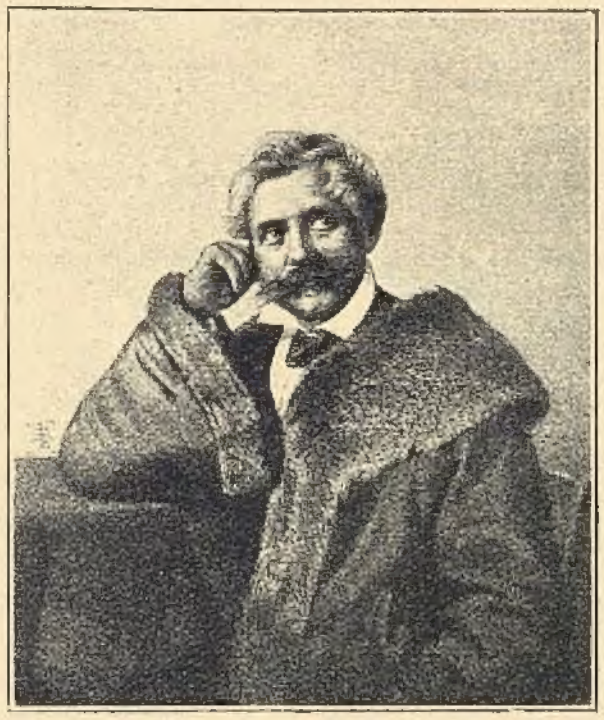
Вскорѣ на политическомъ горизонтѣ явился восточный вопросъ, ловко выдвинутый съ затаенною цѣлью Наполеономъ III; коварные разсчеты его не замедлили оправдаться: русскія войска перешли въ 1853 году Прутъ, и заняли княжества, какъ залогъ, до исполненія требованій предъявленныхъ Оттоманской Портѣ со стороны императора Николая. Австрійская неблагодарность открыла безопасный путь для козней англо-французской дипломатіи. Началась Восточная война, сперва въ турецкихъ предѣлахъ, а затѣмъ сосредоточившаяся на Крымскомъ полуостровѣ, вокругъ Севастополя. Противъ Россіи, въ союзѣ съ Турціею, ополчилась Франція, Англія и *Синопомъ* — это было послѣднимъ утѣшительнымъ военнымъ событіемъ, обрадовавшимъ императора Николая. Но послѣдствія этой побѣды оказались для насъ тяжкими: англо-французскій флотъ вошелъ въ Черное море, и всякая надежда избѣгнуть войны съ западными державами отнынѣ исчезла. Манифестомъ 9-го февраля 1854 года было объявлено о прекращеніи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціею и Англіею.

11-го марта 1854 года русская армія совершила переправу черезъ Дунай въ трехъ пунктахъ: Браиловѣ, Галацѣ и Измаилѣ и утвердилась на правомъ берегу рѣки. Англія и Франція потребовали отъ насъ очищенія княжествъ, объявивъ, что неисполненіе этого предложенія сочтутъ равносильнымъ объявленію войны. На подобное требованіе императору Николаю оставалось только отвѣтить отказомъ. Послѣдствія его не замедлили обнаружиться; 10-го апрѣля Одесса уже подверглась бомбардированію со стороны непріятельскаго флота.

Князь Горчаковъ намѣревался открыть наступательныя дѣйствія противъ крѣпости *Силистріи;* но предпріимчивость

князя, выразившаяся занятіемъ Гирсова, вскорѣ прекратилась и безслѣдно исчезла. Къ нижнему Дунаю прибылъ фельдмаршалъ князь Варшавскій, назначенный главнокомандующимъ всѣми войсками, на западной и южной границахъ расположенными. Хотя императоръ Николай смотрѣлъ на удачный переходъ черезъ Дунай, какъ на *залогъ будущихъ успѣховъ противъ враговъ святой вѣры и отечества*, и ожидалъ отъ арміи дальнѣйшихъ подвиговъ, но не такъ смотрѣлъ на дѣла наши на Балканскомъ полуостровѣ фельдмаршалъ. Подъ вліяніемъ чрезмѣрныхъ опасеній, вызванныхъ двусмысленной политикой Австріи, собиравшейся удивить свѣтъ величіемъ своей неблагодарности, онъ уже тогда указывалъ на необходимость приготовиться къ отступленію за Серетъ.

Не осмѣливаясь прямо и открыто отмѣнить предначертанія государя и видимо приступая къ исполненію ихъ, фельдмаршалъ осторожно направлялъ всѣ усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать подъ благовидными предлогами осадѣ Силистріи и при первой возможности отвести армію на лѣвый берегъ Дуная. Въ письмѣ къ императору Николаю фельдмаршалъ умолялъ государя отказаться отъ осады Силистріи и очистить княжества. Отвѣтомъ послужило грозное письмо изъ Петербурга съ повелѣніемъ не упускать драгоцѣннаго времени. Далѣе нельзя было медлить; фельдмаршалъ подступилъ къ Силистріи, но отказался отъ блокады крѣпости и рѣшился вести дѣло такимъ образомъ, чтобы непріятель только почиталъ себя въ осадномъ положеніи. Свободное сообщеніе Силистріи съ Шумлою не прекращалось во все время пахожденія здѣсь русскихъ войскъ.



Генералъ-адъютантъ К. А. Шильдеръ.

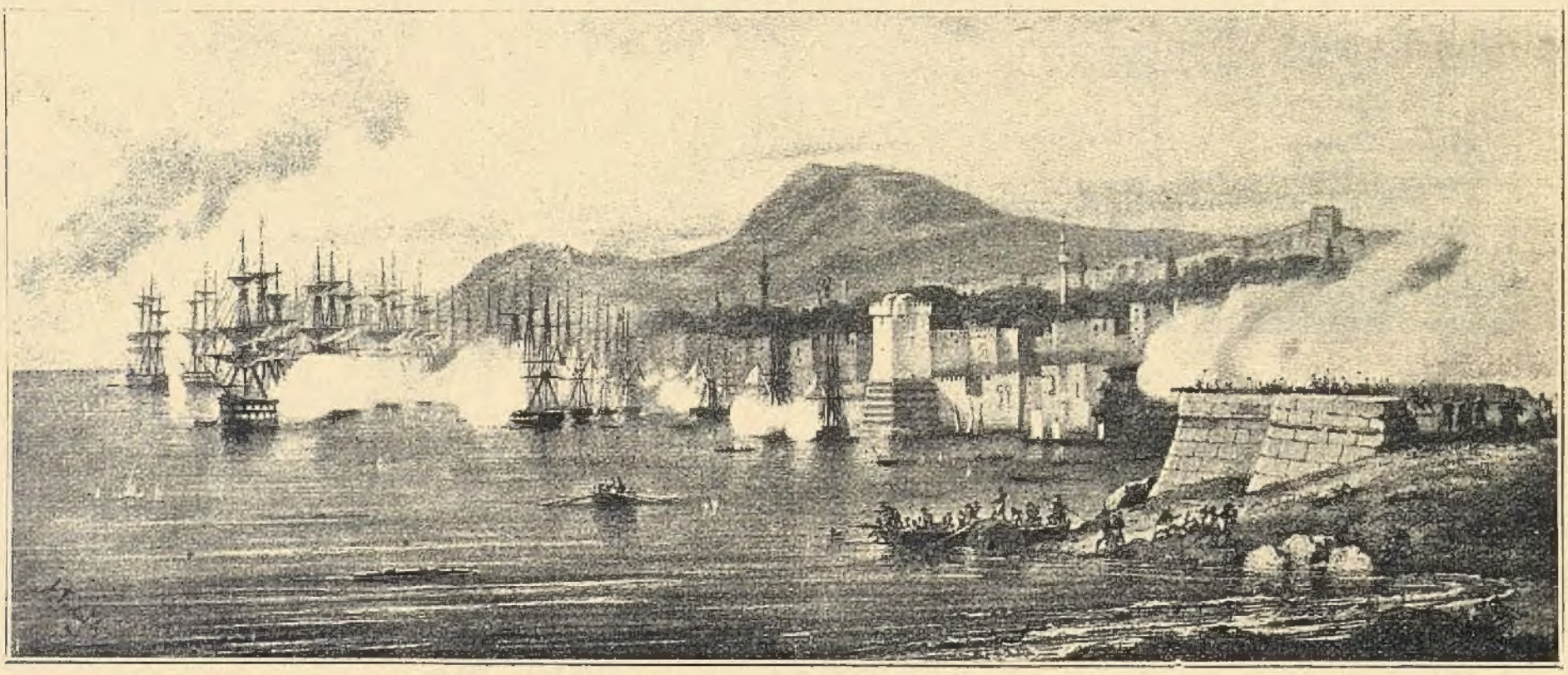
И такъ, участь похода на Дунаѣ была рѣшена въ роковомъ смыслѣ для славы полководца и для славы ввѣренныхъ ему войскъ. Всѣ силы сосредоточенной на Дунаѣ сто-тысячной русской арміи направлены были къ правильной осадѣ двухъ передовыхъ полевыхъ укрѣпленій крѣпости Силистріи, которыя къ тому же фельдмаршалъ не имѣлъ вовсе намѣренія взять, считая всякій одержанный на дунайскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій успѣхъ безполезнымъ. При подобной невозможной обстановкѣ веденіе осадныхъ работъ подъ Силистріею было поручено генералъ-адъютанту Шильдеру.

28-го мая фельдмаршалъ былъ контуженъ во время рекогносцировки и удалился въ Яссы. 1-го іюня во время обхода траншейныхъ работъ генералъ-адъютанту Шильдеру осколкомъ гранаты раздробило правую ногу. Минныя работы противъ Арабъ-Табіи продолжались, и ночью съ 8-го на 9-е іюня войска готовились уже штурмовать передовыя силистрійскія укрѣпленія, когда явился адъютантъ съ повелѣніемъ фельдмаршала снять осаду Силистріи. Князь Горчаковъ, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія, отмѣнилъ штурмъ и затѣмъ, снявъ осаду, перевелъ войска на лѣвый берегъ Дуная. Вскорѣ начатое отступленіе довершено было обратнымъ движеніемъ дунайской арміи изъ княжествъ въ предѣлы имперіи.

Получивъ донесеніе о снятіи осады Силистріи, императоръ Николай писалъ по этому поводу князю Варшавскому, 14-го (26-го) іюня: «Нельзя не жалѣть о снятіи осады Силистріи, сколь она не вынуждена была замыслами Австріи. Послѣдствія будутъ весьма непріятны, поднявъ духъ турокъ, уронивъ духъ нашихъ, напрасно истратившихъ столько храбрости и трудовъ, да притомъ и, что главное, развязавъ руки союзникамъ опять обратиться къ исполненію своихъ высадокъ, въ особенности въ Крыму, куда, вѣроятно, всѣ усилія теперь обратятся».

Генералъ-адъютанту Шильдеру государь писалъ: «Если успѣхъ не увѣнчалъ нашихъ усилій, трудовъ и пожертвованій, то, сожалѣя со мною о необходимости на время отложить начатое, утѣшайся мыслью, что ты все сдѣлалъ, что только отъ тебя зависѣло для достиженія цѣли».

Опасенія, высказанныя императоромъ Николаемъ относительно возможности предстоявшей теперь высадки союзниковъ въ Крыму, были какъ нельзя болѣе справедливы. Во время обратнаго движенія войскъ изъ придунайскихъ княжествъ въ главную квартиру князя Горчакова стали проникать все болѣе положительныя свѣдѣнія о высадкѣ въ Крымъ, подготовляемой союзниками въ Варнѣ. Участь, которая ожидала неукрѣпленный съ сухого пути Севастополь, въ случаѣ осуществленія непріятелемъ подобной попытки, сильно тревожила князя Горчакова; въ виду этихъ обстоятельствъ онъ рѣшился отправить въ Крымъ опытнаго инженера, *лучшаго ученика Шильдера*, какъ онъ выразился



Истребленіе турецкаго флота при Синопѣ.

въ письмѣ къ князю Меншикову. Это былъ бывшій адъютантъ генерала Шильдера, подполковникъ *Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ*.

Но князь Горчаковъ этимъ не довольствовался; онъ, не имѣя на то никакого разрѣшенія, двинулъ въ Крымъ 16-ю пѣхотную дивизію. Принимая подобное рѣшеніе, князь Горчаковъ превысилъ данную ему власть и дѣйствовалъ вопреки положительнымъ предписаніямъ фельдмаршала, становясь совершенно въ разрѣзъ съ его взглядомъ на положеніе дѣлъ. Вѣрный военный взглядъ императора Николая оцѣнилъ по

достоинству всю важность сдѣланнаго распоряженія. «Нельзя благоразумнѣе поступить, ни распорядиться, какъ ты это сдѣлалъ»,—писалъ государь князю Горчакову 14-го іюля.

Одинъ князь Варшавскій, какъ и подъ Силистріей, неизмѣнно продолжалъ настаивать на своей ложной оцѣнкѣ политическаго и военнаго положенія; онъ отрицалъ справедливость опасеній за Крымъ, и его настойчиво преслѣдовалъ обычный призракъ: неблагодарная Австрія, готовая вторгнуться въ русскіе предѣлы; онъ постоянно утверждалъ, что каковъ бы ни былъ планъ французовъ, не они, не англичане и не турки, а австрійцы всего намъ опаснѣе, а потому фельдмаршалъ всѣми силами старался притянуть къ западной границѣ возможно большее число войскъ. «Полагаю, что князю Горчакову не должно бы отсылать 16-ю дивизію изъ Молдавіи»,—писалъ Паскевичъ государю. Императоръ Николай отвѣтилъ фельдмаршалу: «Посылка 16-й дивизіи, какъ бы она еще не полезна была въ Бессарабіи, совершенно необходима, чтобы дать вѣроятіе отстоять Крымъ, но и Севастополь, котораго защита, по степени сухопутной обороны, невозможна почти безъ значительной силы, тогда какъ извѣстно, съ какими способами сбираются союзники атаковать. Надѣюсь, что дивизія прибудетъ еще во-время и, быть-можетъ, рѣшитъ дѣло въ нашу пользу и уничтожитъ всѣ надежды враговъ на легкое овладѣніе. Сохраненіе Крыма, обезпеченіе Севастополя и флота теперь для насъ первѣйшая важность; если будемъ такъ несчастливы, что лишимся ихъ, надолго Россія ощущать будетъ этотъ тяжкій ударъ. Отвратить его, елико можно,—предметъ наиважнѣйшій».

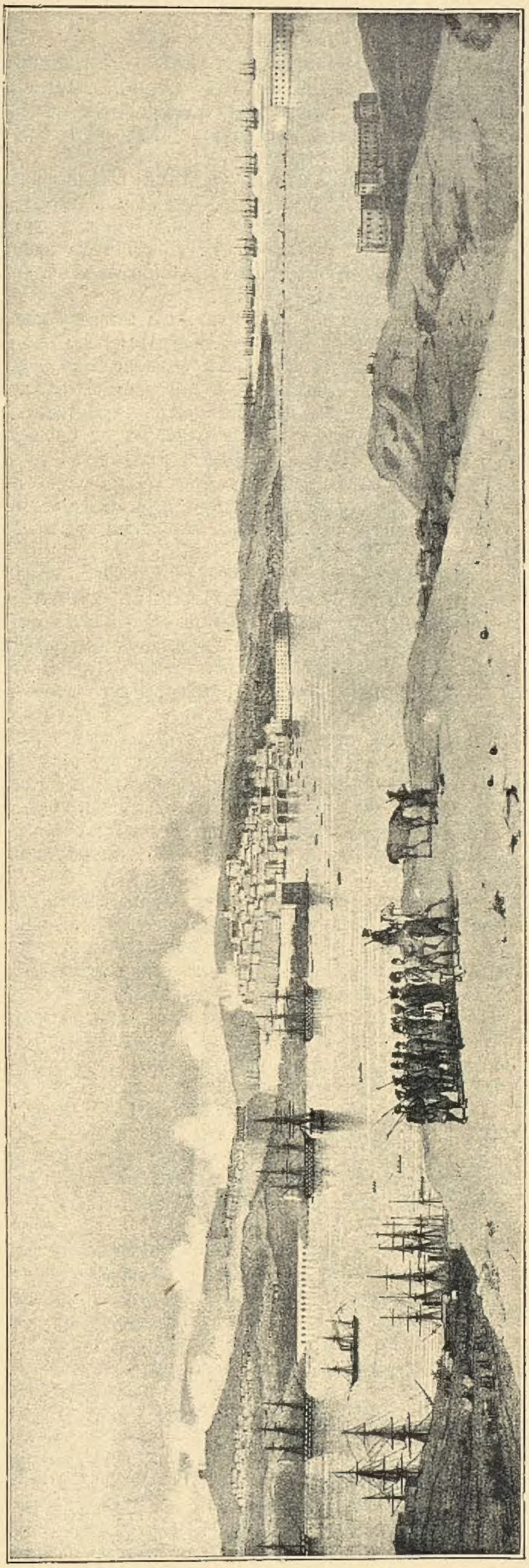
Но, какъ справедливо замѣтилъ въ своихъ запискахъ князь Викторъ Иларіоновичъ Васильчиковъ: «Свыше было рѣшено иначе, вѣроятно для того, чтобы мы, русскіе, не зазнались окончательно, взглянули серьезно на внутреннія наши неурядицы и подумали бы о врачеваніи своихъ недуговъ».

Развязка послѣдовала 2-го сентября. Союзники въ числѣ болѣе 62.000 человѣкъ при 134 полевыхъ и 74 осадныхъ орудіяхъ высадились въ Евпаторіи. Князь Меншиковъ тотчасъ распорядился сосредоточить на Альминской позиціи имѣвшіяся въ его распоряженіи силы до 33.000 человѣкъ при 96 орудіяхъ и принялъ рѣшеніе попытаться въ неравномъ бою остановить дальнѣйшее вторженіе союзниковъ и спасти Севастополь отъ грозившей ему участи. Союзники побѣдили, русскія войска отступили и дорога въ Севастополь была открыта торжествующему непріятелю.

Началась безсмертная одиннадцати-мѣсячная Севастопольская эпопея, во время которой каждый, начиная отъ солдата и кончая адмираломъ, увѣнчаннымъ синопскими лаврами, исполнили долгъ вѣрнаго слуги государю и честнаго сына отечества. Безропотно они покорились своему удѣлу и умирали героями, искупая чужія прегрѣшенія, а черноморскій флотъ погрузился въ волнахъ собственнаго рейда.

Рыцарская душа императора Николая не могла примириться съ полнымъ крушеніемъ всѣхъ его политическихъ идеаловъ, внутреннихъ и внѣшнихъ; военныя же неудачи глубоко потрясли могучій организмъ императора. Такимъ образомъ, императоръ Николай палъ жертвою настойчиваго осуществленія усвоенныхъ имъ печальныхъ преданій александровской политики послѣдняго десятилѣтія правленія Благословеннаго и сознательнаго уклоненія отъ политической системы Екатерины II, которой онъ не сочувствовалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ представимъ себѣ въ 1853 году на русскомъ престолѣ Александра I. Можно поручиться, что не случилось бы севастопольскаго погрома, а Наполеонъ III былъ бы приконченъ ранѣе 1870 года и притомъ русскими руками, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ новыхъ выгодъ для имперіи. Но прямолинейная, рыцарская натура императора Николая не была способна къ тильзитскимъ тонкостямъ и эрфуртскимъ ухищреніямъ, проявленнымъ Александромъ I съ такимъ неподражаемымъ совершенствомъ въ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ русской исторіи.

18-го февраля 1855 года Россія, а за нею и вся Европа были поражены неожиданнымъ извѣстіемъ о скоропостижной



Общій видъ Севастополя до занятія его союзниками. По рис. И. К. Айвазовскаго.

кончинѣ императора Николая и о воцареніи императора Александра II.